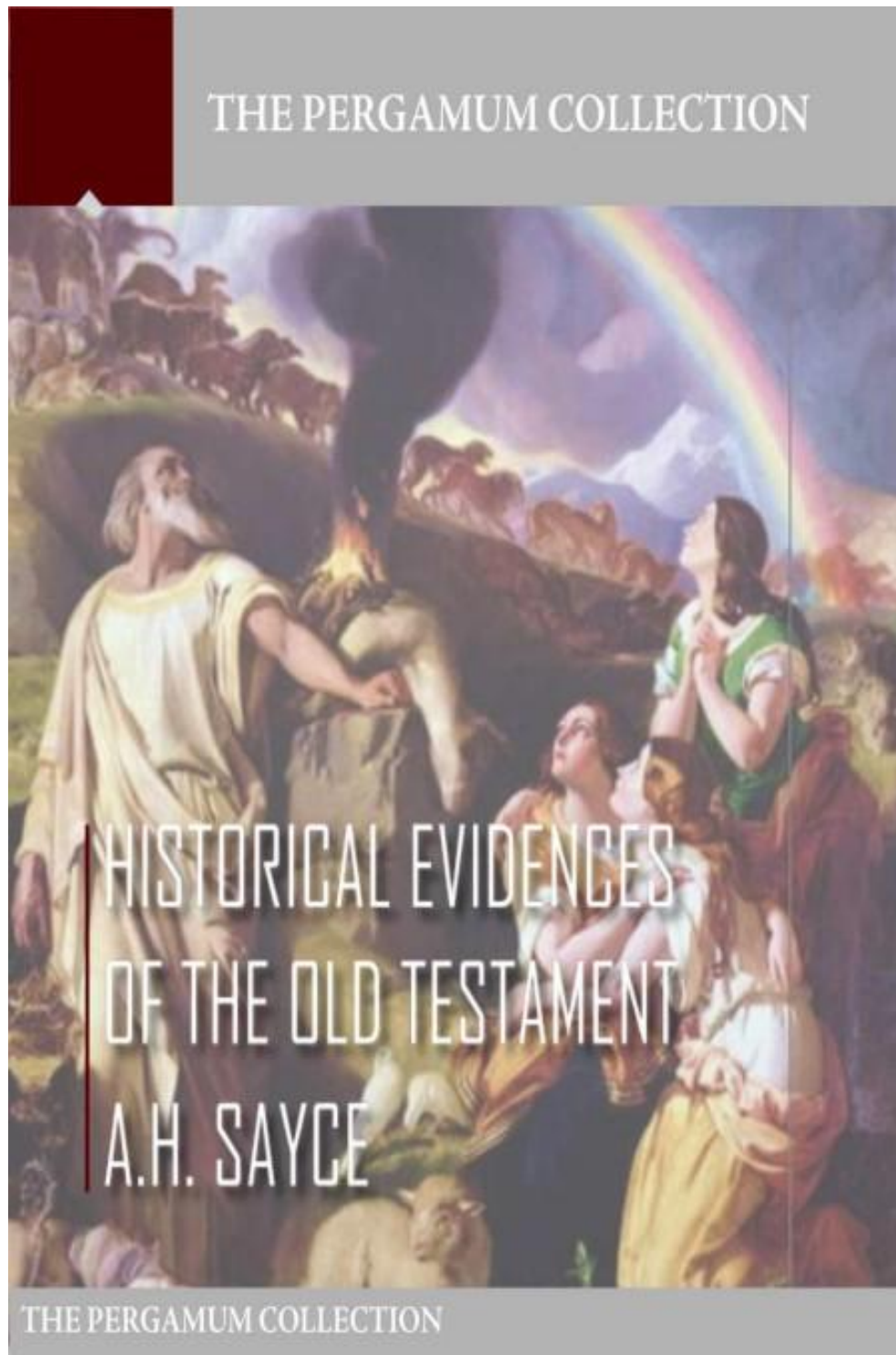

Исторические свидетельства Ветхого Завета

Арчибальд Генри Сэйс

Исторические свидетельства Ветхого Завета

Содержание

- АРГУМЕНТ ТРАКТАТА
- СВИДЕТЕЛЬСТВО ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ О ВЕТХОЗАВЕТНЫХ ПИСАНИЯХ
- ЖИЗНЕННАЯ СИЛА БИБЛИИ
- ЖИЗНЕННАЯ СИЛА БИБЛИИ
- СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ХРИСТИАНСКОГО АРГУМЕНТА ИЗ ПРОРОЧЕСТВА
- НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ ХРИСТИАНСКОГО АРГУМЕНТА ИЗ ПРОРОЧЕСТВА
- ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ РЕЛИГИИ : ИССЛЕДОВАНИЕ И АРГУМЕНТ
- ПРОВЕРЕННАЯ БИБЛИЯ или ЭТО КНИГА ДЛЯ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ И ДЛЯ ВСЕГО МИРА
- ВЕТХИЙ ЗАВЕТ ПОДТВЕРЖДЕН

АРГУМЕНТ ТРАКТАТА

Достоверность Священного Писания подвергается нападкам с начала нынешнего столетия на том основании, что содержащиеся в нем повествования не соответствуют событиям, которые они якобы описывают, 1, потому что они представляют невероятный уровень цивилизации, существовавшей в древневосточном мире, и не согласуются с рассказами классических авторов; и, 2, потому что письменность была мало известна евреям в столь ранний период. Показано, что оба эти аргумента опровергаются открытием и расшифровкой древних памятников Египта и Западной Азии, которые доказывают мельчайшую точность библейских повествований и распространенность книг и читателей в ранние времена.

Везде, где библейская история соприкасается с историей ее могущественных соседей и, таким образом, может быть проверена современными памятниками Египта и ассиро-Вавилонии, она подтверждается и иллюстрируется даже в мельчайших деталях. Типичные примеры этого взяты из памятников Вавилонии, Египта и Ассирии. Необычайная верность библейского повествования фактам, которые были полностью забыты задолго до классической эры, дополнительно иллюстрируется восстановлением великой Хеттской империи, о чем до сих пор никто не подозревал в Ветхом Завете.

Открытие Моавитского камня и, в особенности, Силоамской надписи доказывает, что евреи в эпоху царей были хорошо знакомы с искусством письма на пергаменте или папирусе. А поскольку вавилоняне обладали библиотеками и были литературным народом, нет никаких причин, по которым Авраам и его потомки также не могли бы уметь читать или писать.

Следовательно, современные исследования показали, 1, что картина восточной истории, представленная в Ветхом Завете, строго согласуется с фактами везде, где это можно проверить по памятникам того времени; и, 2, что искусство письма практиковалось израильтянами в древности. Следовательно, аргумент против современного характера ветхозаветных записей рушится, а вместе с ним и аргумент против их исторической достоверности. Это, с другой стороны, подтверждается их подробным согласием с содержанием надписей.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ О ВЕТХОЗАВЕТНЫХ ПИСАНИЯХ

С начала нынешнего столетия историческая достоверность Священных писаний Ветхого Завета подвергалась жестоким нападкам. Методы, которые использовались для превращения ранней истории Греции и Рима в миф и легенду, были обращены против древней истории еврейской расы. Было приложено все усилия, чтобы показать, что книги Ветхого Завета представляют собой множество документов и вставок разных эпох, лишь немногие из которых, однако, относятся к современности событий, которые они якобы описывают. Сами события рассматривались как продукт искаженной традиции или романтики, либо же им приписывалось чисто мифическое происхождение. Кедорлаомер и его союзники превратились в героев солнца, двенадцать сыновей Иакова - в двенадцать знаков зодиака, а завоевание Ханаана Иисусом Навином - в ежедневную борьбу ночи и рассвета. Эта скептическая критика основывалась на двух основных предположениях: во-первых, письменность была неизвестна или мало использовалась в Палестине незадолго до Вавилонского изгнания; и, во-вторых, упоминания о зарубежных странах в Ветхом Завете подразумевают невообразимый уровень цивилизации в древнем Египте и не согласуются со свидетельствами классических историков.

Однако те же полвека, которые были свидетелями этих нападков на Ветхий Завет, были также свидетелями открытия и расшифровки памятников, относящихся к ветхозаветным временам. В тот самый момент, когда противники Священного Писания применили новые методы нападения, которым больше нельзя было противостоять старыми способами защиты, Бог воздвиг неожиданные свидетельства истинности библейской истории. Древние цивилизации Египта, Вавилонии и Ассирии теперь предстают перед нами так же полно и отчетливо, как цивилизация императорского Рима. Сеннахериб и Тиглат Пилесар, Навуходоносор и Кир говорят с нами такими, какие мы есть, лицом к лицу и рассказывают нам своими словами историю деяний, в которых они сами принимали участие, и мы можем проследить саму форму писем, в которых Исайя и Иеремия записали свои пророчества. Камни взывали от имени “оракулов Божьих” и показали, что картины древней истории, приведенные в Ветхом Завете, были такими, какие могли нарисовать только современники, и что книги и искусство письма были почти так же хорошо известны в эпоху Езекии, как они известны современной Англии.

Чтобы доказать это, мы сначала возьмем несколько типичных примеров из памятников ведущих народов древнего прошлого, которые иллюстрируют ведущие периоды ветхозаветной истории,

а затем укажем, насколько ошибочной является идея о том, что люди, которыми правили Давид и Езекия, были неграмотными.

Четырнадцатая глава Книги Бытия содержит рассказ об экспедиции Кедорлаомера, царя Элама, против Палестины и его союзников, одним из которых был Амрафел, царь Сеннаара, или Южной Вавилонии. Этот рассказ был осужден как неисторический, отчасти потому, что кампания вавилонян против такой далекой страны, как Палестина, считалась невероятной в столь ранний период, отчасти потому, что царь Блам появляется в качестве предводителя армии вторжения. Но недавние открытия показали, что все повествование находится в строгом соответствии с фактическим фактом, существовавшим до дней Авраама. Мы находим из памятников, что вавилонские цари проносили свое оружие до Палестины и даже добрались до острова Кипр, в то время как один из них утверждает, что завоевал Синайский полуостров. Более того, в период, к которому мы должны отнести жизнь Авраама, Вавилония находилась в подчинении Бла-Ма и была разделена на два государства, южное из которых называлось Шумер или Сеннар. Можно показать, что само имя Кедорлаомер имеет эламское происхождение. Лагамар был бламитским божеством, а Кудур (или кедор на языке Элама "означал "слуга". Кирпичи сейчас находятся в Британском музее, на которых выбиты надписи другого кламитского принца, Кудур-Мабука, "слуги Мабука", чье имя образовано точно так же, как и имя Кедорлаомера. Из них мы узнаем, что он завоевал Вавилонию и что его сын Эри-Аку правил в Ларсе. Теперь Эри-Аку - это буква в букву то же имя, что и Ариох, а Ларса может быть отождествлена с Элласаром, городом, о котором в Книге Бытия говорится, что Ариох был царем. Таким образом, здесь, где книга Бытия затрагивает историю Вавилона, современные памятники доказывают, что ее утверждения верны до мельчайших деталей.

Точно так же, как жизнь Авраама затрагивает историю Вавилона, Исход приводит нас в соприкосновение с историей Египта. Изгнание гиксосов, или царей-пастухов, во времена которых сыны Израиля пришли в Египет, принесло с собой возвышение нового царя, который не знал Иосифа, и династии, враждебной всем тем, кто пользовался благосклонностью гиксосских князей или был азиатского происхождения. Кульминацией угнетения стало долгое правление Рамсеса II, для которого израильтяне построили города Рамсес и Питом. Доктор Бругш показал, что город Рамсес, или Рамсес, был названием, данным Зоану или Танису, старой столице гиксосов, после ее реконструкции Рамсесом II, а город Питом был обнаружен всего два года назад в курганах Тель-эль-Масхуты. Тель-эль-Масхута находится недалеко от ныне знаменитого места Тель-эль-Кебир, и египтяне называли его Па-Терн, город "Заходящего солнца". Надписи, найденные на этом месте, доказывают, что оно было построено Рамзесом II и предназначалось для "хранилища" зерна или сокровищ. Сами кладовые были обнажены. Они очень прочно построены и разделены перегородками толщиной от восьми до десяти футов. Кирпичи, как и большинство найденных в Египте, были обожжены на солнце, некоторые из них были смешаны с соломой, а другие нет. Как заметил первооткрыватель, М. Навиль, мы можем увидеть в этих кирпичах без соломы работу угнетенных людей, когда пришел приказ: "Так говорит фараон, я не дам вам соломы". Однако фараоном эпохи Исхода, должно быть, был сын Рамзеса, Менептах II, чье правление длилось недолго. Оно было полно тревог и катастроф. На пятом году его правления Северный Египет был захвачен и опустошен великим нашествием ливийцев, которое было с трудом отбито, в то время как три года спустя отряд бедуинов пробился из Эдома в землю Гошен по той самой дороге, по которой, должно быть, прошли израильтяне. Официальный отчет о переселении гласит, что они прошли через крепость Хетам, которая расположена в Туку (или Суккот), к озерам города Питом, которые находятся в земле Суккот, чтобы прокормить себя и

свои стада во владениях фараона. “Хетам, похоже, является Этамом Священного Писания. Исход 13: 20.

По мере упадка Египта могущество Ассирийского царства росло, и именно с Ассирией, а не с Египтом была связана более поздняя история Израиля. Иллюстрации и подтверждения Священного Писания в изобилии посыпались на нас в течение последних нескольких лет из курганов и руин Ассирии, и особенно из вырезанных из камня и глины книг ассирийской столицы Ниневии. Сначала было высказано возражение, что система толкования ассирийских памятников не могла быть правильной, поскольку “они никогда бы так сильно не интересовались, как их представляли, таким мелким и малоизвестным царством, как Иудейское”; но теперь, когда больше нет сомнений в расшифровке надписей, обнаруживается, что они “интересовались” Иудеей и Израилем даже больше, чем первоначально предполагалось. Со времен Ииуя ассирийские цари часто вступали в контакт с жителями Самарии и Иерусалима, и записи, которые они оставили нам, не только подтверждают утверждения Ветхого Завета, но и проливают свет на многие места, которые до сих пор были неясными.

“Ахаббу из Сирлы”, или Ахав из Израиля, - первый царь Самарии, упоминаемый в ассирийских текстах. Он привел 2000 колесниц и 10 000 человек на помощь Хададезеру, или Бен-хададу II Дамасскому, и его союзникам в великой битве против ассирийцев при Каркаре или Ароэре. Эта битва, должно быть, произошла незадолго до его смерти и после заключения союза между Ахавом и Бен-Хададом, который описан в I Царств 20:34. Преемником Хададезера был Хазаил, или Азаил, согласно Библии, а также ассирийским памятникам. Азаил потерпел поражение от ассирийского монарха, который после тщетной попытки захватить Дамаск двинулся к берегам Средиземного моря и там получил дань от Яхуа, сына Хумри.” Яхуа - это Ииуй, а Хумри Омри, хотя, называя Ииуя своим сыном, ассирийцы были дезинформированы, поскольку он был всего лишь преемником Омри. Омри, однако, был основателем Самарии, которую в надписях часто называют Бет-омри, или “Домом Омри”, и любой правитель, пришедший после него, вполне мог быть принят незнакомцем за его потомка. Носителей дани Иегу до сих пор можно увидеть изваянными на маленьком черном обелиске, привезенном сэром А. Х. Лейардом из руин Калаха и ныне находящемся в Британском музее. Они несут с собой слитки золота и серебра, золотую вазу и золотую ложку, а также золотые кубки, кусочки свинца, скипетр и драгоценное дерево. Их черты лица и сейчас характеризуют еврейскую расу, а их одежды с бахромой спускаются до лодыжек.

После времен Ииуя ассирийские памятники некоторое время умалчивают о делах на Западе. Однако Риммон-нирари, король, правивший с 810 по 781 год до н.э., низвел Дамаск до состояния вассалитета и, таким образом, на какое-то время не допустил, чтобы он был опасен для своих соседей. Это объясняет успехи Иеровоама II против сирийцев. Он был современником Риммона-нирари и “восстановил побережье Израиля от входа в Емаф до моря равнинного, по слову Господа Бога Израилева, которое он изрек рукою раба Своего Ионы, который был из Геф-Хефера”. 3 Царств 14:25.

Династия, к которой принадлежал Риммон-нирари, была свергнута в результате восстания, во главе которого стоял военный авантюрист по имени Пул, узурпировавший трон под именем Тиглат Пилесер II в апреле 745 года до нашей эры. Он основал вторую Ассирийскую империю и ввел новую систему политики на Востоке. Он и его преемники стремились объединить всю

Западную Азию в единое государство. С этой целью они не только совершали обширные завоевания, но и организовывали и консолидировали их под руководством наместников, назначенных ассирийским царем. Следовательно, с этого времени Палестина подвергалась постоянным нападениям со стороны Ассирии. Его князья стали данниками, а когда они попытались восстать, были наказаны смертью или изгнанием и пленением своего народа. Тиглат Пиласар - первый ассирийский монарх, упомянутый в Ветхом Завете, потому что, как мы теперь узнаем из памятников, он был первым, кто повел свои армии против израильтян.

Согласно 2 Царств 15:29, “Во дни Факея, царя Израильского, пришел Феглафпаласар, царь Ассирийский, и взял Ижон и Авель-Беф-Мааху, и Ианоах, и Кедес, и Асор, и Галаад, и Галилею, всю землю Неффалимову, и увел их в плен в Ассирию”.

Тиглат Пиласар, со своей стороны, сообщает нам в надписи, которая, к сожалению, сильно изуродована, что на одиннадцатом году жизни, в 734 году до н.э., он выступил в поход на Запад; и, после захвата некоторых финикийских государств, захватил города Галаад и Авель-Бет-мааха, “которые принадлежали земле Бет-омри”, и присоединил весь район к Ассирии, поставив над ним ассирийских наместников. Затем он продолжает описывать свое завоевание Газы и добавляет: “Некоторых жителей земли Беф-Омри вместе с их имуществом я перевез в Ассирию. Факей, их царь: ”Я предал смерти; я возвысил Осию до власти над ними”. Это показывает, что заговор против Факея, описанный во 2 Царств 15:30, был осуществлен под защитой и с помощью ассирийского царя.

Тиглат Пиласар, под своим первоначальным именем Пул, уже дал знать о себе израильтянам. Менахем стал его данником и дал ему “тысячу талантов серебра, чтобы рука его была с ним и утвердила царство в руке его”. 2 Царств 15:19. Об этом событии также упоминает Тиглат Пиласар в своих “анналах”, где он утверждает, что в 739 году до н.э. он получил дань от “Менахема Самарийского” и “Рецина Дамасского”.

Рецин был последним царем Дамаска. Исайя пророчествовал, что Дамаск и его правитель быстро падут, и во 2 Царств 16 нам рассказывается, как это произошло. Эйм, атакованный армиями конфедерации Пеках и Ресин, призвал на помощь могущественного Тиглата Пиласера и купил его помощь золотом и серебром храма и королевского дворца. И пошел ты, царь Ассирийский, на Дамаск, и взял его, и увел жителей его в плен в Кир, и убил Смола”. Теперь мы можем более подробно прочитать историю кампании по памятникам самого ассирийского царя. После получения еврейской взятки мы узнаем, что он выступил в поход на Сирию в 734 году до нашей эры. Ресин потерпел поражение в битве, его колесницы были уничтожены, его офицеры взяты в плен и посажены на кол, а сам он бежал в Дамаск, где был плотно осажден. Сирийская территория была охвачена огнем и мечом, шестнадцать районов, на которые она была разделена, были “затоплены, как наводнением”, а прекрасные деревья и сады, окружающие город, были вырублены и уничтожены. Дамаск, однако, оказался слишком сильным, чтобы его можно было взять штурмом; поэтому, оставив перед ним войска, которые должны были поубавиться от голода, Тиглафпаласар захватил северную часть Израиля и, как мы видели, увел жителей Галаада и Неффалима. Затем он вошел в Самарию и посадил Осию на трон, а затем вернулся в Дамаск, который пал в 732 году до н.э. после двухлетней осады. Резина был казнен и состоялся большой суд, на котором подвластные принцы соседних стран преподнесли себе подарки. Среди них был Иоахаз из Иудеи, которого библейские авторы называют Ахасом, опуская священное имя Бога Израиля из имени царя, который был недостойн

носить его. Именно когда Ахаз был в Дамаске, он увидел жертвенник, образец которого он послал священнику Урии.

Не последней из услуг, оказываемых изучающим Ветхий Завет расшифровкой ассирийских надписей, является восстановление истинной хронологии израильских и иудейских царей. Как хорошо известно, эта хронология долгое время приводила историков в отчаяние, и уверенно выдвигались самые противоречивые схемы приведения ее в порядок. Ассирийцы отсчитывали время по именам определенных должностных лиц, которые менялись из года в год, и переписывались с одноименными архонтами древних Афин. Сохранились списки этих ассирийских должностных лиц, начиная с 909 г. до н.э. и заканчивая последними днями монархии, и, таким образом, мы можем точно установить даты различных событий, которыми были отмечены сроки полномочий сменявших друг друга эпонимов. Таким образом, могут быть устранены некоторые трудности, которые ранее затрудняли хронологию книг Царств.

Тиглат Пилесар умер, по-видимому, в 727 году до н.э., и корону узурпировал Элулсеос, принявший имя Салманасар IV. Он взял Осию в плен и осадил Самарию, как нам сказано в Библии. Однако "царем Ассирии", который на самом деле захватил Самарию, был не Салманасар, а его преемник Саргон, занявший трон после смерти Салманасара, по-видимому, в 722 году до н.э. Сразу после этого пала Самария; и Саргон сообщает нам, что 27 280 ее жителей были отправлены в изгнание, а над ней был поставлен ассирийский губернатор, которому было приказано ежегодно взимать такую же дань, как та, что была выплачена Осией. Небольшое количество взятых в плен людей показывает, что только высшие классы были вывезены из своих домов, как это было в случае с евреями, которых Навуходоносор увел в плен вместе с Иоахимом; беднейшей части населения, которая не считалась ответственной за восстание в Ассирии, было разрешено остаться. Изгнанники были поселены на берегах Хабора или Хабура, реки, впадающей в Евфрат и текущей из страны, которую ассирийцы называли Гозан, а также в городах Мидии. Они были завоеваны Саргоном, а их прежние обитатели отправлены в другое место.

Имя Саргона встречается лишь однажды в Ветхом Завете, Ис. 20: 1, и поскольку никаких следов его нельзя было найти у классических авторов, оно было отвергнуто как вымышленное. Теперь, однако, мы обнаруживаем, что Саргон, отец Сеннахериба, был одним из величайших монархов, когда-либо правивших Ассирией, и что его правление длилось целых семнадцать лет. Событие, о котором упоминает Исайя, когда Тартану, или главнокомандующему, было приказано осадить Ашдод, зафиксировано в "Анналах Саргона" и стало частью истории кампании, которая пролила новый и неожиданный свет на некоторые места Священного Писания.

Утверждалось, что пророчество, содержащееся в десятой главе Книги Пророка Исайи, противоречит фактам и никогда не исполнялось. Когда Сеннахериб вторгся в Иудею, он двинулся на Иерусалим не с северо-востока, как Исайя описывает действия ассирийцев, а с юго-запада; в то время как Иерусалим не был захвачен, как предполагает Исайя. Действительно, весь дух пророчества, произнесенного Исайей, когда Сеннахирим угрожал городу, Ис. 37, разительно отличается от того, что содержится в десятой главе. Если мы обратимся к другому пророчеству, Ис. 22, то увидим перед нашими глазами картину, которая еще больше противоречит тому, что мы знаем о кампании Сеннахериба. Здесь Иерусалим описывается измотанным длительной осадой; его защитники умирают от голода; ассирийцы у его ворот; и пророк объявляет, что он вот-вот падет. До тех пор, пока считалось необходимым

относить эти пророчества к вторжению Сеннахериба, они были безнадежно несовместимы с реальными фактами.

Но теперь все трудности устранены, и точность Священного Писания полностью подтверждена. Из ассирийских памятников мы узнаем, что за десять лет до вторжения Сеннахериба в Иудею произошло предыдущее вторжение его отца Саргона. Халдейский вождь по имени Меродах-баладан провозгласил себя царем Вавилона после смерти Салманасара и в течение нескольких лет успешно противостоял своему опасному соседу, ассирийскому царю. Однако по мере того, как Саргон становился все более могущественным, Меродах-баладан начал предпринимать попытки сформировать против него обширную лигу. Послы были отправлены с целью обвинить восток, а также Египет, Иудею и другие сирийские государства на западе. Из Библии мы узнаем, что недавнее выздоровление Езекии послужило предлогом для их визита к нему. Лига была сформирована, но прежде чем ее члены успели действовать согласованно, Саргон узнал об этом и сразу же выступил против Палестины. Обширные земли Иудеи были захвачены, а ее столица взята; Ашдод, который был центром недовольства, был стерт с лица земли, моавитяне и эдомитяне были наказаны, а египетскому царю помешали прийти на помощь своим союзникам. Именно об этом вторжении в Иудею и взятии Иерусалима упоминает Исая в десятой и двадцать второй главах своих пророчеств; и показано, что библейские утверждения являются точным отражением реальных фактов. В следующем году (710 г. до н.э.) Саргон обратился против Меродаха Баладана. Эламиты потерпели поражение, Вавилон был взят, а халдейский принц изгнан в болота у истоков Персидского залива, в то время как Саргон провозгласил себя царем Вавилонии.

Саргон был убит своими солдатами, и ему наследовал его сын Сеннахериб, который взошел на трон 12 Ав или июля 705 года до н.э. Полагаясь на поддержку Тирхаки, эфиопского царя Египта, Езекия отказался от своей верности Ассирии, и за ним последовали финикийцы и другие соседние государства. Только в 701 году до н.э., на четвертый год своего правления, Сеннахериб почувствовал себя свободным наказать мятежников. Затем последовал тот памятный поход, последняя часть которого так подробно описана Исанией и во второй книге Царств и который закончился так катастрофически для тщеславного ассирийского царя. Отчет об этом почти с такими же подробностями дается самим Сеннахерибом, хотя последняя катастрофа, естественно, замалчивается, и фиксируются только более ранние успехи экспедиции. Среди глиняных книг Ниневии было найдено более одной версии этого рассказа, вот перевод одной из них.

“В моем третьем походе я отправился в страну хеттов. Страх перед величием моего величества обуял Клутьсеоса, царя Сидона, и он бежал далеко посреди моря (то есть на Кипр), а его землю я подчинил. Что касается Великого и Малого Сидона, Бет-Зета, Сарепты, Махаллиба, Усу, Экиппы и Акко (Акко), его сильных городов, огороженных крепостей и деревень, казарм его войск, страх перед оружием Ассур, моего господина, охватил их, и они преклонили колени у моих ног. Я посадил Этбаала на царский трон над ними и возложил на него дань и налоги, причитающиеся моему величеству каждый год во веки веков. Менахем из Самси-мруна, Этбаал из Сидона, Абдилихти из Арвада, Уру-мелех из Гебала, Метинти из Ашдода, Федаил из Аммона, Чемош-надав из Моава, Мелех-рам из Эдома, все цари запада принесли все свои богатые дары и сокровища в мое присутствие и поцеловали мои ноги. Но Седекию, царя Ашкелона, который не покорился моему игу, самого себя, богов дома его отцов, его жену, его сыновей, его дочерей и его братьев, потомство дома его отцов, я удалил и отправил его в

Ассирию. Я поставил над жителями Ашкелона Сарлудари, сына Рукипти, их бывшего короля, и я обязал его платить дань и оказывать почтение моему величеству, и он стал вассалом. В ходе моей кампании я приблизился и захватил Беф-Дагон, Иоппию, Беневерак и Азур, города Седекии, которые не сразу покорились моему игу, и я забрал их добычу. Священники, вожди и простые люди Аккарона, которые заковали в цепи своего царя Пади (Педайю) за то, что он был верен своим клятвам Ассирии, и выдали его иудею Езекии, который заточил его, как врага, в темную темницу, в глубине души боялись. Царь Египта, лучники, колесницы и лошади царя Эфиопии собрали вместе неисчислимые силы и отправились им на помощь. Перед городом Эльтеке был выстроен их боевой порядок; они созвали свои войска (на битву). Доверяя Ассуре, моему господину, я сражался с ними и победил их. Мои руки взяли командиров колесниц и сыновей царя Египта, а также командиров колесниц царя Эфиопии живыми в разгар битвы. Я приблизился и захватил города Эльтеке и Тимнат, и я забрал их добычу. Я выступил против города Экрон и предал смерти священников и вождей, совершивших грех (мятежа), и я развесил их тела на кольях по всему городу. Граждан, совершивших зло, я считал добычей; что же касается остальных из них, которые не совершили ни греха, ни преступления, в ком не было обнаружено никакой вины, я провозгласил их свободу (от наказания). Я приказал вывести Пади, их царя, из центра Иерусалима, и я посадил его на царский трон над ними, и я возложил на него дань, причитающуюся моему величеству. Но что касается Езекии Иудейского, который не покорился моему игу, то сорок шесть из его сильных городов, вместе с бесчисленными крепостями и маленькими городками, которые зависели от них, разрушив стены и начав открытую атаку, с помощью битв, машин и таранов, я осадил, я захватил; я вывел из их среды и насчитал в качестве добычи 200 150 человек, больших и малых, мужчин и женщин, не считая мулов, ослов, верблюдов, быков и овец без числа. Самого Езекию я запер, как птицу в клетке, в Иерусалиме, его царственном городе. Я построил против него линию фортов и не давал его пяте выйти за большие ворота его города. Я отрезал его города, которые я разорил, от его земли и отдал их Метинти, царю Ашдода, Пади, царю Бкрона, и Зил-ваалу, царю Газы, и я сделал его страну маленькой. В дополнение к их прежней дани и ежегодным подаркам, я добавил другую дань уважения, подобающую моему величеству, и возложил это на них. Страх перед величием моего величества переполнил его, даже Езекию, и он послал за мной в Ниневию, мой царственный город, в качестве подарков и дани арабов и своих телохранителей, которых он привел для защиты Иерусалима, своего царственного города, и снабдил жалованьем, наряду с тридцатью талантами, восемьюстами талантами чистого серебра, карбункулами и другими драгоценными камнями, ложем из слоновой кости, тронами из слоновой кости, слоновой шкурой, слоновым бивнем, всевозможными редкими породами дерева, огромным сокровищем, а также евнухами из слоновой кости. его дворец, танцующие мужчины и танцующие женщины; и он прислал своего посла, чтобы выразить почтение”.

В этом рассказе Сеннахериб благоразумно опускает упоминание о том, почему он так и не захватил сам Иерусалим после всех приготовлений, которые он для этого сделал, или почему ему не удалось наказать Езекию так, как он привык наказывать других мятежных князей. Его молчание по этому поводу и тот факт, что он никогда больше не отваживался вторгаться в Палестину, являются самым убедительным из возможных подтверждений правдивости библейской истории. Чтобы скрыть катастрофический финал своей кампании, он переместил период, в который к Езекии было отправлено посольство, и заставил его следовать за отправкой рабсака, или камергера, в Иерусалим. Это действительно предшествовало последнему событию и было тщетной попыткой Езекии откупиться от наказания, которым угрожал ему

ассирийский царь. Посольство прибыло в Сеннахериб сразу после захвата им Лахиша на юге Иудеи, и сейчас в Британском музее есть барельеф, изображающий его сидящим на троне, а жители несчастного города преклоняют перед ним колени. Надпись перед царем гласит: “Сеннахериб, царь народов, царь Ассирии, восседал на прямом троне, и добыча города Лахиса проходила перед ним”.

Прежде чем мы оставим ассирийские летописи, мы должны обратить внимание на утверждение Священного Писания, которое было предметом большой враждебной критики, но теперь было любопытным образом подтверждено современными исследованиями. Во 2-й Хронике 33 говорится, что царь Ассирии, подавив восстание Манассии, увел его пленником в Вавилон. Этот факт не упоминается в книгах Царств, и его задавали. Как мог ассирийский царь перевезти своих пленников в Вавилон? Если бы этот факт был изобретением более поздней эпохи, когда история Ассирии была забыта, мы могли бы быть совершенно уверены, что местом заключения Манассии была бы назначена Ниневия, а не Вавилон. Но предполагаемая ошибка оказывается убедительным подтверждением библейского повествования. Манассия был современником сына и преемника Сеннахериба, Эсар-Хаддона, который упоминает его по имени более чем в одной надписи; и Эсархаддон не только восстановил Вавилон, разрушенный его отцом, но и держал там свой двор в течение полугода. То, что впоследствии Манассия должен был быть помилован и восстановлен на своем троне, также полностью соответствует свидетельствам памятников. С мятежными принцами нередко обращались подобным образом. Так, Ашшурбанипал, преемник Асар-хаддона, рассказывает нам, что, отправив взбунтовавшегося египетского принца в Ниневию, связанного по рукам и ногам железными оковами, он простил пленника и позволил ему вернуться в свое царство.

Иерусалиму было суждено пасть от руки не ассирийского, а вавилонского монарха. Вавилонская империя Навуходоносора возникла на руинах ассирийской империи; но хотя у нас есть много надписей великого вавилонского царя, относящихся к его постройкам, пока что найден лишь небольшой фрагмент его летописей. Это, однако, рассеивает сомнения, которые были высказаны относительно исполнения пророчества Иеремии о Вавилонском завоевании Египта. В нем говорится, что на тридцать седьмом году жизни (568 г. до н.э.) Навуходоносор вторгся в Египет и победил египетского царя Амасиса. Египетские памятники дополняют эту искаженную летопись. От них мы узнаем, что силы вторжения проникли в страну до крайнего юга, и что только когда они достигли Асуана, египетский полководец Хор снова отбросил их назад. Всего год назад в курганах Тель-Дефенне, древней Дафны, на западном берегу Суэцкого канала, была сделана интересная находка. Он состоял из небольших глиняных цилиндров, покрытых вавилонскими письменами, в которых перечислялись титулы и строительные операции Навуходоносора. Должно быть, они были похоронены в этом пограничном городе Египта в знак вавилонского завоевания страны.

Историю падения империи Навуходоносора нам теперь рассказал сам Кир. На руинах Вавилона были обнаружены две его длинные надписи, в одной из которых в хронологическом порядке излагаются события, которыми было отмечено правление Набонида, отца Валтасара и последнего вавилонского царя, а также история окончательного завоевания Вавилона; в то время как другая представляет собой воззвание, сделанное Киром вскоре после поражения и смерти Набонида. В этом он заявляет, что Бел-Меродах, великий повелитель, восстановитель своего народа, с радостью взирал на деяния своего наместника (Кира), у которого были

праведные руки и сердце. В своем городе Вавилоне он созвал свой отряд и велел ему идти дорогой в Вавилон; как друг и товарищ, он пошел рядом с ним.

Когда завоевание было завершено, Кир собрал различные народы, которых вавилонские цари угнали в плен, и вернул их и их богов на их собственные земли. Среди этих народов были, как учит нас Библия, евреи, которые вернулись не с изображениями ложных богов, а со священными сосудами из разрушенного храма.

Итак, таковы некоторые из наиболее поразительных подтверждений истинности ветхозаветных записей, где говорится о великих царствах и империях, окружавших избранный народ. В каждом случае, когда мы можем проверить это по современным памятникам, в подлинности которых никто не сомневается, мы находим это подтвержденным и объясненным даже в мельчайших деталях. Такая точность была бы невозможна, если бы библейские повествования были составлены в более поздний период, чем тот, к которому относятся эти события. Легенда вскоре занимает место истории на Востоке, и классические авторы показывают, как быстро были забыты подлинные летописи Египта и Ассирии. Монументальное исследование не только доказало истинность событий, описанных в Священном Писании, оно также доказывает, что отчет об этих событиях, должно быть, был написан современниками. Ни на какой другой гипотезе не может быть объяснена та мельчайшая точность, которая отличает ее.

Эта точность недавно была проиллюстрирована поразительным и неожиданным открытием. Помимо небольшого племени хеттов, поселившегося на юге Иудеи, о котором мы так много слышим в связи с жизнеописаниями патриархов, в книгах Царств неоднократно упоминаются хетты, жившие на севере Сирии. Соломон, как нам говорят, импортировал лошадей из Египта, которые снова были проданы "всем царям Хеттов" и царям Арама, или Сирии, 1 Царств 10: 29. Опять же, когда Бог наслал панику на сирийскую армию, осаждавшую Самарю, солдаты Бен-Хадада предположили, что царь Израиля нанял против нас царей хеттов и царей Египтян. 2 Царств 7:6.

Возражатели против исторической достоверности повествования Ветхого Завета, такие как профессор Ф. Ньюман, заявляли, что эти намеки на северных хеттов подрывают его достоверность. Классические авторы не знали о существовании хеттов на севере Сирии, а хетты из Книги Бытия жили в южной части Иудеи. Но сначала египетские, а затем ассирийские памятники доказали, что хеттские племена не только населяли тот самый район, к которому их относят упоминания в книгах Царей, но и что когда-то они были очень могущественным и важным народом. Во времена великого египетского монарха Рамсеса II, угнетателя сынов Израилевых, они боролись на равных с самими египтянами; египетский царь был рад наконец обеспечить мир, женившись на хеттской принцессе. В течение нескольких столетий они успешно противостояли могуществу Ассирии; и только во времена правления Саргона их столица Кархемиш была наконец взята штурмом, а последнего хеттского правителя сменил ассирийский губернатор. В эпоху Исхода они пронесли свое оружие через Малую Азию до берегов Эгейского моря, и империя, которую они основали в Малой Азии, оставила руины в окрестностях реки Галис, а также на скульптурных скалах Лидии. Они изобрели своеобразную систему изобразительного письма, и их искусство, хотя и основанное на вавилонских образцах, тоже было своеобразным. Раннее искусство Греции было обязано ему, а через искусство Греции - и искусству современной Европы. Местоположение их северной столицы, Кархемиша, было обнаружено в местечке, ныне называемом Джераблус, на Евфрате, мистером Джорджем

Смитом во время злополучной экспедиции, которая в конечном итоге стоила ему жизни. С тех пор руины Кархемиша были частично исследованы, и некоторые из раскопанных среди них хеттских памятников сейчас находятся в Британском музее. Однако Кархемиш был не единственной столицей, которой владели хетты. Библия говорит об их “царях” во множественном числе, и в соответствии с этим мы находим из египетских надписей, что у них также была южная столица на Оронте, называвшаяся Кадеш. Недавнее открытие показало, что Кадеш, как и Кархемиш, упоминается в Ветхом Завете. Рукописи ясно показывают, что текст Септуагинты во 2 Царств 24: 6 гласит “Кадеш хеттов” вместо “Тахтим-ходши” в еврейском тексте. Перепись Давида, согласно этому, проводилась на всей территории его империи, которая тогда включала Дамаск и, следовательно, граничила с хеттским Кадешем на севере. Таким образом, и здесь современные исследования доказали точность ветхозаветных записей в таком незначительном пункте, который ускользнул от внимания самого проницательного критика. Действительно, само существование хеттского Кадеша было забыто с тех пор, как его разрушили сирийские цари вскоре после эпохи Давида, пока это снова не всплыло на свет благодаря расшифровке египетских текстов.

Восстановление давно забытой хеттской империи также выявило еще несколько “непреднамеренных совпадений”, как их можно назвать, между утверждениями священных писателей и открытиями современных исследований. Во время войны с сирийцами Давид представлен как находящийся в дружеских отношениях с Хаматом. Той, царь Емафа, действительно, послал своего сына Иорама к Давиду с подарками, “потому что он воевал против Адраазара и поразил его; ибо Адраазар воевал с Тоем”. 2 Цар. 8:10. Теперь выясняется, что Хамат был хеттским царством, а хетты и их сирийские соседи принадлежали к разным расам и постоянно были вовлечены в войну. Поэтому было естественно, что Той заключил союз с Давидом, который сокрушил мощь общего врага. Этот союз между Хаматом и Иудеей, должно быть, продолжался вплоть до того времени, когда Хамат был покорен Саргоном и попал в ассирийскую зависимость. Тиглат Пилесар II сообщает нам, что Озия из Иудеи был союзником Яхуди или Иехобихада, царя Хамата. Это объясняет отрывок из Священного Писания, 2 Корин. 14: 28, который долгое время представлял собой трудность, хотя теперь считается, что трудность была вызвана нашим собственным невежеством и действительно является поразительным подтверждением истинности богодухновенного летописи. Когда говорится, что Иеровоам II вернул “Хамат, который был (в союзе) с Иудеей, для Израиля”, мы получаем среднее звено цепи, которая начинается с посольства Тои к Давиду и заканчивается союзом между Озией и Яхуди. Примечательно, что Яхуди и Иорам, сын Той, являются единственными известными нам язычниками, чьи имена сочетаются с именами Бога Израиля.

Теперь остается только указать на то, как недавние открытия показали, что письменность была известна и практиковалась в Иудее в то время, к которому относится большая часть Ветхозаветных Писаний. Были сделаны два открытия, которые особенно проясняют это. Это находки Моавитского камня и Силоамской надписи. Моавитский камень был памятником, воздвигнутым Мешей, современником Ахава, которого во 2 Кор. 3:4 называют хозяином овец. Следовательно, ему столько же лет, сколько девятому веку до христианской эры, и он был обнаружен в 1869 году г-ном Кляйном, немецким миссионером, среди руин Дхибана, древнего Дибона. Из-за неудачного спора за обладание камнем арабы разбили его на куски, хотя и не раньше, чем было произведено несколько неумелых отжимов. С тех пор большинство фрагментов были восстановлены и собраны воедино, но заключительных строк по-прежнему не хватает. Перевод текста покажет, насколько он исторически важен:

“Я, Меша, сын Хамош-гада, царя Моава, Дибонита. Мой отец царствовал над Моавом тридцать лет, и я царствовал после моего отца. И я воздвиг этот камень Чемошу в Кирхе, (камень) спасения, ибо он спас меня от всех грабителей и заставил меня увидеть мое желание на всех моих врагах, даже на Омри, царе Израиля. И теперь они поражали Моав много дней, ибо Чемош был разгневан на свою землю. Его сын наследовал ему; и он также сказал, что я поражу Моав. В мои дни (Чемош) сказал, (Пойдем) и я увижу свое желание на нем и его доме, и я уничтожу Израиль вечным разрушением. И вот, Омри захватил землю Медебу, и (враг) оккупировал ее в (его дни и в) дни его сына, сорок лет. И Чемош (смиловился) над ним в мои дни; и я укрепил Ваалмеон, и я сделал в нем резервуар, и я укрепил Кириафаим. Ибо жители Гада издревле жили в земле Атароф, и царь Израиля укрепил для себя Атароф, и я напал на стену и захватил ее, и перебил всех воинов стены на благо Хамоша и Моава; и я снял с нее всю добычу и принес ее в жертву Хамошу в Кириафе; и я разместил там жителей Сирана и жителей Мократа. И сказал мне Чемош: пойдя, сразись с Нево против Израиля. И я пошел ночью, и я сражался против него с рассвета до полудня, и я взял его и убил всего 7000 человек, но я не убил женщин и дев, ибо я посвятил их Аштар-хамошу, и я взял оттуда сосуды Яхве [Иеговы], и принес их в жертву Хамошу. И царь Израиля укрепил Яхаз и занял его, когда он воевал против меня; и Хамош изгнал его передо мной, и я взял у Моава 200 человек, всех его бедняков, и поселил их в Яхазе, и взял его, чтобы присоединить к Дибону. Я построил Кирху, стену леса, и стену города, и я построил ее ворота, и я построил ее башни, и я построил дворец, и я построил тюрьмы для преступников внутри стен. И в стене Кирхи не было водоема, и я сказал всем людям: сделайте для себя, каждый мужчина, водоем в своем доме. И я вырыл ров для Кирхи с помощью пленных израильтян. Я построил Ароер и проложил дорогу через Арнон. Я построил Вифбамоф, ибо он был разрушен; я построил Безер, ибо он был разрушен вооруженными людьми Дибона, ибо весь Дибон теперь был лоялен; и я правил из Бикрана, который я присоединил к своей земле, и я построил Бет-гамул, и Бет-диблатаим, и Бет-Баалмеон, и я поселил там бедных людей той земли. Что касается Хоронаима, то жители Эдома жили в нем издревле. И сказал мне Чемош: пойдя, сразись с Хоронаимом и возьми его. И я напал на него и взял его, и Чемош восстановил его в мои дни. Для чего я и создал”.

История, рассказанная Мешей, и рассказ, приведенный в Библии, дополняют друг друга. Меша освободил Моав от ига израильтян во время правления Ахаксии, преемника Ахава, а Иорам, преемник Охозии, впоследствии был изгнан из Яхаза. Именно в этот момент национальной победы Меша установил памятник, свидетельствующий о его успехе. Затем, однако, фортуна повернулась вспять, Иорам призвал своих союзников из Иудеи и Эдома, Моав был razoren, а Меша осажден в своей столице Кирхе. В своем отчаянии он принес в жертву своего старшего сына; “и было великое негодование против Израиля; и они отошли от него и возвратились в свою землю”.

Главный интерес, который в наших глазах представляет эта надпись, заключается, возможно, в языке и иероглифах, которыми она написана. Язык почти точно такой же, как в Ветхом Завете, и показывает, что моавитский диалект гораздо меньше отличался от иврита, чем один английский диалект от другого. Повторяются те самые фразы, которые сделали нас знакомыми из Ветхого Завета, и временами нам может казаться, что мы слушаем главу из Библии. Символы, которыми написан текст, также принадлежат к одной из форм финикийского алфавита, который, должно быть, очень напоминал тот, которым пользовались евреи. Таким образом, мы можем увидеть в них способ написания, которым пользовались более ранние пророки, и исправить с их

помощью искаженные толкования, которым небрежность переписчиков позволила проникнуть в священный текст.

После открытия Моавитского камня в самом Иерусалиме была найдена еще одна ранняя надпись, которая точно показывает нам, как первоначально должны были быть написаны книги Ветхого Завета, которые были составлены между временами Давида и Вавилонским пленением. Это Силоамская надпись, выгравированная в вырубленном в скале туннеле, по которому вода из источника Богородицы, единственного природного источника в Иерусалиме или его окрестностях, поступает в Силоамский бассейн. Его странное положение в темном подземном трубопроводе, по которому постоянно текла вода, заставляло его оставаться незамеченным еще три или четыре года назад. Даже после обнаружения пришлось спустить воду и удалить известковый налет, которым были заполнены буквы, прежде чем надпись можно было удовлетворительно прочесть. Он выглядит следующим образом:

“Смотрите на раскопки! Итак, это история раскопок. В то время как землекопы все еще поднимали кирку, каждый к своему соседу, и когда до раскопок оставалось еще три локтя, послышался голос одного человека, зовущего своего соседа, потому что в скале был избыток по правую и по левую руку. И после того, как в день раскопок землекопы ударили киркой о кирку, один о другой, вода потекла из источника в бассейн на расстояние 1200 локтей. И (часть) локтя была высотой скалы над головой землекопов”.

Следует заметить, что даже в столь ранний период, к которому относится эта надпись, инженерное искусство было достаточно развито, чтобы позволить рабочим еврейского царя начинать прокладку туннелей в холме одновременно на двух его противоположных концах и рассчитывать, когда они встретятся посередине. Что делает эту работу еще более удивительной, так это то, что расстояние от устья туннеля до его выхода составляет 1708 ярдов, а сам туннель сильно петляет. Точная дата, когда эта работа была выполнена, оспаривается, поскольку, хотя есть несколько причин, которые заставили бы нас отнести ее к эпохе Соломона, есть и другие, которые побудили большинство ученых отнести ее ко времени правления Езекии. В данном случае это будет канал, сделанный Езекией, который упоминается во 2 Коринфянам 20:20 и 2 Паралипоменон 32:30. Теперь формы букв, использованных в надписи, совершенно ясно дают понять, что гравер привык писать на пергаменте или папирусе, а не на камне. Они округлые, а не угловатые, как иероглифы на Моавитском камне. Следовательно, ясно, что алфавит, которым пользовались в Иудее, принадлежал народу, привыкшему писать и читать книги. Еще одной заметной особенностью надписи является то, что она не является общедоступным документом; даже имя правящего короля не упоминается. Должно быть, его выгравировал кто-то из рабочих в знак своего восторга по поводу успешного завершения работы. Тщательный способ формирования букв и труд, затраченный на их вырезание в таком месте, где их вряд ли можно было увидеть, доказывают, что письменность была ему так же знакома, как прокладывание туннелей в скале. Вывод из этого факта очевиден: если обычный рабочий был таким образом знаком с искусством письма, то профессиональные писцы, священники и члены пророческих школ должны были обладать гораздо большим знанием. Нет никаких оснований думать, что это искусство не было так широко известно и практиковалось, как в наши дни.

Этот вывод подтверждается памятниками Египта и Ассирии. Книги были обычным явлением в Египте с самых ранних времен; профессия писца была в большом почете; и как

государственные, так и частные памятники были покрыты письменами, которые, как предполагалось, могли быть прочитаны каждым. Среди дошедших до нас фрагментов древнеегипетской литературы есть собрание писем, призванное послужить образцом для такого рода сочинений. Уже упоминалась великая библиотека Ниневии. Она была создана в подражание библиотекам, которые существовали во всех вавилонских городах с самых отдаленных времен. Задолго до эпохи Авраама существовали не только библиотеки, хорошо укомплектованные книгами на глине и папирусе, но и многочисленные читатели. Библиотеки были общедоступными, и степень, в которой их содержание было увеличено за счет добавления новых произведений и увеличения копий старых, показывает, насколько часто они посещались. Книги были расставлены и каталогизированы, как в современной библиотеке, и относились ко всем областям знаний и представляли каждый класс литературы, который был известен в то время. Если бы израильтяне были неграмотными, живя на полпути между Ассирией и Египтом и гранича с высокоцивилизованными городами Финикии, это было бы не чем иным, как чудом. То, что это было не так, теперь стало недоступным для придирок благодаря открытию Силоамской надписи. Это подтверждает свидетельство, содержащееся в отрывке из книги Притчей (25: 1), где говорится, что книжники Езекии составили новое издание "Притчей Соломоновых", несомненно, для библиотеки, подобной библиотекам Ассирии и Вавилона.

Возрождение древних цивилизаций Востока за последние полвека, таким образом, прояснило (1), что повествования Ветхого Завета, где их можно проверить по документам, предположительно относящимся к тому времени, точны даже до мельчайших деталей; (2) что евреи до изгнания были литературным народом, обладали по крайней мере одной библиотекой и хорошо владели искусством письма. Следовательно, нельзя приводить никаких аргументов против достоверности ветхозаветных Писаний на том основании, что их исторические утверждения являются ложными или мифическими, или что они не могли быть написаны в ту раннюю дату, на которую они претендуют. Нет причин, по которым сам Авраам не мог уметь писать; большинство из его современников в Уре Халдейском умели это делать; еще меньше причин, по которым его потомки, которые соприкоснулись с египетской литературой, не должны были тоже писать. Если бы библейские книги были написаны в то время, к которому относятся описанные в них события, рассказы, которые они дают об этих событиях, обладали бы всей авторитетностью и весомостью свидетельств того времени. Писатель не дает ложного отчета о вещах, которые хорошо известны его читателям, и не воображает событий, которые, как могут показать его современники, никогда не происходили. Мы видели, что то, что мы сейчас знаем об истории письменности на Востоке, не только делает возможным, что библейские книги были написаны в то время, к которому их относит традиция, но и делает вероятным, что так оно и было. Маловероятно, что израильтяне воздержались бы от составления книг, когда они были знакомы с искусством письма и когда народы, которыми они были окружены, долгое время обладали библиотеками. А о том, что библейские книги действительно относятся к тому времени, к которому их относит традиция, свидетельствует подтверждение, полученное их содержанием при расшифровке египетских и ассирийских памятников. Точность, которую они демонстрируют в небольших деталях, объяснима, как мы видели, только исходя из гипотезы о том, что истории, содержащиеся в них, были рассказаны современниками.

Ветхий Завет - это подготовка к Новому. Божественный авторитет первого тесно связан с божественным авторитетом другого. История Еврейской церкви находит свое объяснение только в пришествии Христа; весть, переданная пророками, не может быть понята иначе, как в

свете Евангелия. Если история - это мешанина мифов и легенд, то где же основы, на которых должно было строиться христианство? Если пророчества были написаны в более позднюю эпоху, чем та, к которой они якобы относятся, то что же становится со свидетельством, к которому апеллировал сам наш Господь? К счастью, мы не призваны отвечать на эти вопросы; давно погребенные камни были извлечены из-под земли, чтобы возопить против посягателей на нашу веру, давно забытые империи древнего Востока восстали из могил веков, чтобы засвидетельствовать истинность “божьих оракулов”.

Будет видно, что аргументация этого трактата до сих пор была положительной. Мы попытались показать с помощью памятников того времени, что евреи и их соседи не были варварами и неграмотными людьми, за которых молчаливо принимали их сторонники истинности библейского повествования, и мы далее указали на соответствие между библейским повествованием и этими памятниками того времени, где бы они ни соприкасались друг с другом. Но этот аргумент не был бы полным, если бы мы не добавили к нему отрицательный аргумент. Мы должны показать, что утверждения, содержащиеся в книгах более поздней даты, чем события, которые они якобы описывают, не только несовместимы со свидетельствами памятников, но и часто противоречат им. Книги, подобные книгам Товита и Юдифи, с одной стороны, или истории древнего Востока, сохранившейся у классических авторов, с другой стороны, не выдержат испытания обращением к местным надписям. Их утверждения часто несовместимы с фактами, полученными современными египетскими и ассирийскими исследованиями, и они выдают свое позднее происхождение различными небольшими неточностями.

Возьмем, к примеру, книгу Товита. Говорят, что Товит был уведен в плен в Ниневию вместе со своими братьями из колена Неффалимова ассирийским царем Энмессаром, сыном и преемником которого был Сеннахериб. Но Неффалим, как мы видели, действительно был уведен в плен Тиглатпаласаром, который никоим образом не состоял в родстве с Сеннахерибом и между которым и Сеннахерибом был промежуток в два царствования и двадцать два года. Энмессар, очевидно, предназначен для Салманасара, ассирийского Саллиману-эсира, “которым руководит Соломон (то есть бог мира)”. Салманасар, однако, даже не принадлежал к той же семье, что и Сеннахериб. Отцом Сеннахериба был Саргон, который захватил трон после смерти Салманасара. Но автор книги Товита ничего не знал о Саргоне. Неправильное толкование отрывка из книги Царств, касающегося падения Самарии, привело его к предположению, что она была захвачена Салманасаром, а поскольку Сеннахериб был следующим ассирийским царем, чье имя появилось в исторических книгах Ветхого Завета, он поспешил с выводом, что Салманасар был его отцом и непосредственным предшественником.

Далее Товита заставляют утверждать, что убийство Сеннахериба произошло всего через пятьдесят пять дней после его возвращения из своего катастрофического похода в Палестину. И здесь автор апокрифической книги неверно истолковал ветхозаветные записи и, соответственно, впал в серьезную историческую ошибку. Кампания в Палестине произошла в 701 году до н.э., а смерть Сеннахериба - в 681 году до н.э., так что между этими двумя событиями действительно был двадцатилетний интервал. В течение этого промежутка времени Сеннахериб участвовал в нескольких войнах, хотя больше не осмеливался нападать на Езекию, и у нас есть его надписи, в которых он описывает их.

География Товита так же несовместима с монументальными свидетельствами, как и история. Рагес, город Мидии, который, как говорят, посетил Товит, вероятно, не существовал во времена Сеннахериба. Во всяком случае, ассирийцам он был неизвестен и, следовательно, не мог быть одним из срединных городов, в которых ассирийский царь поселил израильских пленников. То же самое было и с Экбатаной. В ассирийских надписях до падения Ниневии о нем ничего не упоминается; и поскольку район, в котором он находился, был захвачен Саргоном, представляется, что он был основан впоследствии его правления. Во всяком случае, в эпоху Саргона и Сеннахериба район, впоследствии ставший столицей, вообще не входил в состав Мидии. Он назывался Эллип, мидяне жили к северу и востоку от него. Следовательно, как и Рагес, он не мог получить израильское население от ассирийцев. Анахронизм сравним только с историческим анахронизмом в последнем стихе книги, где утверждается, что Ниневия была свергнута Навуходоносором и Ассуром. Настоящими разрушителями Ниневии были Киаксарес, мидийский монарх, и Набополассар, отец Навуходоносора. Ассур - это еврейская форма имени Ксеркс, а Ксеркс был персидским принцем, который правил только через полтора столетия после падения Ассирийской империи.

Если мы перейдем от книги Товита к книге Юдифи и проверим ее утверждения по памятникам, мы обнаружим, что они в равной степени ложны. Она начинается с утверждения, что Навуходоносор правил в Ниневии, а Арфаксад “царствовал над мидянами в Экбатане”. Но Ниневия превратилась в “грудю развалин” еще до того, как Навуходоносор начал где бы то ни было править; и он правил не Ассирией, а Вавилоном. Современным царем, правившим в Экбатане, был Киаксарес. Арфаксад взят из генеалогии Сима в Книге Бытия 10, и это имя состоит из слова Хесед, или “халдей”. Вряд ли нужно добавлять, что халдейский и мидийский языки сильно отличались друг от друга, и, следовательно, мидийский принц вряд ли мог носить имя, содержащее вавилонскую форму слова “халдей”.

Войны, которые вел Навуходоносор, описанные в книге Иудифь, - всего лишь плод воображения. Его завоевание Экбатаны и поимка ее правителя имели под собой так же мало оснований, как и утверждение о том, что после этого он вернулся в “Ниневию”. Восемнадцатый год правления Навуходоносора, в течение которого, как говорят, его армия захватила Сирию и Палестину и угрожала Иерусалиму, пришелся на два года после разрушения еврейской столицы и убийства Годалии. Имя полководца, который, как предполагается, командовал экспедицией, Олоферн, персидское, а не вавилонское; и географические подробности кампании только доказывают невежество автора. Утверждается, что Киликия находится чуть более чем в трех днях пути от Ниневии, Месопотамия расположена на западном, а не на восточном берегу Евфрата, а народы Фут, Луд и Рош вместе с детьми Измаила сгруппированы по соседству с Ассирией. Вряд ли нужно напоминать, что лид, или Лидия, находился на крайнем западе Малой Азии, что Пхут, или Пунт, был сомалийским побережьем Восточной Африки, что Рош является неправильным толкованием Иезекииля 38: 2, где еврейское слово правильно переводится как “главный” в Авторизованной версии, и что потомки Измаила населяли пустыни Северной и Центральной Аравии. Точно так же “Иоаким, первосвященник, бывший в те дни в Иерусалиме”, действительно жил во времена персидского царя Дария, столетие спустя после эпохи Навуходоносора; и само существование Вифулии, предполагаемого города Юдифи, вызывает сомнение. Книга Иудифи, по сути, представляет собой переплетение исторических и географических путаниц и невозможностей; почти во всех деталях ей противоречат свидетельства древних памятников.

Давайте теперь обратимся к классическим писателям, оставившим описания древней истории Востока. Среди них Геродот и Ктесий Книдский, естественно, заслуживают нашего первого внимания. Геродота называют Отцом истории, поскольку позднейшие классические концепции истории Востока были в значительной степени основаны на его работах. Ктесий был врачом персидского царя Артаксеркса и, таким образом, имел доступ к государственным архивам Персии; на основании этого он утверждал, что Геродот “солгал”, и написал работу, целью которой было опровергнуть большинство утверждений более старого историка. Но при столкновении с памятниками того времени Геродот и Ктесий оказываются ложными ориентирами. Геродот поместил строителей пирамид в Египте после времен Рамзеса или Сесостриса, но незадолго до эпохи эфиопов Сабако и Тирхака, хотя на самом деле они предшествовали им на столетия. Среди египетских царей фигурируют греческий полубог и озеро Моэрис в Фаюме, а работа Геродота изобилует небольшими неточностями в объяснениях египетских слов и обычаев, а также в описании. продукты страны. Его рассказ об Ассирии и Вавилонии еще более вводит в заблуждение. Ассирийская и Вавилонская империи смешаны вместе, точно так же, как это происходит в книге Иудифь; Сеннахериб назван царем Арабов, а Навуходоносор превращен в Лабинета I (или Набоннида) и стал отцом настоящего Набоннида. Укрепления Вавилонии приписываются царице Нитокрис, которая носит египетское имя и находится через пять поколений после Семирамиды, титула вавилонской богини Истар или Ашторет; в то время как Нинус, то есть Ниневия, предположительно, ассирийский монарх, и его называют сыном Бела или Ваала.

Во фрагментах Ктесия ассирийская история обстоит не лучше. Здесь мы также находим Бела, Нина и Семирамиду, зарегистрированных среди ассирийских монархов, наряду с Замесом или Самасом, Богом Солнца, и Ариосом или Нергалом. Падение Ассирийской империи происходит на два столетия раньше срока, и предполагается, что ее последний царь (Сарданапал) сжег себя в своем дворце, чтобы спастись от попадания в руки своих врагов. На самом деле, Сарданапал - это Ассур-банипал из надписей, который, вероятно, фигурирует в книге Ездры 4: 10 под персидской формой Аснаппера и который был сыном и преемником Асархаддона. Он был не последним царем Ассирии, и легенда о том, что он сжег себя до смерти, по-видимому, возникла из-за наказания огнем, которому он подверг своего брата, вице-короля Вавилонии, после неудачного восстания. Столь же апокрифичным является утверждение о том, что ниспровержение Ниневии было осуществлено мидянином Арбаком и вавилонянином Белесусом. Как уже отмечалось, Киаксарес и Набополассар были князьями, чьи армии навлекли гибель, которой угрожал Наум, на великий город-угнетатель Западной Азии.

Нет необходимости приводить дополнительные примеры, чтобы доказать, как быстро была забыта подлинная история древнего Востока и насколько безнадежно несовместимы со свидетельствами памятников легенды, которые заменили ее на страницах более поздних авторов. Там, где рассказы не совпадают с событиями или взяты из современных источников, теперь мы знаем, что они недостоверны и в значительной степени вымышлены. Современные источники - это, конечно, те самые памятники, которые были выявлены и интерпретированы благодаря трудолюбию и исследованиям современных ученых. Однако, говоря в целом, они были недоступны тем, кто, подобно евреям и грекам, не принадлежал к народам, их породившим. Языки и сложные системы письменности Египта и Вавилонии вряд ли могли быть изучены иностранцами, и незнакомцам редко разрешалось знакомиться с королевскими архивами этих двух стран. Действительно, в случае Ассирии это было невозможно сделать;

великая библиотека Ниневии была погребена под руинами города, из которого ее извлекли при жизни нынешнего поколения.

Следовательно, еврейские писатели, жившие после падения Ассирийской и Вавилонской империй или во времена персидского и греческого господства в Египте, имели мало шансов обратиться к современным памятникам более раннего периода. Их информация должна была черпаться из скудных и часто неправильно понимаемых упоминаний ассирийской и египетской истории в книгах Ветхого Завета, дополненных их собственным воображением и вымыслами, распространенными в произведениях греческих авторов. Поэтому апокрифические книги, такие как книги Товита и Юдифи, так полны ошибок и анахронизмов и, таким образом, ясно показывают поздность их составления и неисторический характер их содержания.

Как это контрастирует с точностью, которая, как мы видели, пронизывает канонические книги Ветхозаветных Писаний! В то время как, с одной стороны, прогресс современных открытий имеет тенденцию подрывать доверие, некогда приписывавшееся трудам александрийских евреев или греческих компиляторов, с другой стороны, он подтвердил и выверил, проиллюстрировал и объяснил утверждения и аллюзии в исторических и пророческих книгах Священного Писания. Показано, что одни принадлежат к более поздней эпохе, чем та, о которой они якобы рассказывают, а другие - современники событий, которые они описывают. Мы можем обратиться к ним с возросшей уверенностью; уверенностью в исторической картине, которую они рисуют перед нашими глазами, и верой в божественное послание, которое им было поручено донести.

Подводя итог. Свидетельство древних памятников о Священных писаниях Ветхого Завета носит двоякий характер. Это положительно, поскольку доказывает, что они согласуются с реальными фактами; и отрицательно, поскольку показывает, насколько это далеко от того, что происходит с документами, которые претендуют на такую же степень достоверности и касаются того же предмета, но которые на самом деле относятся к более поздней эпохе. Таким образом, свидетельство является завершенным. Трудности, без сомнения, все еще могут существовать то здесь, то там, поскольку, пока наши знания несовершенны, существуют вещи, которые не могут быть удовлетворительно объяснены, но уже устранено достаточно трудностей, получено достаточное подтверждение истинности библейских записей, чтобы развеять те сомнения, которые могли иметь место в наших умах, и вселить в нас спокойную уверенность в том, что с увеличением объема знаний и открытием новых памятников трудности, которые все еще остаются, будут уменьшаться, а огромный объем подтверждающих фактов будет постоянно увеличиваться. Критические возражения против истинности Ветхого Завета, однажды взятые из арсенала греческих и латинских авторов, больше никогда не могут быть выдвинуты; они были встречены и опровергнуты раз и навсегда. Ответы на них были получены из папируса, глины и камня; из гробниц Древнего Египта, из курганов Вавилонии и из разрушенных дворцов ассирийских царей.

ЖИЗНЕННАЯ СИЛА БИБЛИИ

Автор:

Преподобный У. Г. Блейки, д.Э.н., Л.Л., профессор

АРГУМЕНТАЦИЯ ФАКТА

Приводятся некоторые факты, показывающие ложность пророчества Вольтера о том, что через сто лет Библия станет забытой книгой, и о том, насколько он и другие не смогли осознать ее удивительную жизненную силу. Исследуя эту жизненную силу, мы сначала исследуем происхождение и историю книги, чтобы показать, что том такого разнообразного авторства не мог бы иметь единства или связности, если бы его составлением не руководила божественная сила. Следующий вопрос заключается в следующем: что говорит Библия, каков принцип единства в ее содержании? В ответ на это мы подробно остановились на точке зрения, согласно которой Библия от начала до конца раскрывает Бога, приближающегося к грешному человеку путем благодати, и побуждает его надеяться на Его милосердие. Далее показано, что эта милость приходит через Посредника, и план и работа Христа в Священном Писании показаны как одно из величайших средств ее влияния. Далее задается вопрос, что делает Библия? Затронуты последствия для отдельных людей и общества. Но разве нет трудностей, которые мешают сделать вывод о том, что Библия от Бога? Трудности есть, но они не ослабляют этот вывод. Является ли, таким образом, великая сила Библии просто книгой как таковой? Она обладает силой как книга, но ее великая сила проистекает из того, что она используется как средство, с помощью которого действует Святой Дух. “Осознание этого придает уверенность и силу; забывание об этом ввергает в заблуждение и слабость. Наконец, делается ссылка на некоторые другие элементы жизненной силы Библии и, в конце концов, на ее замечательную обнадеживающую силу, особенно в том, что касается завершения истории церкви”.

ЖИЗНЕННАЯ СИЛА БИБЛИИ

Восемнадцать столетий назад апостол Петр говорил о “Слове Божьем, которое живет и пребывает вовеки”. Прошло семнадцать столетий, а книга, которую мы называем “Словом Божьим”, все еще сохраняла ту жизненную силу, о которой говорил апостол. Примерно в то же время умнейший человек в Европе решил лишить ее древнего характера. Вольтер хвастался, что потребовалось двенадцать человек, чтобы установить христианство, но он хотел показать, что одного человека было достаточно, чтобы свергнуть его. Он также отважился на пророчество. Он сказал, что через сто лет Библия станет забытой книгой. Примерно в то время, когда мы сейчас пишем, она должна была храниться в коллекциях антикваров и доставаться с заплесневелой полки только так, как мы берем китайских или индийских идолов, чтобы показать нашим ученикам воскресной школы абсурдность суеверий. Какое из двух пророчеств исполнилось сегодня - простодушного апостола или гениального француза?

Давайте ответим, обратившись к одной сцене. Примерно в то время, когда Библия должна была стать забытой книгой, две компании выдающихся ученых проводили частые встречи в главном городе мира и часто часами обсуждали наилучший перевод той или иной фразы на греческом или иврите. Годы за годами они посвящали многие из своих лучших дней такой работе, напрягая свои способности до предела, обмениваясь мнениями, взвешивая аргументы, молясь о свете, колеблясь, переосмысливая, откладывая, возобновляя и, наконец, принимая решение по вопросам, которые доставляли им столько беспокойства. О чем все это было? О книге, о которой, по словам Вольтера, забудут через столетие. Они бесконечно остро почувствовали, что каждое слово этой книги должно быть переведено на английский язык максимально точно, насколько это могут позволить ресурсы нашего языка. Они были ошеломлены мыслью о

последствиях ошибки или провала в выполнении задачи, за которую они взялись. В этом отношении кропотливой осмотрительности их поддерживало сердечное одобрение всего сообщества. И когда часть их трудов была закончена, самые быстрые машины, какие только могло создать мастерство, продолжали работать день и ночь, умножая копии того, что, в конце концов, было всего лишь переработкой предыдущего перевода. Спрос на это произведение был настолько велик, что только в Великобритании было продано около двух миллионов экземпляров.

Библия - уникальное явление. Она занимает и продолжает занимать в этом мире место, с которым никогда не могла сравниться ни одна другая книга. Его положение не может быть разумно объяснено искусственными причинами. Действительно, при особых обстоятельствах некоторые книги могут иметь популярность, превосходящую их внутреннюю ценность. Их авторы могут добиться отличия в других областях. Они могут понравиться людям с большим влиянием и создать на них спрос, или их продаже могут способствовать те, кто заинтересован в их успехе. Но популярность таких книг - это всего лишь чудо одного дня. Ни одна книга не может сохранить постоянную силу и популярность благодаря искусственным причинам. Глупо говорить о Библии как о простом порождении суеверия, которое из века в век удерживается на своем месте простой силой традиции, мертвым грузом консерватизма. Книга, которая на протяжении восемнадцати столетий выдерживала всевозможные как грубые нападки, так и тонкую критику; книга, страницы которой были открыты каждому взору, которая бросала вызов благоговению высших и бросала вызов презрению самых гордых; книга, которая без колебаний заявляла о себе как о записи Божьего откровения об искуплении человека и выражении того, чего Бог требует от человека под страхом вечной смерти, такая книга, сохраняющая свое высокое положение на протяжении восемнадцати столетий, не может не обладать присущими ей качествами высочайшего порядка. Нельзя отрицать, что он обладает необычайной жизненной силой. Он никогда не устаревает, никогда не теряет своей полезности, никогда не приобретает ветхий вид: "Время не оставляет морщин на его челе"; он питает энергию бессмертной юности. В духе Вольтера неверующие могут хвастаться, что скоро его дни пройдут; они могут предсказывать, что приближается время, когда библейские верования и богослужение Библии будут отброшены народом этой страны так же основательно, как древние язычники поклонялись Юпитеру и Аполлону, а наши далекие предки отказались от обрядов друидизма. Но даже с точки зрения обычных принципов человеческой природы эти пророчества ничего не стоят. Жизненная сила, пережившая восемнадцать столетий, должна быть жизненностью необычного типа. В истории Библии могут быть взлеты и падения: Амалик может восторжествовать сегодня, а Израиль - завтра; прилив подвержен приливам и отливам, но христиане могут оставаться в полной уверенности в одном, что, когда наступит конец всего, Библия будет находиться не на более низком уровне, чем она занимает сегодня: будут даны новые доказательства ее непревзойденного качества как "Слова Божьего, живого и пребывающего вовеки". Наша цель в этом трактате - исследовать природу и причины этого замечательного явления. Простой факт, что Библия обладает такой жизненной силой, сам по себе поразителен, но чем больше исследуется этот предмет во всех его взаимосвязях и обстоятельствах, тем более замечательным он будет казаться и тем более убедительным будет доказательство того, что "Слово Божье живо и пребывает вовеки".

Прежде всего, давайте обратим наше внимание на прошлое и рассмотрим происхождение и структуру Библии. Что означает эта книга, которую обычно называют *par excellence*, “Книгой” Библия? Какова его прошлая история? Как он появился на свет? И какова была его судьба в мире за то время, что он существует здесь?

Ничто не может быть более поразительным, чем его внешняя история. Не вдаваясь в какие-либо спорные вопросы, мы можем сказать, что в истории книг Библия не имеет аналогов по времени, на протяжении которого распространялся ее состав, а также по разнообразию и числу ее авторов. Это не отдельная книга, а сборник из шестидесяти шести книг, длиннее или короче. Они были написаны не в одно и то же время, но в течение периода в пятнадцать или шестнадцать сотен лет, ненамного меньшего продолжительности христианской эры. Они не были написаны членами какой-либо отдельной касты или класса, как, например, священные книги египтян, членами жреческой касты, живущими самостоятельно, понимающими планы и проекты друг друга и передающими из века в век традиции, которые придавали единство их политике. Они были написаны самыми разными людьми и в самых разных местах пророками, священниками, царями, губернаторами, премьер-министрами, пастухами, рыбаками, мытарями, врачами, фарисеями. Они были написаны на разных языках, большинство на иврите, многие на греческом и несколько отрывков на халдейском. Некоторые книги написаны в форме истории, некоторые - биографии; некоторые - стихотворения, песни, видения, аллегории; некоторые - дидактические трактаты, некоторые - письма знакомых, некоторые - теологические трактаты и некоторые пророческие прогнозы. В пустыне Синай и пустыне Иудеи; в пещере Адуллам, в общественной тюрьме Рима и на острове Патмос; во дворцах горы Сион и Сузана; у рек Вавилона, с арфами, развешанными на ивах, и на берегах Хевара, под сенью великой крепости Кархемиш; на улицах Иерусалима, вновь отстроенного из руин, и среди музыки мальчиков и девочек, играющих на его улицах, в таком огромном разнообразии мест и обстоятельств были различные фрагменты этой истории. получилась странная мозаика. Ни одно другое литературное явление во всем мире не может сравниться с этим.

И все же шестьдесят шесть фрагментов составляют одну книгу; мозаика представляет собой связанное целое. Но как была обеспечена эта связь? Если мы представим себе, что в Англии с четвертого по девятнадцатый век шестьдесят шесть письменных произведений были подготовлены примерно половиной этого числа людей, королями, священниками, учеными, крестьянами, рыбаками и тому подобными, не имеющими особой связи друг с другом, можно ли предположить, что теперь они составят однородное целое, том, который можно было бы связать вместе, и который мы могли бы читать прямо в наших шкафах, в наших семьях и в наших церквях, без какого-либо ощущения резкого перехода или явного противоречия? И все же такова была история Библии. Не должна ли невидимая Сила двигать столь разнообразной группой писателей?

И, что еще более примечательно, авторы Библии, хотя и столь разные, как мы видели, все были связаны с одной маленькой страной и были сильно привязаны к ней и к людям, которые в ней жили; их мысли были сосредоточены вокруг ее истории, а их труды изобилуют упоминаниями о ее холмах и долинах, ее ручьях, озерах и ручейках, ее городах и деревнях, даже отдельных деревьях, скалах, пещерах и садах. В некотором смысле это очень местная книга, провинциальная, более того, местечковая в своих деталях; тем не менее, она была принята всеми цивилизованными нациями; это наша книга на этой земле в той же степени, в какой

когда-либо была книга евреев в Палестине; благодаря какому-то чудесному процессу адаптации она стала, безусловно, самой католической книгой в мире.

Давайте ненадолго остановимся на той всемирной известности, которую приобрела эта книга. Хотя с тех пор, как были написаны последние части этой книги, прошло восемнадцать столетий, сегодня ее почитают так же глубоко, как и когда-либо в Иудее, и находят столь же полезной для практических целей, как и те, кто впервые услышал ее послание. Его приветствовали и почитали евреи и греки, варвары, скифы, связанные и свободные. Он был переведен примерно на двести языков мира. Великие общества существуют с единственной целью - множить версии и копии, которые производятся миллионами год за годом. В большинстве случаев перевод Библии был эпохой в истории языка, на который она была переведена, исправив ее грамматику, расширив ее объем и улучшив ее качество. В более цивилизованных странах, где ее принимают, недостаточно иметь единственную версию; ученый за ученым пытаются улучшить перевод, и, как мы уже говорили, компании редакторов годами сидят и трудятся, пытаясь передать более точное значение исходной фразы. Другие ученые, такие как Тишендорф, бродят туда-сюда, роаясь в самых сухих пергаментях, в самых истертых временем фрагментах древних писаний; и если им удастся обнаружить какую-нибудь очень старую и заплесневелую рукопись какой-либо части Библии, словами не передать их восторга, а цифрами не передать ценность открытия. Если бы по какому-то редкому стечению обстоятельств была обнаружена оригинальная рукопись какой-либо книги Библии, ее приняли бы как сокровище прямо с небес, это было бы, безусловно, самое священное достояние, какое только есть на земле.

Из шестидесяти шести книг едва ли найдется хоть одна, к которой не были бы написаны комментарии, способные заполнить целую библиотеку. Если бы мы взялись за вычисление всей литературы, взятой из Библии, мы были бы сбиты с толку больше, чем при попытке сосчитать звезды на небе. Если бы мы обратили внимание на историю искусства, попытались сосчитать все картины высшего качества, основанные на библейских сценах, или музыку, вдохновенную библейскими истинами, или поэзию, которая обязана своей душой влиянию Библии, или цивилизации, которые она сформировала, или законы, которые она контролировала, или институты, которые она создала, мы вряд ли были бы менее озадачены.

И какую силу имеет Библия в личной и семейной жизни! Обычно это первая книга, с которой знакомят ребенка; последней она лежит на подушке умирающего. Молодой человек, начинающий жизнь, читает ее, чтобы вооружиться против искушения; старик, заканчивающий жизнь, читает ее, чтобы утешиться в горе, предотвратить опустошение тяжелой утраты и заново создать то очарование надежды, которое сохраняет сердце молодым, когда все остальное состарилось.

Может ли все это быть результатом чистого суеверия и разыгравшегося воображения? Неужели столько поколений людей были одурачены одним гигантским мошенничеством, танцующим за блуждающим огоньком, воображая, что нашли сокровище, на самом деле столь же беспочвенное, как детская мечта о волшебной стране? Разве в прошлой истории этой книги нет чего-то более чем замечательного, чего-то совершенно беспрецедентного? Такая история и такое влияние, не должно ли это обладать гораздо большей, чем человеческая жизнестойкость; не должно ли это действительно быть “Словом Божиим, живущим и пребывающим вовеки”?

Исходя из ее прошлой истории, давайте перейдем к изучению самой книги, выясним ее содержание и исследуем ее отличительный характер. В чем заключается большая нагрузка ее послания? Что составляет его жизненно важное единство, придающее общий характер Книге Бытия и откровению, Иисусу Навину и Деяниям, Хроникам и Посланию к Коринфянам, Исайе и Павлу? Ответ на эти вопросы открывает широкие двери, и для того, чтобы дать его полностью, потребовался бы целый трактат. И все же на них есть один короткий ответ, который хорошо подходит для того, чтобы пролить свет на наше нынешнее исследование жизнеспособности книги. Если бы нас попросили сказать одним словом, в чем заключается великое бремя библейского послания к человеку? Какой аспект характера Бога или его отношения к человеку доминирует во всей Библии? Наш ответ был бы таким: **“БОГ ПРИБЛИЖАЕТСЯ К ЧЕЛОВЕКУ ПО БЛАГОДАТИ И ОБОДРЯЕТ ЕГО**

НАДЕЯТЬСЯ НА ЕГО МИЛОСТЬ ЧЕРЕЗ ПОСРЕДНИКА”.

Чтобы проиллюстрировать это, давайте возьмем первую сцену после грехопадения в Раю. “И воззвал Господь Бог к Адаму и сказал: где ты?” Быт. 3:9. Это можно рассматривать как зародыш всей Библии. Человек пал и, убоявшись Бога, спрятался; но Бог приходит, чтобы найти его и, в конце концов, дать ему надежду на милосердие. В этом отрывке мы видим, как Бог ищет виновного, погубленного человека. Он мог бы оставить его на произвол судьбы, но он этого не делает, он спускается в сад, который человек осквернил грехом, и вызывает к нему, дрожа в своем укрытии. Несомненно, он выносит Адаму приговор преступника и изгоняет его из Рая. Но это еще не все. Дверь надежды открывается в приговоре, вынесенном искусителю: “Семяженщины поразит твою голову”. Мужчина не должен быть оставлен этому врагу; освобождение должно прийти к нему через его собственное семя. Позже мы поговорим об этом обетовании; пока же мы останавливаемся на том факте, что после того, как он пал, Бог приближается к нему, без сомнения, со словом осуждения, но также и со словом ободрения и надежды. Мы говорим, что в этом суть всей Библии.

От Книги Бытия до Откровения мы находим одно и то же: Бог смотрит сверху вниз на человека, борющегося с волнами греха и вины, и протягивает Свою руку, чтобы спасти его. От начала до конца Пастух бродит по горам в поисках заблудившейся овцы. Одно из замечательных преимуществ трех притч нашего Господа о заблудшей овце, о потерянном сребренике и о потерянном сыне заключалось в том, что они одновременно подводили итог всей истории прошлого, указывали на великое событие настоящего и предсказывали историю будущего. Они сфокусировали всю историю взаимоотношений Бога с человеком. В другом смысле эти взаимоотношения были сфокусированы на кресте Христа. Иисус был предметом его собственных притч. История прошлого, и особенно история Израиля, показала, что Бог никогда не оставлял человека, что он шел за ним, несмотря на все его скитания и все его нечестие, чтобы вернуть его к истинному источнику живой воды. Воплощение и распятие показали кульминацию божественной заботы о восстановлении человека. Бог не только обитал среди людей в лице Своего Сына, не только он стал единым целым с человечеством, но и понес наказание за их грехопадение, чтобы спасти их. “Бог доказывает свою любовь к нам тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками”. Величайшее событие в библейской истории - это всего лишь итог всего, что ему предшествовало. Добрый Пастырь, который все это время следовал за овцами, подошел к ним ближе, чем когда-либо, и страдал в их комнате, чтобы их грехи могли быть прощены и чтобы они могли быть приведены к зеленым пастбищам и тихим водам вечной жизни.

Давайте взглянем на историю Ветхого Завета и посмотрим, не таково ли было отношение Бога с самого начала. Мы видели, что, когда Он изгнал человека из Рая, он не оставил его постоянно все больше и больше попадать под власть своего врага, пока он не будет безнадежно разрушен, но дал ему дверь надежды, дал ему повод уповать на его милосердие. Однако, несмотря на все, что делал Бог, среди людей росло разложение; они оказались на самой грани вымирания, воды всемирного потопа, казалось, угрожали всеобщей смертью, но Бог приблизился к Нюю по благодати и ободрил его, как он ободрил Адама, надеяться на его милосердие. Однако снова, после потопа, начался процесс разложения; идолопоклонство стало безудержным даже на равнинах Месопотамии; но Бог снова вмешался на пути благодати, спас Авраама от идолопоклонства его братьев и заключил с ним завет, обещая, что в нем и в его семени будут благословлены все народы земли. Завет был обновлен с патриархами, и под его защитой семья Израиля отправилась жить в Египет, но теперь беда пришла не изнутри; гонения пришли извне, и снова Бог приблизился путем благодати, избавляя свой народ из Египта и ободряя его способами, которым нет числа, чтобы "надеяться на Его" милость. Шли века; после того, как они поселились в Ханаане, были даны новые откровения о божественном милосердии; песни искупления, призывающие Израиль надеяться на Господа, ибо с Господом была милость и с ним было обильное искупление, стали национальными песнями для людей, и в их священных книгах откровения о грядущем искуплении стали ярче и яснее. Но если Бог открывал себя более ясно, то сила развращения действовала более интенсивно, последовало наказание, пока не заболела вся голова и не ослабело все сердце; могущественный Навуходоносор утащил в плен в Вавилон почти всех, кого пощадили меч, мор и голод.

Но тот же самый Бог, который пришел искать Адама среди деревьев сада, пришел искать Израиль у рек Вавилона. Он снова приблизился к ним путем благодати и вновь призвал их надеяться на Его милосердие. Он обратил вспять пленение Сиона и восстановил святой город. Однако новые формы коррупции нахлынули подобно наводнению, сердце и душа уклонились от служения Богу, и выдающиеся проповедники религии стали подобны выбеленным гробницам, полным костей мертвецов. Бог снова приблизился, и, как мы уже говорили, в форме, не имеющей аналогов и завершенной: Бог явился во плоти и доказал бесконечное богатство Своей благодати, умерев за людей, Праведный за неправедных, чтобы привести их к Богу.

Это был заключительный урок. Ничего более простого, ничего более высокого, ничего более полного нельзя было показать. Крест был кульминацией всего прошлого, так же как и истоком всего будущего. После Христа каждому члену его царства было в какой-то мере поручено провозглашать благодать Божью и призывать людей надеяться на его милосердие. "Да услышит говорящий: приди" - было правилом царства; в то время как люди были отделены как послы великого Царя, чтобы идти по всему миру и возвещать благуя весть каждой твари, провозглашать Бога во Христе, примиряющего мир с самим собой и не вменяющего людям их прегрешения, и умолять их вместо Христа примириться с Богом.

Мы говорим, что это великая особенность всей Библии. Если мы прочитаем то, что можно было бы назвать "ретроспективными псалмами", те, в которых поэт повторяет прошлую историю нации, мы обнаружим, что они именно в этом ключе. В длинной серии чередующихся предложений он противопоставляет постоянно возвращающиеся отступничества людей непреходящей милости Иеговы. "Много раз он спасал их; но они раздражали его своими советами и были унижены за свое беззаконие. Тем не менее, Он обратил внимание на их скорбь, когда услышал их крик, и вспомнил о своем завете с ними, и покаялся согласно

множеству Своих милостей ”. В каком более любящем или привлекательном отношении можно было увидеть Бога? Всегда тосковал по своим неразумным детям; скорбел об их безрассудстве и порочности и скорбел о страданиях, которые они навлекли на себя; ждал возможности поговорить с ними ласково и уютно и больше всего на свете желал получить от них радушный прием, когда жалобным голосом он обратится к ним с мольбой: “Обратитесь, обратитесь от своих злых путей, ибо зачем вам умирать, о дом Израилев?”

Это было замечание выдающегося человека о том, что “в других религиях мы видим человека, ищущего Бога; в Библии мы видим Бога, ищущего человека”. Разве это не самая интересная и благословенная особенность? Несомненно, наши сердца вполне могут прильнуть к книге, которая показывает высокого и превознесенного, обитающего в вечности, и чье имя свято, смиряющего себя, чтобы созерцать землю, и приближающегося в благодати и милосердии, чтобы спасти, очистить и благословить. И да будем мы крепко держаться за ту часть книги, которая подчеркнуто названа “Евангелие”, за благую весть, которая не только говорит нам об изобилии благодати, но и показывает нам вечного Сына Божьего как вестника этой благодати; да, и показывает, как он изливает свою душу до смерти, чтобы открылся канал, по которому должна течь эта благодать.

Но как нам объяснить эту особенность Библии? Как получилось, что от Книги Бытия до Откровения мы имеем такое раскрытие божественного сердца, такой взгляд на божественное Существо, склоняющееся над своими заблудшими детьми, чтобы арестовать и спасти их? Как эта концепция Бога пришла в сердца писателей? И как получилось, что это стало ассоциироваться с идеей самого праведного и святого Бога, в глазах которого не может обитать зло и не могут устоять глупцы?

Конечно, это не естественная концепция человека о Боге. Это не концепция, изложенная ни в одной другой религии или в какой-либо другой так называемой священной книге. Как же тогда это пришло в голову стольким писателям подряд и как они на последней стадии развития пришли к идее воплощения и креста? Естественная идея человека состоит в том, что Бог раздражен; что он не просто раздосадован своим грехом, но что он испытывает горечь по отношению к грешнику и что он горит желанием наказать его. Даже с Библией в руках часто бывает очень трудно искоренить чувство, что Бог испытывает к нам неприязнь. Чем глубже наше осознание греха, тем больше мы склонны думать, что Бог испытывает к нам личную неприязнь. Мы думаем, что он, должно быть, считает нас источником раздражения и неприятностей, и избегаем встречи с ним, как избегаем встречи с любым влиятельным человеком, которого, как мы знаем, обидели и спровоцировали.

Теперь возникает вопрос, как получилось, что у авторов Библии были столь разные представления о Боге? Как получилось, что они сразу усилили Божью праведность, Божью ненависть ко греху и в то же время очистили его чувство к грешнику от всякой горечи, более того, как бы искупали его в любви? Как получилось, что все они, в большей или меньшей степени, испытывали это чувство, так что, как мы видели, Бог повсюду представлен как приближающийся к грешнику по благодати и поощряющий его, каким бы недостойным он ни был, надеяться на его милосердие? Как они пришли к тому, что за пределами Библии люди никогда не могли увидеть с какой-либо ясностью: милосердие и истина встретились вместе, праведность и мир обняли друг друга? И как получилось, что они сосредоточили все эти направления учения на личности, жизни, притчах, чудесах, смерти и воскресении Иисуса

Христа? Разве не ясно, что за человеческим авторством Библии насквозь пронизано невидимое влияние с небес, что она не основывается, подобно другим книгам, только на дарах и достижениях своих авторов-людей, но была задумана как то, чем она всегда была и всегда будет, орган Святого Духа для просвещения и спасения людей “Словом Божиим, живущим и пребывающим вовеки”.

Но даже самый беглый взгляд на великий смысл Библии был бы, по сути, недостаточным, если бы мы не принимали во внимание то, что в ней говорится об особом пути милосердия, который Бог назначил для грешных людей. Ибо Библейский урок заключается не в том, что Божья милость приходит к людям прямо и немедленно; она приходит по своему собственному каналу. Библия не учит, что прощение греха стоит Богу не больше, чем акт снисхождения, а прощение стоит нам, когда мы получили травму. Милосердие к виновным приходит от Бога через посредничество другого человека. В сделке всегда участвует третья сторона. Поэтому, чтобы сделать наше представление о главной черте Библии более полным, мы должны добавить еще одно положение, цель которого, как мы уже говорили, состоит в том, чтобы показать, что Бог приближается к человеку по благодати и побуждает его надеяться на его милосердие, но всегда ЧЕРЕЗ ПОСРЕДНИКА.

Учение Священного Писания не гласит, что человек может восстановить себя всего лишь собственными усилиями во всем, что он потерял. Это также не доктрина Священного Писания о том, что по какому-то общему закону развития и совершенствования все должно прийти в норму и все снова будет хорошо. Более того, учение Священного Писания о том, что Бог должен восстановить все вещи таким же образом, как в природе он восстанавливает срубленное дерево, или вытопанную траву, или пораженное лихорадкой тело, также не соответствует учению о том, что Бог должен восстановить все вещи таким же образом, как в природе он восстанавливает срубленное дерево, или вытопанную траву, или пораженное лихорадкой тело. Должен был появиться особый агент восстановления - мужчина, но больше, чем человек, обладающий самими атрибутами и свойствами Бога. Змей должен был быть сокрушен семенем женщины. Все народы должны были быть благословлены в Аврааме и его семени. Иуда должен был каким-то образом прославиться среди своих братьев. Сын Давида должен был царствовать от моря до моря и от реки до краев земли. Тот, кого по-разному называют Службой Господа, Посланником Господа, Ангелом Господа, Помазанником Господа, должен был стать великим Источником благословения. Какие бы ни были дары благословения раньше, великий океан благословения должен был открыться только тогда, когда Он придет обитать с людьми.

Отсюда та особенность Ветхого Завета, которая привлекает всеобщее внимание своим пророческим мессианским содержанием, своим задумчивым взглядом вперед, своим свидетельством о Том, Кто должен был прийти. Ни одна другая книга не отмечена подобной чертой. Какими бы знаниями о будущем ни обладали другие религиозные системы, пророчествам ни в одной из них не отводилось такого места, как в еврейских Писаниях. Языческие религии могли претендовать на обладание определенным знанием будущего; прорицатель мог притворяться, что предугадывает ход событий, или таинственный голос из дельфийского святилища мог произносить какое-то предсказание грядущего события. Но ни в одной древней книге или древней религии мы не находим никакой параллели тому потоку мессианских предсказаний, который проходит через весь Ветхий Завет. Нигде больше нет такого предвкусения определенного события в будущем, которое должно было стать поворотным пунктом в мировой истории, или прихода Того, кто, будучи человеком, должен был

стать гораздо большим, чем просто человеком, кто должен был завершить домостроительство искупления и довести до совершенства Божье устройство благодати.

Фигура этого великого Посредника благословения пронизывает все Священное Писание. Ветхий Завет ожидает его; в Евангелиях он присутствует; в то время как Послания оглядываются на него и в то же время дают надежду на другое пришествие, которое еще не осуществилось. Таким образом, в Библии мировая история обретает единство, которого она никогда не достигает никаким другим способом. Люди большого интеллекта упорно борются за то, чтобы распутать запутанную паутину человеческих событий и найти среди всего их разнообразия и превратностей нечто похожее на начало, середину и конец. Проблема, ставящая в тупик человеческий интеллект, с легкостью решается в Библии. Первые длинные и часто мрачные главы истории подготавливают путь к пришествию Христа, а после его пришествия история описывает развитие его царства, которое однажды станет единым целым с пригодной для жизни землей. Несомненно, то, что составляет центр событий в Священном Писании. Все взгляды устремлены в одном направлении и находят в пришествии Иисуса центральный факт мировой истории.

Выдающаяся роль Христа в Библии, как в Ветхом, так и в Новом Завете, и значение его функции как божественного носителя благодати и благословения, великого Восстановителя и Искупителя, Пути, Истины и Жизни, во многом объясняют его жизнеспособность и подтверждают его притязания как богодухновенного Слова Божьего. Людям утешает мысль о том, что Бог приближается к ним в проявлении благодати и милосердия; но их больше, чем утешает, их удовлетворяет размышление о Христе, в котором божественная благодать была так великолепно явлена, не только в произнесенных им словах, данных им обещаниях и жизни любви и сочувствия, которую он вел, но и прежде всего в смерти, которую он принял “Праведным за неправедных, чтобы привести их к Богу”. Изучая откровение Отца в Сыне, они не только убеждаются в том, что правильно поняли божественное отношение, видимое в более слабом свете Ветхого Завета, но и видят гармонию Божьих атрибутов во всем происходящем; весь план благодати отражает его высокие совершенства и сияет небесным сиянием. До тех пор, пока люди, чувствующие, что они удалились от Бога, могут ценить любовь, которая следовала за ними с распростертыми руками и тоскующим сердцем отца; и до тех пор, пока они обнаруживают, что таково Его отношение в каждой части Библии, и особенно в тех частях, где прямо или символически Иисус Христос представлен как канал божественной благодати и благословения, Библия не может не сохранять свою жизнеспособность, не может не подтверждать свой характер Слова Божьего, которое утверждает и пребывает вечно. Поскольку Библия также в какой-то мере объясняет историю мира и показывает развитие божественного плана по собиранию во Христе разрозненных фрагментов человечества, возведению разрушенного храма на основе Христа как главного краеугольного камня и приданию чего-то вроде единства и достоинства мировой истории, следует признать, что Библия имеет первостепенные права на уважение и доверие людей.

Несомненно, рационалисты отрицают, что Иисус Христос занимает во всей Библии то выдающееся место, на которое мы претендуем. Утверждается, что то, что называется мессианскими пророчествами, на самом деле таковыми не является, но приобретает такой характер, когда люди вчитываются в них из того, что они находят в Евангелиях. Идея мессианской эпохи, говорят они, в той мере, в какой ее представляет Ветхий Завет, является всего лишь выражением той надежды на наступление доброго времени, которая естественна

для сердца человека. Для угнетенных естественно надеяться на освобождение. Для больных естественно надеяться на выздоровление. В штормовую погоду естественно ожидать возвращения спокойствия и солнечного света. Так называемые мессианские пророчества были всего лишь воплощением этих надежд, облеченных в более яркую форму, чем общепринятая. Еврейский народ питал больше надежд, чем большинство других, и эти пророческие мечты о вновь обретенном Рае были просто результатом того, что сангвинические темпераменты облекли свои нежные представления о будущем в формы необычайной красоты.

Но были ли евреи народом, полным особых надежд? Надежда не является обычной характеристикой восточных народов, которые примечательны своей склонностью жить настоящим и сравнительным безразличием к будущему. А что касается евреев, то нельзя сказать, что у них как у нации было привычкой под давлением нынешних проблем с надеждой думать о светлом будущем. Был ли это дух надежды, который они проявили после того, как Моисей и Аарон пришли к ним из горящего куста и объявили о Божьей цели освобождения? Был ли это дух надежды, который они проявили, когда вспомнили о луке-порее, чесноке и репчатом луке, и их душа возненавидела легкий хлеб пустыни? Указывал ли призыв “Назначь нам капитана, чтобы мы могли вернуться в Египет” на дух надежды? Или на донесение десяти соглядатаев после их возвращения из разведки страны? Или же на протяжении всей их истории было проявлено много надежды, когда после провозглашения Кира в Вавилоне лишь небольшая часть изгнанников воспользовалась предложением вернуться на свою землю? Мало того, что нет оснований утверждать, что евреи как нация отличались своей надеждой, но ближе к истине обратное. Там, где дух надежды на будущее действительно одерживал победу над нынешними трудностями, это было со стороны немногих и в результате веры в слово Божье. Именно вера в слово Божье вселяла надежду в Авраама, “который вопреки надежде уверовал в надежду”. Именно это также побудило Моисея поверить в грядущее освобождение народа из Египта и побудить его к соответствующим действиям. Именно это заставило верных соглядатаев презирать гигантского Анакима и призывать народ подняться и завладеть этой землей. Именно это вдохновило Исаяю на яркие видения славы последних дней. Настроение людей склонилось к унынию, и именно от людей, которые верили Богу и надеялись на его слово, пришли славные видения будущего. Объяснять поток мессианских пророчеств в еврейских Писаниях, говоря, что у людей был обнадеживающий темперамент, было бы все равно что объяснять недавнюю реформуляцию на островах Фиджи, говоря, что местные жители стали доброжелательными и миролюбивыми. Было бы ошибочно принимать следствие за причину и в обоих случаях одинаково упускать из виду особое действие Духа Божьего.

Попытки современного рационализма вычеркнуть Христа из Ветхого Завета не увенчались большим успехом, когда внимание привлекли к конкретным отрывкам, которым приписывается мессианский характер. Сейчас часто говорят, что в Ветхом Завете вряд ли найдется хоть один текст, который имел бы четкое отношение к Христу. Когда пятьдесят третья глава Книги Пророка Исаяи становится предметом яростной борьбы, почти смехотворной из-за разнообразия мнений относительно того, кто является предметом рассуждений пророка. Но если упоминаний о мессианстве в Ветхом Завете так мало и они далеки друг от друга, как получилось, что этот закоренелый рационалист Дэвид Штраус, пытаясь объяснить быстроту, с которой вера в чудеса Христа росла в ранней церкви, придавал такое большое значение мессианским предсказаниям Ветхого Завета? Он утверждал, что при обычных обстоятельствах потребовалось бы гораздо больше времени, чтобы мифический сон о том, что Христос творил чудеса, утвердился в массовом сознании как факт, но этому процессу в значительной степени помогли и ускорили

предсказания Ветхого Завета, которые приписывали Мессии совершение определенных чудес. Поскольку эти чудеса были приписаны ему в Ветхом Завете, поскольку было сказано, что уши глухих откроются и глаза слепых прозреют, что хромой будет прыгать, как олень, а язык немого запоет, его первые последователи, по словам Штрауса, сразу же пришли к выводу, что подобные вещи, должно быть, были совершены им. Рационализму было бы хорошо придерживаться той или иной позиции; он только подвергает себя презрению, утверждая в одно время, что так называемые мессианские пророчества ничего не значат, а в другое время говоря вместе со Штраусом, что они были настолько ясными, полными и эксплицитными, что объясняют раннее распространение веры в то, что бесчисленные чудеса были совершены Христом.

Но помимо всего этого, разве не очевидно, что даже среди языческих народов преобладала вера, о чем свидетельствуют Тацит и Светоний, что великий Освободитель должен был прийти из Иудеи, вера, которая, должно быть, возникла из еврейских пророчеств, распространившихся по миру благодаря переводу Септуагинты? Разве наш Господь и его апостолы не ссылались часто и открыто на пророческие части еврейских Писаний в подтверждение своих утверждений? Разве сами евреи на протяжении долгих веков после рождения Христа не цеплялись за веру в то, что их пророки предсказали личного Мессию, который должен воплотить в жизнь все их представления о мире и процветании? И разве у ранних христиан не было привычки торжествуя ссылаться на исполнение во Христе пророческих вестей как на достаточное подтверждение своей веры в него? Принимая во внимание такие соображения, христианам нашего времени не нужно отказываться от твердой убежденности в том, что Иисус Христос открывается им как в Ветхом, так и в Новом Завете; что на протяжении всего Ветхого Завета он представлен как канал, по которому Божья благодать должна была излиться на людей, и что их видения, часто столь славные, изобильных благословений и радости были вызваны несравненными заслугами и бесконечной любовью того, в ком Аврааму было обещано благословить все семьи земли.

Давайте теперь предположим, что, прежде чем что-либо знать о Евангелиях, мы полностью почерпнули из Ветхого Завета эти две идеи о том, что Бог все это время приближался к человеку по благодати, и что было предсказано, что в полноту времени на земле должно было появиться то славное Существо, через которое его благодать должна была быть передана людям; с каким странным интересом мы должны были бы сейчас открыть Новый Завет и изучить его содержание, чтобы выяснить, какой личностью на самом деле был этот великий Избавитель ! Мы не могли не возлагать на него очень больших надежд; тот, кто должен воплощать страстную любовь великого Отца, тоскующего по своим детям; тот, кто должен обладать силой искупить вину детей и дать возможность их Отцу принять их; тот, кто должен сочетать симпатии человечества со славой божественности; тот, кто должен быть способен отвоевать их у всеготщеславия, которое их очаровывало, и у всех хозяев, которые их поработили, вселить в них небесный характер и заставить их искать небесный дом, какой возвышенный, каким, должно быть, замечательным Существом это было! Ни одно простое дитя Адама, каким бы одаренным и добрым оно ни было, не могло выполнить условия, предъявляемые к тому, кто должен был воплощать любовь Отца и передавать его благодать людям.

Но насколько любые концепции или ожидания, которые мы могли бы сформировать заранее, превосходят реальность! Когда пришло время для явления Мессии, появился Тот, кому нет равных в мировой истории. Истинный брат человечества, и в то же время Сын Божий;

отделенный от грешников, но Друг грешников; чистый, незапятнанный во всем своем духе и жизни и излучающий влияние, которое возносило людей к небесным вратам; распространяющий повсюду здоровье и благословение и, наконец, отдающий свою жизнь в жертву за грехи своего народа; воскресающий из могилы и возносящийся на небеса, но при этом управляющий своей церковью с небес и обещающий прийти снова, чтобы принять их к себе, чтобы там, где он был, могли быть и они. исполнение всех обетований, как божественный канал благодати и мира, дар Божий детям человеческим!

С какой безошибочной уверенностью и полной верой первые ученики постигли великолепное качество этого дара Божьего! Из всех задач, с которыми приходится сталкиваться рационализму, ни одна не является настолько отчаянной, чтобы объяснить отношения, возникшие между Иисусом и его первыми учениками, предположением, что в его личности не было ничего сверхъестественного. Ибо эти отношения были не просто отношениями между ученым и учителем. Это были не просто отношения между слугой и Господином или между другом и приятельницей. В первую очередь это были отношения между грешником и Спасителем. Они знали, что он воплощал Отцовскую любовь и что он был каналом Отцовской благодати. Они знали, что он был Добрым Пастырем, который пришел в унылые, изрытые штормами горы, чтобы найти свою заблудшую овцу. Они почувствовали нежное прикосновение, нежные объятия Пастуха, они слышали его успокаивающий голос, они были заключены в его любящие объятия. Никакие слова не могли бы быть более наполнены любовью и благодатью небес, чем такие, как его слова: “Ободришь, твои грехи прощены тебе”. “Истинно говорю Я тебе, в этот день ты будешь со мной в раю”. Пострадать за него было привилегией, умереть за него - верхом чести. Они были “убеждены, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни грядущее, ни высота, ни глубина, ни какая-либо иная тварь” не смогут отлучить их от “любви Божией, которая во Христе Иисусе, Господе нашем”.

То, чем живой Иисус был для тех, кто жил в его дни, четыре Евангелия и другие книги Нового Завета в какой-то мере передают тем, кто жил в более поздние времена. При взгляде с такой точки зрения слава менее ослепительна, а впечатление менее ошеломляющее: но, с другой стороны, у нас есть преимущество в том, что мы можем искать, сравнивать и размышлять над различными записями, узнавать больше, исследуя таким образом глубины богатства благодати и любви Христа, время от времени открывать новые темы для удивления и новые основания для благоговения, доверия и привязанности. Книге, открытая страница которой приводит нас в это благодатное присутствие, откуда приходит к нам все, что способно подавить наши страхи, утолить наши печали, очистить наши сердца и преобразовать нашу жизнь, несомненно, не суждено быть забытой: пока люди живут, нуждаясь в благодати и любви небес, она должна быть “Словом Божьим, живым и пребывающим вовеки”.

И далее, когда свет Нового Завета возвращается к Ветхому, почти на каждой странице обнаруживаются новые красоты. Мы видим проблески Того, Кто, безусловно, самый славный, поскольку он также, безусловно, самый драгоценный персонаж, с которым могут иметь дело грешники человечества. И это не результат простого чувства или фантазии. Если Бог вдохновлял пророков писать о Христе, даже если это часто было смутно и неопределенно, то теперь, когда мы знаем о нем больше, мы можем проследить его черты, мы можем увидеть проблески его лица на многих страницах Ветхого Завета. И это не просто работа по перегруженности. Нам не следует говорить, что, поскольку Новый Завет представляет Христа явленным во плоти, искать его в образах и тенях старой экономики - всего лишь пустая трата

времени. Замечание поверхностное и очень не соответствует нашей природе. Когда нам дороги предметы, а тем более живые люди, мы с удовольствием находим сходство с ними даже в отражениях и тенях. Утренние облака прекрасны, но не менее интересны тени, которые они отбрасывают на горы, то окутывая их торжественными, неподвижными складками, то пробегая по их вершинам одна за другой, пока птицы в игривом ликовании гоняются друг за другом в воздухе. Тихим осенним вечером восхитительно смотреть на величественную скалу, одетую и увенчанную перистой листвой, круто поднимающуюся над краем безмятежного озера; разве менее восхитительно смотреть на ее чудесное отражение под поверхностью и видеть, что ни веточке, ни листику не хочется иметь там своего двойника?

“Лебедь по тихому озеру Святой Марии Плывет двойным лебедем и тенью”.

Кому не понравится проследить слабое сходство любимого родителя или ребенка, будь то в каком-нибудь смутном портрете предков предыдущего поколения или в юном лице живущего потомка? Какому человеку науки не доставляет удовольствия находить в менее совершенных формах живой природы аналогии, какими бы слабыми они ни были по сравнению с более совершенными? Как может поэт лучше реализовать свое призвание, чем когда в приглушенных голосах природы он находит отчетливые отголоски голоса Бога? Не говорите нам, что, когда мы находим в Ветхом Завете тени Нового, мы впустую тратим наше время и позволяем нашей фантазии тащить нас, куда ей заблагорассудится. Мы думаем, нельзя оспаривать тот факт, что Ветхий Завет был подвергнут огромному фантастическому одухотворению, начиная с Оригена и заканчивая Джонатаном Эдвардсом. Но столь же верно и то, что в поэзии было много неудач, неспособных раскрыть в песне реальные отношения Бога и природы или природы и человека. Ошибки человека при чтении летописей природы доказывают их недостойность изучения не больше, чем ошибки ребенка при чтении “Потерянного рая” доказывают, что Мильтон не был поэтом. Нет никаких разумных сомнений в том, что Ветхий Завет изобилует намеками и проблесками, тенями и аналогиями, которые более полно раскрываются в Новом Завете. Столь же несомненно, что по этой причине она полна глубокого и неподдельного интереса для всех, кого волнует отношение Бога к грешникам и откровение его благодати; и несомненно, что эта особенность никогда не перестанет придавать жизненную силу всей книге, что она всегда будет стремиться подтверждать и умножать доказательства того, что это “Слово Божье, живое и пребывающее вовеки”.

III

После рассмотрения того, что такое Библия, возникает естественный вопрос: что делает Библия? Каково ее влияние? Духовный опыт некоторых людей относительно того, что они находят в Библии, - это не опыт всех людей. Желательно найти более осязаемую проверку утверждений Книги, что-нибудь более неопровержимое, доказывающее, что это Слово Божье и, следовательно, обладает жизненной силой, которая никогда не может быть уничтожена.

Каковы же тогда последствия Библии? На этот вопрос нельзя дать однозначного ответа, потому что последствия Библии зависят от того, как люди принимают ее и применяют. Некоторые даже в христианских странах формально отрицают его авторитет; а некоторые, признавая его авторитет на словах, практически не обращают на него внимания в своей жизни. Оценивая действие Библии, мы должны установить канон, применимый ко всем случаям применения предполагаемого средства от любого расстройства. Если вопрос заключается в том, является ли лекарство эффективным, непереносимым условием является то, чтобы оно применялось к

заболеванию надлежащим образом. Если вакцинация претендует на то, чтобы быть противоядием от оспы, о ее эффектах можно судить только по случаям с теми, кто был должным образом вакцинирован. Если бы практика вакцинации была просто общей, но не универсальной в обществе, было бы несправедливо объявлять ее неудачной из-за того, что произошло много случаев натуральной оспы. Применяя этот канон здравого смысла к случаю с Библией, становится ясно, что об истинном воздействии Библии можно судить только по случаям тех, кто принимает ее как Слово Божье и стремится во всем соответствовать ее требованиям. Если они составляют лишь часть сообщества; если большее число полностью или частично принимает какие-то другие жизненные правила, неудивительно, что результат, очевидный в характере сообщества, неудовлетворителен. В таком сообществе этот вопрос не рассматривается должным образом, хотя даже там косвенное влияние Библии можно увидеть в более высоком тоне и более чистой жизни, чем можно было бы найти там, где Библия была совершенно неизвестна.

Итак, если взять тех, кто сердечно принял Библию, каков был результат? Был найден свет для тех, кто сидит во тьме, в области и тени смерти, чтобы направить их стопы на путь мира. Это принесло им бальзам Галаада и находящегося там Врача. Это научило их песням прощения и благодарения по милости Того, Кто умер за них и кто воскрес вновь. Это дало им дом и Отца, характер, жизнь и надежду. Это сделало пьяницу трезвым, насмешника набожным, скупца щедрым, робкого храбрым, эгоистичного самоотверженным. Это дало молодым благородные планы на жизнь и благородные принципы, которые помогут им пройти через это, и это дало им силу и решимость отстаивать свои цвета. Она давала страждущим утешение в любой скорби, поддерживала надежду в самом глубоком мраке и учила их бросать вызов последнему врагу: “О смерть, где твое жало? О могила, где твоя победа?”

Это придало мужчинам и женщинам силы действовать и страдать. Это сделало бедную, слабую, дрожащую плоть равной пыткам инквизиции, равной мрачной темнице, столбу, виселице, колесу, раскаленным клещам, ножу для снятия шкуры и я не знаю, каким еще орудиям жестокости. Что еще более важно, это вдохновило их на удивительную любовь к своим братьям и на горячее сочувствие Иисусу в его великом предприятии по поиску и спасению заблудших. Она превратила хрупкую леди в усердную сиделку, которая трудится день и ночь, чтобы утолить горести и исцелить болезни больных; она послала опытного ученого в логово дикарей, чтобы попытаться вернуть их к блаженной жизни, несмотря на то, что взамен томагавк может разmozжить ему череп или отравленная стрела пронзит грудь. Это дало силу христианскому исследователю похоронить себя на долгие и утомительные годы среди деградировавших племен и, печально мечтая о своих детях вдали от них или мечтая о роскошных пиршествах во время мучительного голода, решительно работать по установленному плану настойчивой любви, несмотря на боль, усталость, опасности, противодействие, разочарование и душераздирающие сцены, которые заставляют его воображать, что он живет в аду.

Но если не заикливаться на экстраординарных случаях, влияние Библии на отдельных людей, а их бесчисленное множество, как песчинок, заключается в том, что благодаря ей они вступают в общение с Богом во Христе; они были восстановлены на своем утраченном месте на великой божественной орбите и вновь обрели то святое общение, от которого их изгнал грех. Словами не выразить, что значит обрести Бога и жить в любящем общении с ним. Иметь Бога как Отца и Друга, прощающего все наши беззакония, исцеляющего все наши болезни, направляющего

наши затруднения, успокаивающего наши печали и освящающего нашу милость, и знать, что это только первые плоды, и что Бог будет силой нашего сердца и нашим уделом во веки веков, - это, несомненно, самое райское переживание, которое человек может получить в этом мире. Если Библия во все века была инструментом этого опыта, ее вполне можно назвать “Словом Божиим, живущим и пребывающим вовеки”.

Но помимо воздействия Библии на отдельного человека, давайте взглянем на ее воздействие на общество везде, где достаточное количество людей подчинились ей, чтобы задать тон всему сообществу. Вряд ли можно отрицать, что она оказалась самым могущественным агентом цивилизации, которую когда-либо знал мир. Нам достаточно взглянуть на то, что происходит на Фиджи, или Мадагаскаре, или на Новых Гебридах, или в Лавдейле, или в Ливингстони, когда Библия становится живой силой. Кто из нас, если бы ему сказали, что какое-то сообщество каннибалов обратилось к Библии, что они толпами слушают ее послание, что они горячо поют ее Псалмы и гимны и что их дети научились чтить имя Иисуса, не ожидал бы с самой твердой уверенностью услышать в следующий раз, что они оставляют свои свирепые привычки, строят дома, одеваются в приличную одежду, возделывают свои поля, начинают торговать, принимают праведные законы и соблюдают правила истины и праведности? И по прошествии веков разве мы не должны с абсолютной уверенностью считаться с тем, что среди этих народов, как и в более древних странах, Библия будет продолжать оказывать свое влияние и еще больше возвышать общество?

Но если вы сожжете Библию и уничтожите ее навсегда, каковы будут перспективы мира в отношении порядка и реального прогресса? Какой скептик, думающий о страстях, таящихся в человеческой груди, о страшных высотах, до которых эти страсти могут подняться, о планах нигилизма и социализма, об обществах мести и убийств, о кинжалах и револьверах, нитроглицерине и динамите, о готовности безрассудных людей ради своих гнусных целей ввергнуть общество в хаос, мог бы без опасений смотреть вперед на такое положение вещей, при котором ни Библия, ни Спаситель, ни закон, ни Евангелие не должны иметь ни малейшего влияния или быть даже известны? С другой стороны, вряд ли найдется христианин, чья надежда на мир в будущие века не была бы связана с судьбой Библии. Его основание было бы одинаковым, одинаково для отчаяния, если Библия погибнет, и для надежды, если Библия будет поддержана; поскольку весь опыт показывает, что ее влияние одинаково распространяется на жизнь, которая есть сейчас, и на ту, которая грядет. Даже на этой низшей ступени, как инструмент временной выгоды, его жизнеспособность никогда не иссякает; это “Слово Божье, живущее и пребывающее вовеки”.

IV

Но есть ли в Библии серьезные трудности? Нет ли там отрывков, которые трудно согласовать с нашими высшими представлениями о характере Бога? Разве иногда его не представляют требующим выполнения действий, в которые трудно поверить, что он мог бы это сделать? Разве мужчин и женщин иногда не хвалят за поступки, о которых мы не можем читать без содрогания? Неужели в Библии нет ничего, что могло бы задеть чувство скромности, инстинкт чистоты? Если это Слово Божье, которое живет и пребывает вечно, то почему оно должно содержать единственное утверждение или единственное слово, способное вызвать сомнение в том, действительно ли оно исходило от него?

Давайте откровенно признаем, что в Библии есть трудности. На самом деле, трудности есть во всех Божьих делах. В природе существуют трудности, вызывающие у некоторых умы сомнения в том, действительно ли она является продуктом бесконечно доброжелательного Творца. У нас есть штормы, вулканы, землетрясения, ядовитые ветры, разрушительные наводнения и смертельная малярия. У нас есть голод и мор, у нас есть животные, пожирающие друг друга, у нас есть свирепые чудовища глубин и суши, наводящие ужас на всех, кто находится рядом с ними. Провидение сталкивается с большими трудностями в нравственном правлении Бога. Почему Бог позволил греху войти в свой мир и повсюду сеять запустение и нищету? Почему нечестивые часто так процветают? Почему праведного человека так часто попирают? Почему благочестивого человека так часто преследуют? Почему Бог не защитил свое прекрасное творение, естественное и нравственное, от вторжения и опустошения такими силами беспорядка и смерти? Мои пути - это не ваши пути, и ваши мысли - не мои мысли, говорит Господь. "Существует так много способов, которыми Бог следует курсом, отличным от того, что мы должны были ожидать, что мы не можем удивляться тому, что находим очевидные аномалии в его Слове. На самом деле чудо было бы, если бы таких аномалий не было. Аналогия проходит через все Божьи дела, и эта аналогия подвела бы нас, если бы мы столкнулись с трудностями в природе, трудностями, да, огромными трудностями в провидении, и никакими трудностями в Слове".

Давайте также помнить, что, хотя вся Библия является записью Божьего откровения, это откровение, сделанное особым образом. Это было постепенное откровение, начинавшееся смутно и сиявшее все больше и больше до совершенного дня. Это было поучительное откровение, ибо естественный человек не получает того, что от Духа Божьего; и способность духовного различения должна была быть передана и расширена, должна была постепенно стать способной ко все более и более ясному пониманию не только отдельными людьми, но и всей расой, из века в век. Более того, в записи этого откровения, в дополнение к неизменной божественной истине, которая является его сутью, мы часто находим отражение несовершенного понимания человеком этой истины и несовершенного морального и духовного применения ее. Мы обнаруживаем, что неизменная истина о Боге так часто преподносится в непосредственной связи с несовершенным пониманием ее человеком, что то, что действительно принадлежит человеку, иногда может казаться принадлежащим Богу.

Сложность в отношении таких вещей была бы намного больше, если бы это происходило в связи с заключительными частями откровения. Но случай совершенно иной. Моральные трудности откровения связаны с Ветхим Заветом, и главным образом с более ранними частями Ветхого Завета, когда сложности, о которых мы говорили, были в полной силе, и трудность отделения того, что является чисто божественным, от человеческого способа постижения этого, безусловно, самая большая. С заключительной частью книги таких трудностей нет. Достигнут духовный и нравственный уровень, высочайший из когда-либо известных или мыслимых человеком. Характер Иисуса Христа представляет собой самый полный идеал совершенства, который когда-либо можно было себе представить. Нравственный тон Евангелий и Посланий настолько чист, что составляет один из главных аргументов в пользу божественности христианской религии. В более ранних частях Библии мы, кажется, видим солнце, пробивающееся сквозь облака, иногда такие плотные, что скрывают его от нашего взора. В Евангелиях и Посланиях облака рассеялись, солнце сияет во всем своем великолепии и во всей своей силе, и земля, яркая, теплая и плодородная, свидетельствует о его благотворной силе.

Еще одно соображение имеет большое практическое значение при рассмотрении моральных трудностей Библии. Во всех случаях, когда трудности возникают с одной стороны вопроса, полезно спросить, не равны ли трудности с другой стороны, возможно, даже больше. Мы допустили, что существуют трудности в связи с положением о том, что Библия является богодухновенным Словом Божьим. Но мы утверждаем с предельной уверенностью, что существуют гораздо большие трудности в связи с утверждением, что это всего лишь продукт деятельности человека. “Библия, ” однажды заметил своей пастве пожилой священник, - замечательная книга, если она правдива”. Удивление его людей по поводу этой квалификации быстро прошло, когда он добавил: “Но это в десять раз чудеснее, если это неправда”. Для тех, кто размышляет о Библии во всех ее аспектах, о ее далеком начале, о ее беспрецедентной цепи авторства, о ее единстве цели, постоянно показывающей приближение Бога к человеку по благодати, о ее пророческих возвещениях о Христе, о ее великолепном портрете великого Посредника, о ее схеме благодати, о ее освящающей эффективности, просто непостижимо, что такая книга могла быть продуктом простого человеческого разума. Тот, кто размышляет над основным содержанием и особенностями книги и впитывает в себя ее великое послание, чувствует, что в ней заключено такое превосходящее величие, что любые трудности, которые могут возникнуть в некоторых ее частях, не затрагивают его, эти части как бы преображаются благодаря их соседству с остальными. В огромной люстре из тысячи огней несколько темных струй - ничто; их поглощает пламя. Если тело хорошо одето в зимний день, обнаженное лицо не испытывает неудобств; оно получает тепло от защищенного тела. Мы знаем, что здесь мы смотрим сквозь темное стекло и ничего не знаем о многих путях Божьих. Все, в чем нуждается преданное сердце, - это такие доказательства того, что в целом Библия является Словом Божьим, которые побудили бы его терпеливо ждать света на трудности, которые оно не может разрешить. Ведущие нервы и артерии обладают такой мощью, что локальное онемение здесь и там не оказывает никакого влияния на жизнеспособность всего организма.

V

Но заключена ли вся жизненная сила, о которой мы говорили, в самой книге? Есть ли в ней своего рода очарование, так что она не может не влиять на людей во благо? Если бы такова была наша доктрина, нас по праву можно было бы назвать библиолатерами, поклоняющимися книге. Если бы кто-то стал превозносить провода, по которым течет электрический ток, как источник всего, что они передают, он бы подставил себя под обвинение в невежестве и глупости. Если бы подобным образом мы приписывали Библии как книге всю ее власть над духом человека, мы подвергли бы себя подобному обвинению. Несомненно, Библия, даже как книга, обладает гораздо большей моральной силой, чем любая другая книга. Определенная моральная сила содержится в максимах Сенеки, в заветах Конфуция и в требованиях Будды; точно так же моральная сила содержится в самом содержании Библии. Но это не наша доктрина, что именно в этом заключается великая сила Библии. Далее, мы утверждаем, что Библия - это средство, через которое Святой Дух действует в душе человека, просвещая, обновляя и преображая ее. С этой точки зрения Библия подобна электрическому проводу, и ее великая сила проистекает из того факта, что она является каналом божественного воздействия. Будучи продуктом вдохновения Святого Духа, Библия с самого начала была адаптирована для его использования. Именно при использовании им это становится “полезным для учения, для обличения, для исправления и наставления в праведности”. “Это называется ”меч Духа”. “Как его оружие, его инструмент, оно совершает свою величайшую работу. Если мы хотим познать Слово в его наивысшей эффективности, мы должны полагаться на силу Духа. Разница между

Библией как таковой и Библией как инструментом Духа такова, что разница между силой Самсона с остриженными локонами и тем же Самсоном до того, как ножницы или бритва коснулись его головы.

Пренебрегая этим, мы впадаем в фатальные ошибки, результатом чего является великое зло. Слово, оживленное Духом, является великой силой Бога для возрождения мира. Благодаря этому средству пали величайшие цитадели, как пали стены Иерихона. Через прочитанное и проповедуемое Слово Бог позаботился о восстановлении самых мрачных моральных отходов, о превращении пустыни в плодородное поле и о даровании славы Кармила и превосходства Шарона регионам, проклятым духовной смертью и запустением. Выступая с этим оружием против гигантов, многие Давиды одерживали победы, которые казались неразумными и невозможными. Острова каннибалов наполнились мелодией псалмов, гимнов и духовных песнопений; летучим мышам и кротам были брошены идола, прежде чем этот Зоровавель превратил великие горы в равнины, а стены Иерусалима были возведены даже в смутные времена.

Но часто случалось, что люди, стремящиеся творить добро, не понимали, как Библия может оказывать большее влияние на сердца и жизни людей, чем ее естественная сила как книги. Полагая, что этого недостаточно для великой моральной войны, которую предстоит вести, они искали вокруг себя более подходящую артиллерию для способов воздействия на сердце, более явно приспособленных для достижения цели. Одним из очень распространенных приемов было широкое использование органов чувств для передачи духовной истины. Считалось, что такие вещи, как музыка, архитектура, картины и религиозные обряды, которые вызывают к чувствам, с гораздо большей вероятностью привлекут легкомысленных и произведут впечатление на беспечных, чем содержание серьезной книги. Но все же, как и во дни апостолов, это остается истиной, что люди рождаются свыше через Слово Божье, живущее вечно, что Евангелие Иисуса Христа есть сила Божья ко спасению, и что Богу было угодно глупостью проповеди спасти верующих. Недостаток доверия к божественному методу "Слова и Духа" приводит к устройствам, которые много обещают, но мало что выполняют. Чем больше мы доверяем Слову как каналу и Святому Духу как силе, тем более славными будут результаты, которые обязательно последуют. Это справедливо как в отношении нашего личного чтения Библии, так и в отношении публичного использования ее. Библейский христианин - самый хорошо оснащенный из всех христиан, а библейская кафедра - самая могущественная из всех кафедр. Но в любом случае сила Духа - это движущая сила, которая делает Слово действенным, и слова апостола применимы к этому и к любой другой форме духовного труда: "Я насадил, Аполлос поливал, но Бог дал рост".

VI

В этом трактате мы ограничились основными элементами жизненности Библии. Мы подробно остановились на его главном элементе единства - его взгляде от начала до конца на Бога, приближающегося к людям по благодати, поощряющего их надеяться на его милосердие через Посредника. Мы видели, как он осуществлял свой план из века в век, пока, наконец, в конце Апокалипсиса пропасть, которая открылась между ними в начале книги Бытия, не была полностью преодолена, и не раздался голос, провозглашающий: "Вот, скиния Божья с людьми, и он будет обитать с ними, и они будут его народом, и сам Бог будет с ними и будет их Богом".

Вряд ли возможно в заключительном предложении даже бросить взгляд на другие элементы единства или другие признаки жизненности в Священных Писаниях. Мы можем просто заметить, как на всем протяжении два великих элемента практической добродетели - долг перед Богом и долг перед человеком - идут рука об руку; как служение Богу постоянно включает в себя весь моральный долг, всю верность в социальных отношениях людей, так что вы никогда не обнаружите, чтобы религия рассматривалась как отдельная забота, которой можно уделять должное внимание, даже когда пренебрегают другими обязанностями; насколько единообразно представленное в Священном Писании представление об ужасности греха, его смертоносном вирусе и его ужасной гибели, когда, наконец, наступает день возмездия; насколько постоянным является поощрение человека искать общения с Богом; какое высокое место молитва занимает одинаково и в Ветхом, и в Новом Завете, и как прекрасны библейские картины общения искупленного человека с Богом, будь то нагорная беседа Моисея, или Давид в своих Псалмах, или любимый ученик, прислонившийся к груди своего Учителя!

Давайте упомянем еще об одной особенности - духе надежды, который пронизывает всю Библию. Ветхий Завет был полон надежды на первое пришествие Христа; Новый Завет полон надежды на второе. Признавая, как это делает Библия, что земля пребывает в ужасном беспорядке, она со спокойной уверенностью ожидает того времени, когда все признаки беспорядка будут устранены. Конечно, не полностью исправлено в смысле спасения всех людей, поскольку нет ни сокрытия, ни двусмысленности относительно того факта, что часть человечества будет потеряна. Это торжественная и таинственная истина, которой в Библии никогда не позволяется ускользнуть от нашего взора. Но в других отношениях завершение мировой истории, или, скорее, истории церкви, иллюстрирует тенденцию Священного Писания подталкивать наши умы к блестящим выводам. Нам рекомендуется много думать о Божьей силе превращать добро в зло. В наших индивидуальных проблемах есть свое утешение, и в больших масштабах все работает вместе для нашего блага. Сила Библии ободрять страждущих - одно из ее главных достоинств. Только Библия может заверить нас, что “наше легкое страдание, которое длится лишь мгновение, производит для нас гораздо более великую, даже вечную славу; в то время как мы смотрим не на то, что видим, а на то, чего не видим, ибо то, что видим, временно, а то, чего не видим,ечно”.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ХРИСТИАНСКОГО АРГУМЕНТА ИЗ ПРОРОЧЕСТВА

АВТОР:

Преподобный директор Кэрнс, Д.Д., Л.Л., профессор

АРГУМЕНТ ТРАКТАТА

Указаны условия, которые должны соблюдаться в любом высказывании или письменном виде, чтобы гарантировать, что оно будет рассматриваться как пророчество. В то время как пророческое учение служит другим великим целям, апологетически показано, что предсказательный элемент является главным.

Мессианский элемент в Ветхом Завете прослеживается от его самого раннего появления до последней книги, и показано, что христианин имеет право рассматривать первое обетование как предсказание личного Спасителя, что обетования Аврааму, благословение Иуды Иаковом,

слова Валаама, обещание Моисею о возвышении пророка, подобного ему самому, могут быть адекватно истолкованы только в том случае, если рассматривать их как относящиеся к личному Мессии. Прослеживается расцвет царства Давида, связь карьеры и опыта Давида с великим Царем и Страдальцем, который должен был произойти от него, мессианские упоминания в Псалмах и частые упоминания о нисхождении Мессии по линии Давида у различных пророков вплоть до Малахии. Показано, что давидовский элемент в пророчествах усиливается рождением Иисуса в Вифлееме. Обращает на себя внимание цикл предсказаний, касающихся жизни и служения Христа, изамечательные предсказания, относящиеся к его смерти. Раскрываются противоречивые взгляды неверующих критиков и уступки Штрауса по важным пунктам. Широко распространенное ожидание возвышения великого царства на Востоке, вызванное пророчествами, завершает первую ветвь аргументации.

Затем рассматриваются пророчества, относящиеся к христианской церкви. Показано отношение иудаизма к христианству и превосходство последнего. Предсказанное распространение и всеобщее преобладание христианства, когда не было никакой вероятности исполнения, и идеал универсальной религии в пророчествах необъяснимы с точки зрения любой естественной теории. Возражения предвосхищаются и опровергаются предсказанием неудачи, задержки, реакции и коррупции.

Рассматриваются предсказания о пленении и рассеянии евреев, новозаветные пророчества о разрушении Иерусалима и предсказания, касающиеся арабов, Египта, Ниневии, Вавилона и Тира, и делаются выводы о том, что они не обладают характеристиками общепризнанных человеческих предсказаний, что обычные объяснения неадекватны и что христианский взгляд объясняет все факты.

НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ ХРИСТИАНСКОГО АРГУМЕНТА ИЗ ПРОРОЧЕСТВА

Обычно и справедливо считалось, что в высказывании или письменном виде должны соблюдаться три условия, чтобы оно могло рассматриваться как пророчество или использоваться как печать откровения. Во-первых, это должно лежать за пределами человеческой проницательности или догадок. Пророчество должно быть таким же поистине сверхъестественным, как чудо силы. Если бы смерть Христа можно было предсказать каким-либо естественным путем во времена Давида или Исаяи, это сообщение перестало бы быть предсказанием, сведясь к такому предвосхищению отвержения Праведника, какое имеет место в “Республике” Платона; и по тому же принципу библейская угроза падения Иерусалима могла бы сравниться только с картиной Маколея о новозеландце среди руин Лондона.

Во-вторых, пророчество должно предшествовать исполнению. Это не должна быть история, замаскированная под пророчество, и, следовательно, христианский писатель должен сталкиваться с частыми утверждениями о том, что даты Священных Писаний указаны слишком рано, или что отрывки теперь выглядят пророческими, потому что они получили более четкие штрихи после события.

Третье условие пророчества заключается в том, что произошло реальное исполнение. Рационалист признает в Библии множество ярких предвосхищений золотого века, которые, по его мнению, не достигли цели. Поэтому мы должны быть готовы показать в истории определенные и специфичные достижения.

Нет необходимости демонстрировать полное исполнение пророчества; ибо, несомненно, Бог может постепенно осуществить великий план или даже его часть. Однако было бы ошибкой рассматривать пророчество как чисто доказательную систему или упускать из виду другие великие цели и применение, которым служит пророческое учение. В иудейской и христианской церкви всегда были люди, которые под именем “пророков” или кого-то из родственников им были великими учителями народа не только в отношении будущего, но и в отношении настоящего, разъясняющие и насаждающие всю духовную истину и моральный долг и проявляющие особое величие в качестве национальных проводников во всех областях религиозной мысли и действия. Они были необходимы для системы, называемой теократией, во всех ее частях; и именно в силу этой общей миссии они осуществляли во имя Бога планы и меры, где знание будущего было самым условием предприятия и его успеха. Поскольку именно им принадлежало включить этот особый элемент в структуру божественного правления Израилем и плана искупления, они не могли не черпать из этого особого авторитета. Пророчество, рассматриваемое как предсказание, было как дополнением, так и заимствованием из могущественной моральной схемы, в которую оно было введено. Она подготовила путь и сформировала работу всех божественных вестников, включая последнего и величайшего, а также подтвердила их притязания. Оно возбуждало людей знанием о грядущих событиях и, следовательно, интересом и надеждой по отношению к ним; и таким образом, оно не только делало возможным развитие, но и, когда казалось, что оно терпит неудачу или откладывается, оно озаряло небо и снова зажигало свою дневную звезду в сердцах людей. От этого широкого и всеобъемлющего взгляда на пророчество, как на охватывающее моральное и религиозное лидерство, с необходимой непогрешимостью в других вопросах и, так сказать, конституционным признанием того, что оно таким образом обеспечено, отказываться нельзя, но очевидно, что в качестве аргумента в пользу Евангелия мы должны в основном исходить из его сверхчеловеческих намеков на будущее и сосредоточить внимание на пророке как на органе всеведения Того, кто “возвещает конец от начала”.

Будет обнаружено, что элемент предсказания в религии древнего Израиля, который вновь появляется в христианстве, хотя и является всего лишь другой формой сверхъестественного, представляет особый интерес и ценность как завершающий и укрепляющий то, что обычно называют чудом. Одно серьезное возражение против чуда, выдвигаемое Юмом и другими, полностью исчезает. Здесь больше нет зависимости от свидетельств событий, происходивших исключительно в прошлом. Если не оракулы, то свершения во множестве случаев относятся к нашему собственному времени. Обычная история подтверждает известие, которое само по себе чудом не является; а обычная история или наблюдение подтверждает свершение, которое в равной степени должно быть фактом; и все могут судить, произошло ли чудо между ними. Кроме того, пророчество образует цепочку даже в большей степени, чем любое другое чудо. Каждая часть поддерживает каждую другую, связывая также доктрину воедино, как, например, в прообразе и антитипе, своей связностью; и каждое новое подтверждение, даже в мельчайшем пункте, поддерживает целое.

В этом трактате я рассмотрю пророчества, касающиеся, во-первых, Мессии; во-вторых, христианской церкви; в-третьих, еврейского народа; и, в-четвертых, других народов мира.

1. МЕССИАНСКОЕ ПРОРОЧЕСТВО

Что касается Мессии, то здесь мы должны в основном черпать информацию из Ветхого Завета. Действительно, поразительно, что элемент предсказания в отношении Него также вновь появляется в Новом, не только в высказываниях других относительно Его будущего, но и в Его собственных. Тем не менее, именно на более ранние высказывания, наиболее удаленные от события и наиболее вплетенные в схему, было направлено наибольшее внимание. Ни один здравомыслящий человек не может отрицать, что они не допускают никакого объяснения в согласии с простыми обычными законами.

В самых ранних частях Ветхого Завета этот таинственный элемент уже присутствует. Евреи и христиане одинаково находили подобные упоминания в писаниях, которые обычно приписываются Моисею. Они также не исчезают, если разобрать авторство Пятикнижия Моисея или перенести его дату, полностью или частично, настолько глубоко, насколько того может потребовать любая из теорий, которые были выдвинуты по этому вопросу. Самая продвинутая теория все еще относит эти высказывания к столетиям до рождения Иисуса из Назарета. Развитие пророчества может быть не столь заметным в более новой схеме, но пророчество, или то, что на него похоже, остается.

Это относится к тому, что было названо первым Евангелием в Быт. 3:15. Можно так аллегоризировать искушение и падение, что из этого стиха не получится ничего, кроме того, что человеческая раса, по-видимому, навсегда побежденная, все равно должна вечно побеждать, даже через само это поражение и страдания. В этих словах можно увидеть только объявление о разрушительном конфликте между людьми и змеями. Но обычный христианин не прибегает к какому-либо насилию над этим языком, когда он рассматривает его как предсказание великого и решающего освобождения человеческого рода от темной и злой силы, которая возобладала над ним; более того, его термины поддерживают его, когда он идет дальше и верит, что это относится к единственному Избавителю, который должен быть в особом смысле семенем женщины, и который должен сокрушить своего великого противника, только будучи сам избитым.

Все в контексте подтверждает эту глубокую интерпретацию оракула. С одной стороны, мы имеем исключение расы из древа жизни, а с другой - имя, выражающее возвращающуюся надежду, данное женщине, Хава живая. Мы имеем начало жертвоприношения и завершение борьбы между семенем женщины и змея в расах каинитов и сифитов, с появлением надежды у последних через переселение Еноха и рождение Ноя. Следует всемирный потоп, что подтверждается во многом халдейскими открытиями, но еще больше моральным величием библейского повествования, с его полным исключением идолопоклонства, его ясной доктриной суда, смягченного милосердием, и его ратификацией предыдущего завета новым символом, пророчествующим о продолжении рода. В связи с "детьми Ноя" в следующей главе приводится также великий этнологический прогноз мировой истории, столь непохожий на все, что содержится в древнейшей литературе; ибо, поскольку Иегова является "Богом Сима", указывается ведущее место шемитского племени в религии со сравнительной деградацией хамитов и передачей знания о Боге яфетикам, что все больше и больше подтверждают отношения Азии с Европой и реакция Европы на Азию. Писатель, столь мало склонный к пророческим фантазиям, как покойный барон Бунзен, был поражен этим и в своем "Bibelwerk" увидел в этом жилище Иафета в шатрах Сима то, что "в высшем смысле осуществлено в христианстве".

Следующий шаг в пророческой литературе приводит нас к соприкосновению с именем Авраама. Его призыв, как он известен в еврейской и христианской теологии, призванный в связи с его миграцией спасти мир от растущего идолопоклонства, недавно был освещен, показав, что халдейский “Ур” находился в эпицентре поклонения луне и солнцу; и даже его резиденция в Ханаане и война с царями Востока подтверждаются свидетельствами о том, что эламская династия той эпохи простиралась на запад до Средиземноморья. Первое высказывание явно пророческого характера, обращенное к Аврааму, содержится в Быт. 12:2, 3:3. “Я произведу от тебя великий народ, и я благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и ты будешь благословением; и я благословлю тех, кто благословляет тебя, и прокляну того, кто проклинает тебя, и в тебе благословятся все племена земли”.

В связи с этим мы хотели бы заметить, что...

Во-первых, этому уделяется наибольшее внимание. Он стоит во главе явно нового этапа в истории. Так или иначе, это повторяется чаще, чем что-либо другое в книге Бытия. Временная часть обетования о том, что у Авраама должен быть сын, или что он должен быть отцом народов, или многих народов, или что цари должны быть его потомками, повторяется слишком часто, чтобы быть приведенным здесь; в то время как духовная сторона обетования о том, что все народы будут благословлены в нем, повторяется дважды при его жизни, один раз (Быт. 18: 18), когда он ходатайствовал за Содом, и снова (Быт. 22: 18) после принесения в жертву своего сына. В этот последний раз семьи должны быть благословлены в Его семени с той или иной вариацией. Подобным образом возобновляется обещание Исааку (Быт. 26:4) и Иакову (Быт. 28:14). В этом последнем случае благословение всех народов объединено с формулой “в тебе и в семени твоём”. Эта универсальность благословения перенесена в семьдесят второй Псалом, версия 17. Не подлежит сомнению, что здесь мы имеем дело с поворотным моментом, который, как считается, отныне повлияет на всю еврейскую и всю человеческую историю.

Во-вторых, смысл этих слов не может быть менее чем мессианским. Я не утверждаю, что это связано главным образом с созданием отдельного народа и закреплением за собой отдельной территории, на которой должна была быть совершена работа искупления. Контекст Священного Писания, таким образом, косвенно указывает на мессианское значение этого отрывка. Но это лишь малая часть предсказания. Как народы могут быть благословлены в Аврааме, если не духовным образом? В связи с обрезанием объясняется, что завет с Авраамом означал, что Бог был его Богом. Разве тогда это благословение не должно было быть расширено, чтобы само благословение Авраама стало благословением народов? Некоторые считали, что грамматическая форма оригинала означает только то, что Авраам должен был быть настолько процветающим, чтобы народы желали себе такого же процветания. Возможно, кое-где это еврейская идиома; но, к несчастью для этой схемы, сказано, что Авраам должен был “быть благословением”, и, если мы не будем произвольно ограничивать смысл, народы, должно быть, желали этого излияния его глубочайшего процветания в свои души. Следовательно, Мессия как Учитель и Спаситель был необходим для этого. И хотя мы не можем сказать, что личность Мессии здесь выдвинута на первый план или является единственной, насколько позволяют слова, все же это должно быть принято во внимание по самой природе вещей, так что без авраамова семени это изречение не могло бы исполниться.

Затем это приводит к третьему замечанию: эти слова являются не только мессианской истиной, но и настоящим мессианским пророчеством. Было бы не очень легко даже с их временной

точки зрения отрицать в этих высказываниях предсказательный характер; но можно было бы возразить, что появление в Ханаане новой расы из Месопотамии с новым основателем, хотя это и повлекло за собой большие изменения и расовое развитие, могло быть рискованным предположением или написано после события. Но из какого исторического построения или из каких данных во времени могло возникнуть ожидание всемирного духовного благословения, связанного с одним человеком? Никакое мифическое величие Авраама, никакое реальное влияние его предполагаемого еврейского семени на мир не могли послужить источником этой истории. Если вы возьмете его либо в его зародышевом характере, либо в том виде, в каком он расширен в семьдесят втором Псалме, мир никогда не видел и никогда не смог бы постичь универсальную религию праведности и мира. Это противоречит любой последующей датировке Пятикнижия и Псалмов, поскольку в конце вы немногим ближе к явлению, чем в начале. Может быть, это сон, просто благочестивое пророческое увлечение? Не имеют права так говорить те, кто думает, что весь мир получил какое-то постоянное благословение через семя Авраама, и меньше всего те, кто с Куэнен восходят к чистому монотеизму. Гораздо меньше тех, кто видит единого Бога не только превознесенным, но и примиренным и приближенным благодаря воплощению его собственного Сына как великого потомка Авраама, и его Евангелие продолжает благословлять все народы, и кто признает благословение Авраама, нисходящее на язычников через Иисуса Христа, чтобы мы могли получить обетование Духа верою (Гал. 3:14).

Каждое условие пророчества здесь соответствует предшествующему предсказанию, взгляду за пределы понимания смертных в историю религии и реальной связи имени Авраама с влиянием, которое все больше наполняет мир. Почему ничего равного нельзя сказать ни о ком из призрачных королей, найденных в домах детства Авраама?

Интересный шаг в развитии этого плана сделан, как верят христиане, в благословении умирающим Иаковом своих сыновей. Единодушная традиция иудаизма также, как засвидетельствовано в ее самых ранних переводах, targumim и комментариях, нашла в благословении Иуды (Быт. 49:10) предвосхищение Мессии. Однако, рассуждая с теми, кто в равной степени оставил церковь и синагогу, я не могу придавать этому замечательному стиху такое же значение, как высказываниям об Аврааме. Действительно, его ценность для аргументации осознается благодаря авраамическим оракулам и даже в большей степени, чем в их случае, объявлениям более поздних эпох. Но ценность это все еще имеет, поскольку сила многих пророчеств заключается не столько в их единообразном непререкаемом применении ко Христу, сколько в их многообразной и часто меняющейся, но все же ощутимой применимости. С этой оговоркой слова заслуживают того, чтобы над ними задумались:

“Скипетр не отойдет от Иуды, и законодатель не отойдет от ног его, доколе не придет Силом, и к Нему будет собираться [почтение] народа”.

Не нужно прилагать никаких усилий, чтобы придать этому языку мессианский смысл. Хотя колено Иудино описывается в его львиной силе и в других чертах временного процветания, все же оракул заявляет, что ссылается на “последние дни”; и патриарх прерывает всю серию откровений словами высокого духовного значения: “Я ожидал твоего спасения, о Господь!” В любом случае, эти слова гораздо больше подходят для добровольного правления, чем для завоевания; и это бесспорно и является поразительной дополнительной мессианской чертой, если, согласно Гезениусу, который не всегда придерживался этой точки зрения, большинство гебраистов правильно понимали под “Силом” личное имя, имеющее то же значение, что и

Исаия 9: 6, "Князь мира". Нелегко думать, что эти слова были запоздалой мыслью, призванной заполнить пробел в генеалогии еврейского Мессии, которая теперь прослеживалась от Евы и Ноя до Авраама, Исаака и Иакова; и все же должны ли мы приписывать случайности то, что они совпадают с коленом, в котором родился наш Господь, и подготавливать ко всему, что говорится о нем как о Сыне Давида? Не лишено значения и то, что за пределами господствующего положения Иудеи, которое затмевало все в Израиле и в конце концов затмило его имя, приход более великого и могущественного Правителя должен был произойти в критический период, когда скипетр уходил и не ушел совсем. Хотя это предсказание, возможно, и не обладает абсолютно неоспоримой силой (для неверующих) благословения Авраама, в нем содержится так много как пророческого содержания, так и исполнения, что им нельзя пренебрегать.

То же замечание применимо к первому великому отголоску этого царственного высказывания - пророчеству Валаама в Числах 24: 17 о Звезде, которая должна взойти от Иакова, и Скипетре, который должен взойти от Израиля. Некоторые могут считать, что все это уравнивается, по их мнению, легендой о говорящем осле, но не те, кто считает, насколько виртуозен в качестве морального исследования портрет Валаама и насколько прекрасны в качестве текстов его оракулы. Для понимания этого отрывка, который делает его содержащим пророчество, и того, кто намного превосходит любого обычного царя, такого как Давид, покорившего Моав и Эдом, следует сначала рассмотреть все течение еврейского толкования. Это было настолько решающим, что, когда при императоре Адриане была предпринята последняя великая попытка евреев сбросить римское иго, возглавлявший их лжемессия, поддерживаемый всем влиянием одного из их величайших раввинов, Акибы, принял эту эмблему, и был известен как сын звезды (Бар-Кохебд). Применительно к Христу это обозначает Мессию совсем другого порядка, и есть особое величие в том, что пророк, которого наняли проклинать, произносит благословение народу Божьему под руководством этого последнего и величайшего из их лидеров и празднует его непреходящее господство, когда погибли не только нынешние враги, такие как Моав, Эдом и Амалик, но и другие в далеком будущем, такие как Ассирия и Рим. Справедливо было сказано, что ссылка на "корабли у берегов Читтима" (Кипр), которая может относиться только к перемещениям римской державы на восток, исключает любое предположение, которое могло бы сделать это поздней интерполяцией в Пятикнижии, и ограничивает применение к мессианскому царю, до которого всегда простирается горизонт Ветхого Завета. Этот урок не связан со звездой волхвов в Евангелии от Матфея. Для тех, кто верит в чудеса, это будет особым подтверждением того, что эта конкретная черта в истории нашего Господа, таким образом, предуказана заранее, что выводит на сцену людей с востока, столь сильно отличающихся от провидца, впервые увидевшего эмблему. Но исполнение было бы истинным в великом и непреодолимом Царе-Спасителе, победившем и пережившем все силы мира, даже если бы буквальная звезда не возвестила о Его рождении; и, таким образом, засвидетельствованный друзьями и врагами, основателем рода Израиля и прорицателем, призванным искоренить его, этот царственный образ появляется в Библии, который никогда впоследствии не покидает его.

Однако следует отметить, что Пятикнижие не заканчивается до тех пор, пока не будет раскрыта другая фигура или тень этого грядущего Лидера, а именно фигура Пророка. Это происходит в восемнадцатой главе Второзакония, где Моисей с пятнадцатого стиха до конца говорит о Пророке, который должен быть возвышен подобно ему самому. Здесь толкователи обычно разделяются на две точки зрения. Один из них рассматривает текст как предусматривающий продолжение существования пророческого сообщества в Израиле, чтобы избранный народ не

мог завидовать язычникам и, с другой стороны, не был удостоен таких немедленных и ужасных откровений, которые почти поразили их на Синае. Это непрерывное пророчество, реальное, но опосредованное и человеческое, подобное пророчеству Моисея, рассматривается этими толкователями как обетованное, в то время как приход Мессии считается кульминацией всего этого. Теперь, даже этот взгляд является замечательным способом заглянуть в будущее, поскольку после события не было времени для пророчества, и как мог Моисей или кто-либо другой, олицетворяющий его, знать, что он стоял во главе непрерывного тела и что откровение, такое, каким он знал его в себе, должно было быть продлено до неопределенного будущего? Но невозможно ограничить слова Моисея этим коллективным смыслом; и как то, что он знал о себе, так и то, что ветхозаветная литература единодушно отводит ему совершенно выдающееся место, должно было привести к пропорционально возвышенному представлению о грядущем Пророке. Это не исключает преемников в его работе, которые, скорее, воспринимаются как должное; но акцент должен был быть сделан на истинно равном, на том, кто должен был начать все сначала и говорить с той властью, которой обладал он один. Следовательно, эта точка зрения наложила отпечаток на всю ветхозаветную церковь, как мы видим в последнем оракуле Малахии, и как подтверждается Новым Заветом, взятым просто как человеческий документ, фиксирующий среди евреев и самаритян ожидания трансцендентного Учителя и Реформатора, такого, какого мир лишь однажды видел прежде. Действительно, в данных обстоятельствах быть равным Моисею означало быть более великим, ибо если Моисей был просто повторен, то зачем нужен был другой законодатель или основатель? Как же тогда отрицатель откровения может объяснить эти факты; во-первых, ожидание, приписываемое Моисею, и, во-вторых, его исполнение? Само желание и предвкушение были необычными. Великие люди обычно не подчиняют себя другим и не думают о своей работе как о ожидании какой-то более великой личности, которая должна взяться за ее незавершенные задачи. Христианский взгляд навещи объясняет это в Моисее, который искал не только родственную душу, но и личного Спасителя, чья работа была чем-то большим, чем просто продолжением его собственной. И еще более чудесно осуществление этой надежды, пришедшее спустя пятнадцать столетий; ибо даже в мире преобладает мнение, что Христос того же образца, что и Моисей, только более величественный и повелевающий, действующий в той же стихии и заставляющий работу Моисея, которая казалась исчерпанной или побежденной, обновляться и возвышаться в Его собственной. Какой же тайной тогда христианская церковь в своем слабом начале ухватила за это величие Христа, вообразила, если это был сон, что Моисей склонился на Горе к этому все еще малоизвестному Пророку и что Бог даже приблизился в Нем, чем

во времена Моисея? Тот, кто ответит на этот вопрос, найдет ключ к этому оракулу и ко многому другому; тот, кто, чтобы избежать ответа, отвергнет искупление с помощью пророчеств и чудес в качестве его помощников, должен сделать всю историю банальной и относиться к Моисею и Иисусу одинаково только в том, что низвергнет их с любого трона величия, чтобы разделить его падение.

Пророчество делает необычайный скачок вперед и в другом направлении, с возникновением Израильского царства при Давиде. В Самуиле есть промежуточная фигура. Но сама история переходит к царственному периоду, развивая то, что, несмотря на неудачу с Саулом, было истинным смыслом всего, что было раньше, и выводя на сцену величайшую эмблему и начало того, что в мессианские дни должно было быть известно как “царство небесное”. Проблески в оракулах Иакова и Валаама, которые раз за разом внезапно возобновлялись в темные и беспокойные века Судей, теперь вспыхивают ровным и концентрированным светом и в связи с

личностью, линией и, что почти важнее, Псалмами Давида освещают мир для всех поколений. Давид действительно, подобно Моисею, является одним из поворотных моментов в истории человечества, столь же могущественным по дарам, столь же неизмеримым по благодати; если и не таким ужасным и гигантским, то более нежным и пленительным, и само его падение и раскаяние приблизили его к человеческому сочувствию и слезам. Обладая непревзойденным военным гением и государственной мудростью, чтобы дать избранному народу силу и покой и, как человек по сердцу Божьему, построить теократию как великое национальное царство и обеспечить его святилищем и богослужением, которые сделали Сион радостью всей земли, он обогатил это святилище и любое другое несравненным сокровищем священной песни, которая, в отличие от любой другой формы лирики, оставляет всю земную славу и надежды невоспетыми и среди невыразимого греха, печали и одиночества в душе человека, все еще остается вечным воспоминанием о нем. жаждущий Бога, живого Бога. Эта миссия Давида, неисчерпаемая, сделала его закадычным другом всех святых в любую эпоху и в любом климате; и к этому относятся чрезвычайные превратности его жизненного опыта, а также его царственное возвышение и испытания, вписывающиеся в божественный план происхождения из его рода еще более великого Царя и Страдальца. Объявление пророка Нафана Давиду о том, что его род должен включать Мессию и, таким образом, продолжаться вечно, не имеет оснований оспаривать утверждение, записанное во 2 Царств. 7 в связи с намерением Давида построить храм; и с не меньшей красотой этот оракул вновь появляется в “последних словах Давида” во 2 Царств. 23: 1-8, где он напоминает о своей двойной функции как человека, стоящего по отношению к Мессии, а также как Псалмопевца Израиля, и где он черпает утешение в заключенном таким образом завете как “упорядоченном во всем и надежном”. Из этого, конечно, не следует, что Давид не получал откровений о Мессии до этого последнего и венценосного пришествия или что он не видел в своей собственной пестрой и чудесной жизни прообразов еще более странной и славной судьбы. Это один из вопросов критики, в отношении которого никогда не будет абсолютного единства относительно того, насколько Давид когда-либо сознательно описывал свой собственный опыт; в какой степени опыт Мессии и сколько его царских Псалмов, таких как, возможно, второй и шестнадцатый, предшествовали особому обетованию; сколько, таких как восемнадцатый, двадцать второй и сто десятый, последовали за ним. Достаточно того, что, будь то авторство Давида, Соломона или еще более позднее, в Псалтири постоянно звучит эхо царственного рождения и призыва Мессии, и что в величественных звучных каденциях, как в семьдесят втором, восемьдесят девятом и сто тридцать втором Псалмах, Его происхождение от Давида наполняет слух христиан в каждой стране.

В совершенной гармонии с этим фиксированным положением о происхождении от Давида находятся многие объявления на страницах этого письменного пророчества, которое началось примерно в 800 году до нашей эры и продолжалось до конца канона в Малахии. Так, в Исаии 4: 2 упоминается тот, о ком просто говорится как о “Ветви” (ветви Иеговы), но в Исаии 11: 1 этот титул прямо связан с семьей Давида: “Из стебля Иессеева произрастет жезл, и из корней его вырастет ветвь” со всеми обычными атрибутами мессианского царства. Вряд ли кто-то сможет возразить, что это может быть применимо к какому-то другому потомку Иессея из Вифлеема, кроме как к линии Давида, поскольку очевидной причиной возвращения к Иессею является упадок, в который должна была впасть царская семья; точно так же, как в Амосе 9: 11 мы читаем: “В тот день Я воздвигну скинию Давида, которая пала”. Подобным образом великий оракул Исаии 9: 6: “Нам младенец родился, нам сын дан” связан со строкой Давида, ибо в следующем

стихе сказано: “Умножению правления Его и миру не будет конца на престоле Давидовом”. Хотя все эти высказывания, по-видимому, претендуют на высшую природу этого правителя, как и в книге Исайи 7: 14: “Се, дева во чреве примет и родит сына, и наречешь ему имя Еммануил”, связь с домом Давида более или менее очевидна, поскольку даже в этом последнем случае знак дан как залог того, что, несмотря на вторжение, царский род не ослабеет, и к святой земле таким образом обращаются: “Земля твоя, о Еммануил!” Исайя 8:8.

У Иеремии повторяются те же замечания, очевидно окрашенные предыдущими ожиданиями: так, в Иеремии 23: 5, 33: 15: “Вот, наступают дни, говорит Господь, когда Я воздвигну Давиду праведную Ветвь, и Царь будет царствовать и процветать”. “В те дни и в то время Я сделаю так, что Ветвь праведности вырастет для Давида”. В книге пророка Иезекииля 34: 23 есть текст: “И я поставлю над ними одного Пастыря, и он будет пасти их, раба моего Давида”, в котором говорится так, как будто будущим царем может быть не потомок Давида, а сам Давид, вернувшийся на землю; и тот же язык встречается в 37: 24: “Давид, раб мой, будет царем над ними”. Но вряд ли можно предположить, что этот пророк, который повсюду показывает себя таким знакомым с Исайей и Иеремией, имел в виду что-то другое; и мы вполне можем понять также в том же свете высказывание Осии 3: 4, 5, сказанные за двести лет до Иезекииля, в которых, предвосхищая пленение, которое должно привести к тому, что народ Израиля “много дней будет без царя”, он добавляет: “После этого сыны Израилевы возвратятся и взыщут Господа, Бога своего, и Давида, царя своего”. К этой массе свидетельств, все указывающих на великого правителя, который должен был произойти от Давида и при этом быть еще более великим, я бы просто добавил, поскольку ссылки на него хорошо известны, два текста, в одном из которых, Михея 5: 2, говорится, что этот правитель должен был родиться в Вифлееме, который был местом рождения Давида, а в другом - что он должен был прибыть верхом на осле в Иерусалим, который был средоточием власти Давида. Таким образом, мы оказываемся лицом к лицу с вопросом: как отрицатели христианства как откровения отнеслись к этому огромному количеству поразительных свидетельств и насколько им удалось превратить эти очевидные пророчества в простые естественные догадки и совпадения?

Трудно отрицать, что еврейская литература, предшествовавшая христианству и существовавшая вне его, ныне сохранившаяся в Талмуде и родственных писаниях, применила к Мессии почти все тексты, которые мы процитировали, а также другие, которые последуют далее. Единственным заметным исключением, пожалуй, является отрывок об Эммануиле, где в их интерпретациях есть что-то вроде умолчания, хотя и не противоречие. Было интересно наблюдать, как, когда великая деистическая полемика прошлого столетия разгорелась против аргумента из пророчества, как и против всех других частей христианской аргументации, лидеры английского неверия отнеслись бы к этим фактам в истории еврейского толкования. Их главный представитель, Энтони Коллинз, смело отрицал не только то, что Исайя и другие пророки упоминали какого-либо отдельного человека или потомка Давида, которого оттуда стали искать как Мессию, но и то, что любое ясное или последовательное ожидание такого человека можно найти в еврейской традиции для любого периода, достойного упоминания до Рождества Христова.

Невозможно было, чтобы такое нарушение всякой литературной справедливости не было отомщено; и поэтому в нашем веке Штраус, чтобы создать свою собственную ткань, провел лемехом разрушения по основам коллинзовской. В восемнадцатом веке не было необходимости объяснять происхождение христианства; но сейчас это вопрос жизни и смерти

неверия; и Штраусу потребовалось для этой цели долгое и широкое распространение среди евреев ожиданий Мессии, который был бы не просто завоевателем и мировым монархом, но также учителем и даже страдальцем, которого ученики Иисуса, когда их Учитель был распят, могли бы утешить себя тем, что нашли и правдоподобно научили своих соотечественников находить в книгах Ветхого Завета и в их современных интерпретациях. Следовательно, он не может слишком полагаться на помощь тех “евреев”, к которым Коллинз относился с таким презрением, и даже, возможно, преувеличил мессианский элемент в еврейской и талмудической литературе. Но его уступки в отношении Ветхого Завета наиболее важны. Так, в своей работе “Новая жизнь Иисуса”, 1864, он говорит:

“У пророков тенденция к более духовной форме религии сопровождалась другой. Они, без сомнения, сделали возвышение народа Израиля до истинного благочестия неизменным условием лучших времен. Но в то время как они рисовали это лучшее будущее по образцу старых добрых времен, которыми народ наслаждался при своем царе Давиде, с этой надеждой было связано ожидание правителя в стиле Давида, из рода Давида, который должен был вывести свой народ из глубины его нынешнего падения на высоту могущества и процветания, превосходящих дни Давида древности”.

Таким образом, христианская церковь собственными руками своих противников восстанавливает свои пророчества в той мере, в какой это касается их раннего происхождения и духовного значения. И теперь единственный вопрос заключается в исполнении; ибо, если Иисус из Назарета действительно потомок царской семьи Давида, перед нами самый удивительный путь в будущее в случае с тем, кто, по общему признанию, является самой замечательной фигурой в истории. Следовательно, Ренан отрицает царственное происхождение Иисуса, обвиняя его в том, что он принял титул “Сын Давидов” не по невежеству, а вопреки своим собственным лучшим чувствам. “Он позволил им присвоить ему титул, без которого он не мог надеяться ни на какой успех”.

Ренан, по-видимому, не понимает, что если Иисус принял титул, как это принято, то он должен был сделать это не только добросовестно, но, учитывая его средства познания, с моральной уверенностью; и что утверждать обратное - значит усугублять все трудности и противоречия, заложенные им в том, что он признает величайшим из человеческих характеров. Штраус здесь, хотя он таким образом неморально унижает Спасителя, находится в таком же замешательстве. Он допускает, что еврейский народ повсеместно верил в Мессию как в Сына Давида”. Он допускает также, что Иисус называл себя Мессией. И он допускает, что применил к себе процитированные выше пророчества Исаяи и Иеремии, которые предсказывали, что Мессия должен иметь это нисхождение. Как же тогда Штраус может исключить вывод о том, что Иисус считал себя потомком Давида? По самому произвольному предположению, Иисус хотел внушить своим ученикам и народу идею о том, что Мессия должен быть не Сыном Давида, что было простым мирским именем, а чем-то более духовным. Единственное доказательство, которое он может привести в пользу этого, состоит в том, что Иисус оспаривал в храме нынешнее толкование сто десятого Псалма и хотел предположить, что Мессия должен был быть не Сыном Давида, а его Господом, хотя Штраус, конечно, не может допустить, чтобы он отстаивал какую-либо высшую природу в качестве своей прерогативы. Но что это было за промежуточное звено между происхождением от Давида и высшей природой, о котором здесь говорил Иисус, Штраус не объяснил, и поскольку у его интерпретации не было предшественников, у нее не было и преемников. Таким образом, если мы придадим

повествованиям наименьшую историческую ценность, то настолько несомненно, насколько это вообще возможно, что Иисус считался потомком Давида не только своими последователями, у которых были лучшие средства для познания, но и самим Иисусом; и когда мы думаем о том, с какой тщательностью евреи вели свои реестры, и даже о той уверенности, с которой такая великая семейная традиция, как эта, всегда была точно передана, мы можем считать поистине замечательным, при всех обстоятельствах дела, то, что так много свидетельств подтверждает это возвышенное утверждение. В генеалогиях есть трудности, но они не были признаны непреодолимыми самыми способными учеными; и тот факт, что в рождение от Давида верили не только евангелисты, но и Павел, Рим. 1: 3, и автор Апокалипсиса, которого большинство рационалистов теперь считают апостолом Иоанном, Откр. 22: 16, но прежде всего сам Основатель христианства, и был принят в эпоху, когда все свидетельства были очевидны, как основополагающий принцип новой религии, должен быть принят во внимание, чтобы перевесить эти оставшиеся неясности.

Однако гораздо сильнее этот элемент Давида становится, когда мы принимаем во внимание фактическое рождение Иисуса в Вифлееме, очевидно предсказанное, как мы видели, в книге Михея, 5: 2. Еврейская традиция была здесь, насколько нам известно, единодушной; и, согласно Евангелиям, она нашла свое воплощение. Штраус не может здесь отрицать согласия с Михеем; ибо, как того требует мифологическая теория, сама история должна формироваться на основе более раннего уведомления и его еврейских отголосков. Но можно ли допустить извращение истории в том виде, в каком он ее представляет, и превратить Христа, родившегося в Назарете, в того, кто родился в Вифлееме? Штраус признал, насколько трудно было это сделать, когда факты были так широко известны. Почему же тогда евангелистам приписывают извилистую и неисторическую процедуру вместо простой и правдивой? Или как Штраус и Ренан могут найти какие-либо основания для категоричного утверждения вопреки их единому свидетельству, что Иисус родился в Назарете? В самом факте здесь нет ничего похожего на чудо, и теперь следовать евангелистам, теперь дезертировать из-за естественных событий, а для впоследствии прославленного еврея было столь же естественно родиться в Вифлееме, как и в Назарете, - это просто вольность. Говорят, Лука приводит Иисуса в Вифлеем, чтобы исполнить пророчество; и разве они не удаляют его, чтобы избежать одного из них? Предубеждения, по крайней мере, одинаковы, и, к сожалению для современных критиков, они сами не являются и не могут быть авторитетами в древней истории.

Что касается триумфального въезда Иисуса в Иерусалим, город Давида, как указано выше в Зах. Стихи 9: 9 настолько ясны, что вслед за ними потянулся огромный пласт еврейской мессианской традиции, поэтому исторические свидетельства в Евангелиях менее оспариваемы. Реймарус в прошлом столетии основал на этом инциденте свое нападение на Иисуса за попытку установить временное царство. Ренан включает основные факты в свое собственное повествование. Штраус, хотя и утверждает, что традиции было достаточно, чтобы создать историю, также допускает, что история сама по себе вполне могла произойти. Общая тенденция недавней критики Евангелий, и особенно отсутствие возражений против четвертого Евангелия, которое здесь, в редком случае, повторяет инцидент, полностью изложенный у синоптиков, подтверждает это признание. Давайте также помнить, что десятый стих девятой главы Книги Пророка Захарии получил великое исполнение, ибо тот, кто въехал с этим скромным триумфом в Иерусалим, был истинным царем эпохи Давида, как это изображено в других местах, и особенно в семьдесят втором Псалме, отрезав колесницу, коня и боевой лук и проповедуя мир народам. Поэтому, если кто-нибудь скажет, что Иисус въехал в Иерусалим

самовольно, чтобы исполнить пророчество, они будут соответствовать его собственным условиям; ибо мировая история поддерживала его, и “Его владычество было от моря до моря и от реки даже до краев земли”.

На этом этапе можно сделать краткое замечание о большом цикле очевидных предсказаний, имеющих отношение к жизни и служению Христа. Кажется, указано, что какой-то посланник должен идти перед ним, как в книге Исаии 40: 3 и Малахии 4: 5, 6; и поскольку в “этом отрывке упоминается Илия”, преобладающим мнением евреев было то, что Илия должен буквально вернуться и совершить это служение для Мессии. Столь же несомненно, что Иисус утверждал, что Креститель возвестил о нем таким образом, и что Иоанн занял эту позицию. Легко сказать, что здесь ошибка в пророчестве или преувеличение дружеских отношений. Но необычность заключается в том, что совпадение во времени двух великих учителей, один из которых, если повествование чего-то стоит, таким образом снизошел до другого, является историческим фактом, который невозможно было предвидеть; и все, что нужно, чтобы сделать это пророчеством, - это использование переносного имени вместо буквального, черта, довольно распространенная в пророческом стиле. Стоит отметить, что Рим, высокий авторитет в этих дискуссиях, хотя и выступает против обособленных и спорадических интерпретаций, рассматривает это как истинное предсказание, раскрывающее глубину Ветхого Завета.

Тот же автор, чья сдержанность и осторожность никто не подвергнет сомнению, принимает как “совершенно неопровержимое исторической критикой удивительное соответствие исполнения Нового Завета (Мф. 4: 13) ветхозаветному пророчеству (Исаия 8: 23) о том, что для жителей Геннисаретского озера и Иордана, из колен Завулоновых и Неффалимовых, первым воссияет свет мессианского спасения”; при этом можно добавить, что, как в оракуле, так и в истории, “тьма” подавленного, отверженного и наполовину языческого государства странным образом рассеивается. контрастирует с картинами Галилеи Ренана.

То, что Мессия должен творить чудеса, чтобы, по крайней мере, не опуститься ниже великих имен ветхозаветного периода, было, как все признают, всеобщим ожиданием евреев. Авторы, поддерживающие мифическую или легендарную теорию, ссылаются на Исаию 35: 5, 6, которая, по их мнению, содержала своего рода программу, подобную той, которую Иисус был обязан выполнить. Штраус здесь склонен думать, что Иисус в своем ответе посланникам Иоанна отверг физические чудеса и применил текст Исаии только к Своим исцелениям души. Все буквальные исцеления, которые он допускает к Иисусу, были вызваны нервной симпатией и влиянием воображения. Но Штраус здесь невольно поставил себя в большое затруднительное положение. Он допускает, что люди были достаточно хладнокровны, чтобы не приписывать Крестителю никаких чудес. Он допускает, что класс чудес, которые были действительно чудесными, таких как исцеление слепых и воскрешение мертвых, тогда, как всегда, по природе вещей отличались от естественного воздействия на нервную систему. Он также допускает, что люди ожидали от Мессии величайших чудес. Поэтому он не смог объяснить, как чудеса без реальности производили такое впечатление, и, таким образом, оставил повествования о сверхъестественном столь же необходимыми, как и прежде. Но если это так, то разве пророчества тоже не верны? Если бы слова Исаии предназначались для истинных чудес, они не могли бы быть сильнее, и одна из слабостей этой схемы заключается в том, что стремление создать идеальное чудо из идеального пророчества угрожает утвердить реальность обоих.

Все века восхищались изысканной красотой мысли и гармонией чисел, с которыми на сцену выходит царь Давида в первой половине книги пророка Исаяи, в то время как его скипетр преобразует всю природу в мягкость и покой. Не менее очаровательны картины во второй половине книги, где монарх превращается в учителя, утешителя, неистощимо нежного и терпеливого слугу Иеговы, который пасет свое стадо подобно пастуху, у которого язык ученого, чтобы он мог знать, как вовремя сказать слово усталому, “который не кричит, не возвышает голоса и не делает так, чтобы его услышали на улице, и который не гасит дымящийся лен и не ломает надломленную трость”.

Есть ли во всей истории хоть одно существо, к которому эти и многие другие слова применимы так же инстинктивно, как к Иисусу Христу, и мог ли он более значимо начать свое служение в Назарете, чем процитировав и применив к себе это высказывание? Дух Господа Бога на мне, потому что Господь помазал меня благовествовать кротким” и т.д. Ис. 61:1. Разве мы уже не слышим слова блаженства: “Блаженны кроткие”, “Блаженны скорбящие”, “Придите ко мне, все вы, труждающиеся и обремененные”? Бесполезно говорить здесь о первом и втором Исаях. Если их два, это все равно более чудесно, чем если бы был один. Этот аргумент также не ослабляется различным применением титула “Слуга Иеговы” то к коллективному Израилю, то к одному индивидууму или “Избранному”, в котором идея служения полностью реализована, поскольку большая часть пророчеств, таких как Псалмы, одинаково типичны, и таким образом раскрывается единство Христа и его тела. Применимость этих исаианских оракулов к кроткому и непритязательному Учителю произвела впечатление даже на недавних лидеров неверия: Ренан проникся чем-то вроде симпатии к их несравненному очарованию, за которое христиане могут простить ему многое из того, что в остальном является чуждым и унижающим достоинство; а Штраус смягчился почти до признания. Он считает, что Иисус применил все эти черты кротости, терпения и страдания к самому себе и сформировал себя по этому замечательному образцу, вместо воинственного и победоносного Мессии, которого ожидали люди; и теперь, когда эти оракулы столетней давности, даже если они указывали только на лучшую часть расы, должны, таким образом, наконец сбыться, и в этом есть одна трансцендентная личность, которая является Учителем мира, разве это не почти так же странно, как то, во что верит христианин?

Из всех предсказаний о Мессии самыми замечательными являются те, которые касаются его смерти. Это новая особенность, поскольку христиане придают этому событию такое большое значение, что Ветхий Завет, по-видимому, также концентрирует здесь свои лучи. Еврейская традиция здесь менее обильна, хотя и не лишена ярких свидетельств; и распятие на кресте, либо до, либо после христианского периода, привело к зачатию двух Мессий: одного, Сына Иосифа, который должен пострадать и умереть, и другого, Сына Давида, который должен царствовать. Когда пророчества теперь изучаются в свете истории, большая часть этого мрака рассеивается, и становится ясно, что он лежал в основном в основе предрассудков еврейских читателей. Современные трудности в значительной степени носят тот же характер, например, возражения против доктрины искупления, усугубляемые нежеланием признать то, что, если это правда, является столь явно сверхъестественным. Насколько далеко недавнее немецкое богословие продвинулось в этой борьбе, можно увидеть на примере авторов, которых никто не обвинит в “слепой ортодоксальности”. Так, Рим говорит: “Самым замечательным примером такого согласия является 22-й псалом, где образ распятого Христа, окруженного своими торжествующими врагами, безошибочно предстает перед глазами каждого христианина”. В том же месте он также ссылается на “совпадение картины, нарисованной пророчеством о “Слуге

Иеговы", с картиной Христа во многих совершенно особых чертах". Ис. 42:2; 50:5 и т.д.; 53:2. С той же целью Делич, обсуждая Исаию 53, говорит: "Теперь впервые тип жертвоприношения, который ранее был немым, начинает говорить через идею Слуги Иеговы. Он изливает свою душу в смерти, и его душа, таким образом, приносит удовлетворительное приношение, которое искупает грехи людей. Он берет вину за грехи своего народа на себя. Слуга Иеговы умирает и погребается, но не для того, чтобы остаться в смерти, а для того, чтобы он мог жить вечно как священнический и царственный глава великого собрания". Таким же образом, когда он применил ко Христу два оракула из Книги Захарии, которые говорят о пронзенном (12: 10) и об открывшемся Источнике (13: 1), он добавляет в отношении пораженного Пастуха (13: 7): "Ссылки на Новый Завет, Мф. 26: 31 и др.; Марка 14: 27, настолько полностью оправданы, насколько они применимы к Иисусу Христу, к его смерти и ее последствиям". Точно так же Элмер, указывая отправную точку в коллективном Израиле, говорит: "Глава 53 [в книге Исаии] может относиться только к отдельному человеку. Следовательно, Эвальд, например, рассматривает этот отрывок как вставленный из более старой книги, в которой говорилось об одном мученике. Ибо говорят не язычники, как утверждает совершенно ошибочный взгляд, ныне столь широко распространенный, но пророк, теперь от имени пророков вообще, ст. 1: "Кто поверил нашему рассказу?", а теперь от имени народа, ст. 6: "Все мы, как овцы, заблудились" и т.д. Чувство вины настолько ярко выражено даже у пророков, которые считают себя слугами Божьими, что они включают себя в грешную массу людей, которым необходимо искупление: 'Мы все как нечистые. Сост. 59: 12. Следовательно, действительное ходатайство за людей не может исходить от них самих (59: 16), и даже совокупность Божьих слуг не может совершить искупления. Напротив, именно на основе интуиции тех свидетелей, которые пострадали за дело истины, пророчество возвышается до интуиции Того, в ком образ верного слуги является полным, Того, кто отдает свою жизнь не за свои собственные грехи, а как замена людей и за их грехи".

Эти свидетельства выдающихся христианских теологов, получивших образование в нескольких разных школах, интересны, но гораздо более поразительной, на мой взгляд, является уступка Штраусу, одна из самых важных в курсе апологетической литературы. Известно, что в ранних изданиях своего труда, начиная с 1835 года, он отрицал, что Христос знал что-либо определенное о своей собственной смерти или объявил о ней своим ученикам. Но в 1864 году его "Новая жизнь Иисуса" показывает, что в столь серьезном вопросе он изменил свою позицию. Он признает свою веру в то, что Иисус не только объявил о своей собственной кончине, но и сделал это с помощью таких оракулов, как 53-я глава Книги Исаии, которая была образцом его жизни и учения.

"Что касается призвания учителя, то необходимо терпение, поскольку неутомимый наставник должен учитывать неблагодарность и преодолевать человеческие предрассудки долготерпением. Поскольку в истории еврейских пророков перед Ним были примеры нескольких человек, которые подтвердили свою верность религии Иеговы, провозглашенной и защищенной ими мученической смертью, таким образом, для него возникло приближение к тем чертам слуги Иеговы, которые содержали страдание, пытки и жестокость вплоть до смерти. Возможно, что с самого начала Иисус придерживался черт первого класса и что он хотел быть Мессией в смысле спокойного и терпеливого Учителя; но чем больше он сталкивался с недостатком восприимчивости среди людей и явным сопротивлением, чем больше он видел ненависть правителей, возбужденную против него, и убеждался в ее непримиримом противодействии, тем больше у него было поводов использовать также строго страдающие

черты 50-й, 52-й и 53-й главы Книги пророков Исаяи в своей мессианской концепции, размышлять над примерами более ранних пророков, которых он знал. ссылается на Мф. 23: 37 и Луки 13: 33 и в других местах, ожидая, подобно им, крайних мер, задержания, осуждения и казни, и чтобы подготовить своих последователей к такому исходу. Ту точку зрения, которая также побудила его рассматривать посвящение своей жизни как "выкуп за многих" (Мф. 20: 28), свою смерть как примиряющую жертву, он вполне мог бы перенять у Исаяи 53, поскольку эта точка зрения в целом лежала в русле иудейских идей".

Таким образом, на этот раз между христианскими писателями и лидером неверия существует согласие относительно давнего происхождения оракулов и их исторического исполнения, как в значении пророка, так и в духе и цели Страдальца. Нет необходимости приводить особенности страдания из других Мест Писания; общий план этой главы уникален в истории. Нельзя также сказать, что сосредоточение на пророчестве и его повторение привели к его исполнению. У Христа не было власти добиться собственного публичного осуждения и казни на основе обычных принципов. Следовательно, это так долго удерживало Штрауса от признания того, что Он предсказал такую смерть. Но сила христианской позиции остается и признается. Допускаются предпосылки, единственным выводом из которых является христианство, и имя Иисуса стоит начертанным на величайшем явлении (мы должны

не называйте это чудом) в истории.

Что касается воскресения Мессии, то свет пророчества гораздо менее отчетлив и ясен. Тем не менее, и двадцать второй Псалом, и пятьдесят третья глава Книги Пророка Исаяи, в которых говорится о смерти Мессии и вслед за ней рассказывается о его жизни и победе, тем самым подразумевают воскресение. Подобным же образом шестнадцатый Псалом, ст. 10, независимо от того, читаем ли мы его в единственном или множественном числе, требует воскресения; ибо тления избежал только Его народ и он сам через свое восстание из могилы. Типичным пророчеством было здесь знамение Ионы, как его истолковал Христос; и хотя это, возможно, не было понято в полном значении до события, в нем был истинный, присущий ему свет, и теперь оно добавлено к впечатляющему списку особенностей, которые благодаря доказанному соответствию во всех пунктах соединяют Ветхий Завет с Новым. Те, кто считал, что Иисус мог узнать из Ветхого Завета о своей смерти, но был вынужден остановиться на этом, или что это привело его только к надежде на духовную жизнь на небесах или победу его дела на земле, непоследовательны; а евангельские повествования, которые заставляют его взгляды на пророчество охватывать как смерть, так и воскресение, одновременно величественнее по своей схеме и правдивее по своей истории.

Одно слово в отношении дат в пророчествах, которые всегда отмечались, хотя некоторые из них менее достоверны, чем другие. Скипетр не должен был отойти от Иудеи; и в то самое время, когда исчезали последние следы самоуправления, пришел Мессия. Он должен был прийти во второй храм, Маі. 3: 1, и сделать его славу еще большей, чем у первого, Наг. 2: 7-9. Должно было пройти семьдесят недель (Дан. 9: 24, 25) от указа о восстановлении Иерусалима до прихода Мессии-Князя, которые, исходя из расчета дня в году (Иез. 4: 6), были правдоподобно перенесены доктором Пьюзи и многими другими с эдикта Артаксеркса (457 г. до н.э.) до начала служения Христа. Более убедительным, чем любой из них, является приход новогосударства в Дан. 2 и 7 после четырех великих мировых монархий, которые тот же автор в их мессианском исполнении так умело защищал от изменчивых схем недавней критики. Подобные данные,

несомненно, породили широко распространенное ожидание возвышения некоего великого царства на Востоке, о чем мы имеем свидетельства в хорошо известных отрывках Иосифа Флавия, Тацита и Светония, а также отголоски в Сивиллиных книгах и Четвертой эклоге Вергилия. Даже если бы у нас не было других указаний Ветхого Завета, сама связь этих великих приближающихся перемен с еврейским народом и Иерусалимом была бы хронологической вехой, поскольку при любом справедливом построении события не могли бы произойти, если бы Израиль уже превратился в кочующее множество, без территории и столицы, какими они были на протяжении восемнадцати веков.

II

Переходя к ветви пророческой аргументации, которая рассматривает христианство как свой предмет, не остается в стороне и сам Христос. Это Христос в своей церкви, как и прежде, в своей собственной личности. Пророчества, касающиеся христианства, можно свести к трем пунктам: его преемственность иудаизму, его победы, а также его неудачи и разращение.

1. Преемственность христианства от иудаизма является одной из его наиболее интересных особенностей. Отношения типа и антитипа больше нигде среди религий не существует. Никто не может сказать, что какая-либо из форм язычества является таким же аналогом Евангелия, как иудаизм; нельзя также сказать, что иудаизм в том же смысле является аналогом мусульманства, поскольку они стоят почти на одном уровне, и одно является плагиатом другого. Если бы Мухаммед смог разглядеть в своей системе продвижение в направлении христианства или даже иудаизма, как он хотел сделать, это было бы больше похоже на голос Провидения, чем на все, что он должен был показать. Но христианство по отношению к иудаизму, как христианин понимает и то, и другое, является этим явно более высоким типом; в то время как то же самое нельзя сказать об иудаизме после прихода еврейского Мессии по сравнению с тем, что было до. Еврейский Мессия мало что может принести из пророчеств и ничего из священства, и его царство более внешнее, чем царство христианства. Даже истинный ветхозаветный иудаизм был неполноценным, с его молодостью, незрелостью и сдержанностью; но все же в нем чувствовалось сильное семейное сходство. Таким образом, существует реальное предсказание чего-то грядущего, Бога завета, морального поклонения со всеми его местными и церемониальными особенностями, полезного, хотя и будущего умиловления, высокого, хотя и нереализованного практического стандарта и миссии перед миром, которая пока отложена. Не было ли это, таким образом, пророчеством грядущей религии, подобно тому как низший тип в природе является пророчеством высшего? Если другая система, или, скорее, старая система в новых условиях, оправдала, как объясняется в Послании к Евреям, обетование Левитского закона, придала крылья Десятисловию и, прорвав свои собственные насыпи, распространила свои благословения среди всех народов, “разве мы не увидим в этих тенденциях и способностях предзнаменование этого будущего? Но Ветхий Завет, таким образом, не является безмолвным свидетелем: он говорит; и помимо свидетельства о Пророке, подобном Моисею, есть великое провозглашение лучшего священства, Псалом 110: 4: “Ты священник вовеки по чину Мелхиседека”; и есть также в Иеремии 31: 31 ясное утверждение нового и лучшего завета, отличием которого должно быть превосходство в духовном влиянии, как видно из законов, написанных на сердце. Теперь, может ли какой-нибудь искренний неверующий отрицать, что в этом заключается превосходство христианства над иудаизмом, даже в его лучшем состоянии, и уж тем более разращенным еврейскими традициями? Не является ли тогда эта возвышенность и завершение иудаизма исполнением пророчества? И не должны ли так относиться к этому все

писатели, которые, как почти все рационалисты, выступают здесь на стороне Христа против его еврейских противников, и признают, что по сравнению с ними он значительно продвинулся в религии мира? Это впечатляет неверующего, но еще больше еврея, который видит свое древнее святилище в руинах или хуже, чем в руинах, и свои синагоги во всех странах, которым противостоит христианская церковь, которая перенесла на себя все свои лозунги и памятники, своих патриархов и своих царей, свой закон и своих пророков, свои алтари и свои жертвы, свое обрезание и свой переход, свой Сион, свой Иерусалим, свой Ханаан и соединила их одним великим Присутствием, которое возвышает и затмевает все! Разве здесь нет великого цикла в духовном мире? Может ли случай предсказать и затем совершить такие революции, как эти?

2. Следующий поразительный момент - предсказание побед христианства в форме не только развития, но и распространения и всеобщего распространения. Насколько велика была маловероятность какого-либо исполнения. Никто не может сказать, что пророчество здесь приходит после события; ибо пророки чувствуют, что им приходится скорее бороться с неверием своих слушателей и призывать к могущественной силе Иеговы, как к единственной, равной пределу.

“Я, Господь, призвал тебя в праведности и буду держать тебя за руку, и сохраню тебя, и отдам тебя в завет народа и во свет язычникам”. Ис. 42:6.

Откуда эта непривычная вера, даже большая, чем всемирная симпатия и филантропия, служителем которых он является? Здесь нет прогресса ни в пределах ожиданий, ни в их уверенности. И то, и другое столь же широко и сильно во дни Авраама, как и при последнем из пророков. Приводится множество деталей и используется множество удивительных цифр, например, что еврейский храм должен быть возведен на вершину гор и стать центром всеобщего паломничества, Михей 4: 1; Исаия 2: 1; что дикие звери должны быть преобразованы, Исаия 11: 6-9; что могучая река должна течь к Мертвому морю и исцелять все на своем пути, Иезекииль 47: 1-12; что Дух, излившийся с небес, должен вдохновить вселенский дар пророчества, Иоиль 2: 28, 29. Под этими цифрами передаются такие твердые реальности, как абсолютное упразднение идолопоклонства, Ис. 2:18; распространение знания об Иегове подобно тому, как воды покрывают море, Ис. 11: 9; преобладание глубокой святости, Зах. 14: 20; и практическое пользование народами праведностью и миром, Псалмы 67: 12-14. Эти благословения неизменно представляются исходящими от еврейского народа к другим народам и снова и снова из Иерусалима, Ис. 2:3; Зах. 14:8; и хотя они всегда связаны с новым явлением Иеговы, они очень часто выделяются как представленные Мессией, а также, в показательных примерах, Псалмах 22; Псалмах 53, восходящих к его страданиям и смерти. Как же тогда возник этот еврейский энтузиазм по спасению мира в расе, во многих отношениях столь узкой и ограниченную? Как ей удалось пережить угнетающее воздействие упадка и коррупции в их собственной религии, процветать в изгнании и противостоять наработкам местного и национального сектантства, пока она не обрела славное возрождение в Иисусе и его учениках, которые были готовы умереть за ее осуществление и которые действительно начали его в замечательной степени? Откуда этот великолепный идеал универсальной религии, полностью отсутствующий в язычестве, также отсутствующий и в мусульманстве, за исключением зависимости от грубой силы и уступок греховной похоти, которые унижают и разрушают ее? Христианская церковь восемнадцать столетий боролась, пока безуспешно, за то, чтобы осознать это; но она по-прежнему воспламеняет своих воинов с присущим им рвением, и благороднейший из них, падая на поле боя, выбрасывает ларец, в котором он

находится, в область, которую ей еще предстоит завоевать. Чем величественнее душа, тем больше она, подобно этим мученикам безграничной и нетленной веры, “странствует в мирах, неосознанных”, “плачет у рек Вавилона” и “благоволит к праху Сиона”, тем больше она пребывает в их духах и в Его, который с отвержения креставзирал на вселенскую империю истины и любви. Разрешимы ли этот энтузиазм и увенчавший его успех на каких-либо принципах неверия или неверие само по себе обладает моральным величием, позволяющим предложить ответ?

3. Последний элемент чуда в этих пророчествах о победе - это оттенок промедления, реакции и коррупции, которые сочетаются с успехом. У пророков это главным образом, если не исключительно, задержка и неудача. Далекие от того, чтобы писать свои пророчества, как предполагали некоторые, только по совету инаρχа ассирийских армий или последних слухов из Египта или Вавилона, или от того, что видят в следующей смене политического горизонта предвестие зарождения мессианской эры, они поднимаются сквозь величие описываемых событий к некоему собственному спокойствию и могут произнести свои лозунги: “Верующий не будет торопиться”, Ис. 28: 16; “Я, Господь, ускорю это в свое время”, Ис. 60: 22. Следовательно, они могут повторять оракулы друг друга и формировать цепочку ожиданий, растянувшуюся на многие годы; и в великом будущем они могут сочетать со спокойствием черты разочарования в принятии грядущего спасения и, прежде всего, падения Израиля, которое, как в Исаии 49, таинственным образом затемняет призвание язычников. На самом деле, они вряд ли могут предвидеть искажения христианства, поскольку в языке пророчеств едва ли были освещены различные черты Израиля за пределами Израиля. Но в Новом Завете эта общность разрешена; и странные судьбы самого Евангелия в истории, состоящие из триумфа и поражения, чистоты и испорченности, силы и слабости, и это не только в одну эпоху, но и в большей или меньшей степени на протяжении всего его жизненного пути, очерчены наиболее поразительно. Неверие евреев и их изгнание из царства широко раскрывается в высказываниях самого Христа и апостола Павла; и это нельзя рассматривать просто как естественную месть, ибо об этом возвещается с глубочайшей печалью и предрекается день покаяния. Мировая история следовала за одним набором указаний, но еще не обогнала другой; и как объяснить это предвидение до сих пор?

Столь же поразительным является предзнаменование христианства в других его неудачах и переворотах. Большинство из всех его пороков чудесным образом предопределены. В то время как великая притча о сеятеле предсказывает лишь частичный успех божественного семени, две родственные притчи о плевелах и о сети, брошенной в море, предсказывают и покрывают все извращения доктрины и несоответствия практики. Это все еще царство Небесное, но небеса потускневшие, деградировавшие, почти погребенные под землей. Ничто не дает нам более высокого представления как об интеллектуальном уровне, так и о нравственном величии Спасителя, чем эти притчи! Царство небесное, со всем его печальным вырождением, стоит того, чтобы жить и умереть за него; и хотя Он приходит не для того, чтобы послать на землю мир, а меч, он ограничен до тех пор, пока не совершится его крещение. Те, кто осуждает христианство за его злоупотребления, считают, что их возражения здесь несостоятельны. Религия, столь искренняя, столь предвидящая свои самые болезненные раны в кругу своих друзей, могла бы обезоружить даже предубеждения своих врагов. Сама масштабность и печаль его признаний могла бы смягчить их неприязнь. Это не внешний враг, которого Павел описывает во Втором Послании к Фессалоникийцам, но тот, кто восседает в храме Божьем и скорее сдерживается внешними препятствиями, как это обычно понимали христианские

писатели, когда римские гонения наконец прекратились и открыли церкви путь к появлению худшего антихриста из своего “собственного лона”. Таким образом, антихрист Апокалипсиса, что бы еще он ни включал, не может исключать формы ереси, гордыни и тирании под христианскими именами, которые, подобно сменяющим друг друга чудовищам из бездны, объявили войну Агнцу и задержали мирное завершение его правления. Эти запутанные, неразрешимые сцены, которые нужно интерпретировать только для того, чтобы они были пережиты в результате печального, но постоянно проясняющегося опыта, как они могли быть заранее задуманы каким-либо смертным разумом? Как они могут в своем величии, своем ужасе, своем предельном драматическом единстве и вспышке света и хвалы быть иными, чем предсказания Того, кто, будучи выше иллюзий поверхностной борьбы и внезапной победы, терпит, чтобы все непостижимые силы зла раскрылись, чтобы в одном всеобъемлющем конфликте они могли быть побеждены и уничтожены?

III

Третья пророческая тема, на которую следует обратить внимание, - это влияние предсказания на историю и обстоятельства жизни евреев. Я буду говорить, во-первых, о пленении и рассеянии еврейского народа, а во-вторых, о новозаветных пророчествах о разрушении Иерусалима.

1. Начнем с того, что нет ни малейшего сомнения в том, что Иеремия, следуя за Михеем, жившим столетием раньше, предсказал разрушение и плен в халдейский период и добавил уведомление о возвращении через семьдесят лет. Это записано в Книге Иеремии 25: 9-11; и обстоятельства таковы, что, если будет отвергнуто исполнение этого пророчества, никакое событие в жизни пророков не может быть принято. Теперь эту проблему нельзя было предвидеть никакими естественными средствами. Возвращение ушедшего народа противоречило всем историческим аналогиям, как показал не только случай с десятью племенами, но и существующий обычай, на который недавние открытия пролили так много света, занимать такие завоеванные земли путем обмена народами, который обычно не приводил к последующему разрыву или беспорядкам. Теперь высказывание Иеремии было исполнено эдиктом Кира, 536 г. до н.э., факт, который не оспаривается; и все, что требуется, это предположить, что Иеремия, вместо того чтобы вести отсчет от последней осады и плена (588 г. до н.э.), ведет отсчет от первой (606 г. до н.э.), поскольку плен тогда действительно начался. Нежелательно придавать чрезмерное значение этому инциденту, каким бы замечательным он ни был, и его главный вес заключается в том, что он проясняет предвестия другого, более ужасного плена и рассеяния, из которого до сих пор не было возврата. Не приводя здесь евангельских высказываний, скажу, что одного только Ветхого Завета вполне достаточно, чтобы указать на нынешнее пленение и рассеяние еврейского народа. Ведущими отрывками являются Левит 26 и Второзаконие 28, и если их прочесть любому числу беспристрастных слушателей, которых затем следует спросить, применимы ли они лучше к Израилю в Вавилоне или к Израилю, рассеянному по всему миру, как это уже давно было, то они предложат только одно толкование. Во всей истории нет более пророческих слов, чем это: “Ты станешь удивлением, притчей во языцех среди всех народов, куда слово поведет тебя”. Dent. 28:37.

Чудо усиливается ощущением длительного терпения, которое вызывают эти оракулы, а также приверженностью их собственной религии, ибо, хотя предсказано, что они должны служить богам из дерева и камня, что в изобилии исполнилось в их вынужденном подчинении

идолопоклонству или суевериям, запрещенным их строгим ритуалом, очевидно, считается само собой разумеющимся, что они все еще будут народом, продолжающим свою старую профессию, и должны, наконец, через покаяние вернуться к благосклонности Бога своих отцов. Во всех писаниях пророков, по-видимому, предполагается более широкое и длительное рассеяние, чем это было осуществлено в Вавилоне, и более суровое испытание национальной жизнеспособности, и, таким образом, только обещание, подобное тому, что дано в Амосе 9: 9, приобретает значение: “Ибо вот, Я повелю и рассею дом Израилев среди всех народов, подобно тому, как зерно просеивают в решете, но ни малейшее зернышко не упадет на землю”.

Центробежная сила распространения по всему миру наряду с центростремительной силой национальной сплоченности не могла быть выражена более отчетливо. Это не бедствие национального упадка, не экспатриация и скитания на край света, не запреты и негодование, которые вполне могут заставить христиан покраснеть, даже когда они все еще вспыхивают в нашем веке; это даже не трагическая причина, как верят христиане, этого беспрецедентного бедствия, которое тяготеет как рок, еще не исчерпанный окончательно. Именно сила сопротивления, непобедимая реакция против всех сил перемен или разложения, упрямое отождествление себя со своими отцами с высот современной коммерции или справедливого равенства интеллектуальных и политических конфликтов, как и с депрессией прошлых дней, заставляет еврея по-прежнему уединяться, чтобы лелеять печальные воспоминания или еще не сбывшуюся надежду. Если бы евреи были обращены и Палестина была бы возвращена им, смогло бы неверие устоять на своем? Что бы сказали неверующие, если бы они были обращены так же легко, как франки или саксы, или если бы Палестина на долгие века была мирным пристанищем необращенного еврейского народа, для которого римское завоевание было не более чем изгнанием в Вавилон? Тогда мы бы достаточно наслушались аргументов из пророчества другой стороны и имели бы основания опасаться, чего у нас нет сейчас, за истину и успех Евангелия Христа.

2. Что касается второго главного пункта, касающегося евреев, - предполагаемых пророчеств Иисуса о разрушении Иерусалима, сохранившихся в первых трех Евангелиях, - то действительно следует откровенно признать, что критики всех школ, христианских и нехристианских, не разделяют единодушного мнения относительно существования этих Евангелий до 70 года н.э., когда был взят Иерусалим. Но мы имеем то, что можно назвать великой революцией в критике, происходящей со времен Штрауса, который не допускал, чтобы у нас были четкие доказательства существования кого-либо из синоптиков до середины второго века, вплоть до нашего времени, когда лидеры негативного мнения упоминают по крайней мере одно из Евангелий до еврейской катастрофы. Таким образом, Хильгенфельд упоминает Матфея в его предполагаемой еврейской форме, а Кейма - в греческой; в то время как Хиллиг до них сделал то же самое для Марка. Критик, столь полностью свободный от традиций, хотя и не отрицательный, как Бернхард Вайс, относит Марка к 69 году; тем не менее, легко увидеть, как трудно даже великим ученым, не верящим в сверхъестественное, согласиться с более ранней датой, поскольку настоящее пророчество сразу же становится очевидным. Поведение Штрауса здесь представляет собой одно из его примечательных колебаний. Хотя он и стремился поместить Евангелие от Матфея так поздно, в своих первых изданиях он вынужден допустить, что Иисус, возможно, произнес приписываемые ему слова, взятые из еврейской традиции, о каком-то разрушении храма, и, возможно, ему помогла книга Даниила 9: 26, 27. Он возражает против того, чтобы они были вложены в его уста после события, ибо тогда Матфей не добавил бы (24: 29), что говорящий объявил о своем “немедленном” пришествии на облаках: поскольку это

событие было сфальсифицировано. Поразмыслив, Штраус, похоже, решил, что даже это было меньшей трудностью, чем признать реальность высказывания, которое делало Иисуса и Даниила слишком похожими на пророков, а Матфея слишком похожим на раннего историка. Следовательно, в своей новой “Жизни Иисуса” он приходит к более грубой теории о том, что пророчество, столь точное и продуманное, является фактическим творением. Никакой другой схемы не остается, если только мы не согласимся с Ренаном в том, что Иисус, говоря о храмовых зданиях, “предвидел, что они будут недолговечными”, и в то же время что эти слова были “одолжены” ему евангелистами.

Но если мы должны вернуться к пророчеству после события, и пророчеству столь пространному, столь ужасному в своих деталях, столь поразительно совпадающему в своих самых ужасных чертах, как признает Штраус, с Иосифом Флавием и современной историей, то что мы должны думать о честности или уме евангелистов, которые смогли вложить все это в уста Христа? Маколей написал “Пророчество Каписа”, но он поместил его только в свои “Истории Древнего Рима”, а не в римскую историю; так что Евангелия тонут в лжи, если не в мошенничестве. Это противоречит всему свидетельству об их историческом характере, а также тому факту, что в самих рассматриваемых отрывках они выходят далеко за рамки падения Иерусалима, его длительного опустошения и попирания язычниками, о чем тогда не могло свидетельствовать само событие. Несомненно, Христос в другом месте ожидает более длительного пути для “побед и испытаний его Евангелия”, и в этих самых оракулах так называемые “времена язычников”, которые должны были “исполниться”, не могут быть ограничены одним поколением, и это поколение, которое (как в Мф. 16: 28; Луки 21: 35) наслаждалось его собственным присутствием.

III

Четвертая и последняя глава пророчества касается других народов мира. Простой предсказательный аспект этих многочисленных уведомлений - это не то, что рассматривается в первую очередь. Главный замысел состоит в том, чтобы показать, что язычники также поддаются нравственному правлению с его законами и возмездием, и что для них готовится место в Мессианском царстве, которое может достаться им только через падение гордыни и отказ от идолопоклонства. Отобраны лишь некоторые образцы предсказаний из этой обширной области. Если пророчество здесь не оправдало ожиданий, то это самая блестящая неудача за всю историю.

Начнем с замечания об Измаиле в Быт. 16: 12: “И он будет дикарем в буквальном смысле, человеком, подобным дикому ослу пустыни, рука его будет против каждого человека, и рука каждого человека против него; и он будет жить в присутствии всех братьев своих”. По сей день не может быть более полной картины дикой свободы и непокорной, неукротимой независимости арабского народа. Также не будет отрицаться их происхождение от сына Авраама, что является их собственной заветной верой, независимо от того, какая другая и родственная кровь, и даже чужая, могла смешаться с их собственной, чтобы сформировать “великий народ”, предсказанный в Быт. 17: 20, и который таким образом сформировал историю мира. То, что этот народ, написавший свое имя, хотя и в поддельной копии, рядом с иудаизмом и христианством, основанными на мировой монотеистической вере, имеет такое упоминание и прообраз в истории Авраама, по меньшей мере странно; и хотя предсказания великих нехристианских писателей относительно мусульманства сейчас фальсифицируются, черты

арабской расы, которые обрамляли его и даже оставили на нем следы своей слабости, стоят в Библии так же четко, как и прежде.

Переход из Измаила в Египет, связанный через Агарь с Аравией и сам по себе появляющийся в самом начале Ветхого Завета, не является большим переходом. Очень немного из того, что Исайя, Иеремия или Иезекииль говорили о Египте, подвергалось сомнению, хотя это объяснялось политической проницательностью, моральным предчувствием, основанным на опыте, или там, где они не поддавались перестройке после события. Неожидаемые результаты ассирийских исследований, даже в большей степени, чем египетских, подтвердили точность пророческих записей. Проницательность рационалиста Гезениуса, хотя он и был им, удержала его от оспаривания завоевания Ашдода Саргоном, Ис. 20, хотя этот монарх никогда не появляется за пределами Библии; и теперь восстановлена полная надпись, включающая также связь с Египтом. Точно так же завоевание Но (Фив) в книге Наума 3: 8-10 подтверждено во всех пунктах, и всем затруднениям, которые привели к тому, что это было расценено как интерполяция, пришел конец. Эти подтверждения также подтверждают исполнение Иезекииля. 29: 8-12 относительно опустошения Египта Навуходоносором на сорок лет. Хотя у нас пока нет упоминания об этом, унижения Египта Ассирией в двух предыдущих случаях, произошедшие гораздо раньше, устраняют эту трудность и заставляют нас оценить по достоинству замечание мистера Ф. У. Ньюмена: “К счастью, хватка халдея была более ограниченной, чем человеческое воображение”.

Именно в той же главе Книги Пророка Иезекииля то, что здесь называется его “человеческим воображением”, позволило Иезекиилю нарисовать столь удивительную картину упадка Египта, которая, несмотря на преходящее величие Птолемеев, остается столь верной и по сей день: “Это будет самое низкое из царств; и оно не возвысится более над народами; ибо Я умалю их, так что они больше не будут править народом”. Ezek. 29:15. В связи с Птолемеями у нас есть серия книг Даниила и, посвященная их отношениям как царей Юга с сирийскими монархами как царями Севера, которые Порфирий, величайший противник христианства в третьем веке, счел настолько точными, что он мог объяснить это только так, как написано после события.

Даже у Осии есть упоминания об ассирийском пленении, Осия 10:6; 11:5; и великие пророчества Исайи об освобождении Иерусалима в его дни получили, как все признают, замечательное исполнение. Даже Сеннахирим на цилиндре Тейлора не утверждает, что взял Иерусалим; и мы можем прочесть между строк о его собственном поражении. Окончательное падение Ниневии чудесно предсказано Нахумом, где он сравнивает его со взятием Фив, указывая на действие огня, которое так иллюстрируют все останки Ниневии.

Еще более отчетливым в отношении окончательного опустошения является Зеф. 2: 15: “Это ликующий город, который жил беспечно, который говорил в сердце своем: “Я есмь, и нет никого, кроме меня”; как же он превратился в запустение, в место, где ложатся звери, и каждый, проходящий мимо него, будет шипеть и махать рукой”. Мрачное одиночество курганов, из которых были выкопаны такие драгоценные сокровища, не могло быть выражено более ужасно. Однако эти слова Наума были написаны около 660 г. до н.э., когда правление Ашшурбанипала было в зените; а слова Софонии, которого обычно относят примерно на тридцать лет позже, никак не могут быть связаны с каким-либо длительным свержением.

Из упоминаний Вавилона у пророков необходимо выбрать только те, которые имеют отношение к его падению и разорению. Даже Гезениус допускает здесь естественный смысл, но поскольку

он честно признает, что не может поверить в Исайю, написавшего это более полутора столетий назад, и, таким образом, заперт на втором Исайе, это не дает решения; ибо как мог этот Исайя, даже если он жил в Вавилоне, заранее знать, что город должен был пасть или каким должен был быть способ его захвата? Еще меньше он мог знать, что Кир должен был восстановить иерусалимский храм. Таким образом, мы возвращаемся к нашему универсальному средству - пророчеству после события, и все же, как это может помочь нам в отношении опустошения Вавилона, продолжающегося по сей день? Гезениус отказывается здесь, как обычно, от более крайних рационалистических следствий вымышленного пророчества, удовлетворяясь предзнаменованиями на горизонте; но какой горизонт в шестом веке до Рождества Христова мог предполагать это и не должен ли существовать третий Исайя (почти как "странствующий еврей", который, возможно, получит отцовство много веков спустя)? Мистер Ньюман признает, что это одно из серии пророчеств против Вавилона, которые получили либо наиболее точное, либо очень правдоподобное исполнение. Однако он пытается ослабить аргумент, говоря, что абсурдно представлять пустоту современного Вавилона как наказание за гордыню Навуходоносора ". Это, однако, новый стиль богословия, если только мы не считаем, что всякий грех наказывается только теми, кто его совершает; ибо если следующее поколение может пострадать от Навуходоносора или Наполеона, то почему не от более отдаленного и исчерпывается ли когда-нибудь грех?

Еще одна серия монументальных пророчеств против гордыни, роскоши и нечестия - это грандиозная серия пророчеств против Тира, начатая в книге Исайи и завершившаяся в книге Иезекииля. Предсказание в Книге пророка Иезекииля 26 о том, что Тир должен стать "местом для раскидывания сетей", как свидетельствуют путешественники, исполнилось буквально. Ни в одном крупном торговом центре никогда не было такой элегии, и ее отголосок сохранился в одной из самых возвышенных глав Апокалипсиса. В качестве примера пророчеств, о которых говорят, что они не оправдались, можно упомянуть Дамаск, о котором сказано в Ис. 17:1: "Он перестанет быть городом и превратится в груды развалин". Но это объясняется временным запустением, подобным тому, которое на самом деле было нанесено "Тиглат Пиласаром сирийской столице". Мы бы знали, что думать, если бы пророчество наложило все свои проклятия на такие непрерывно процветающие по сей день города, как Дамаск, или если бы Ниневия, Вавилон и Тир, несмотря на это, все еще оставались центрами мирового величия. Но эти стрелы летят не наугад. В отличие от гомеровских стрел, которые не вызваны простым гневом, их лязг ужасен, и они оставляют свой след в упадке и руинах.

Завершая этот трактат, теперь можно предложить один или два вывода, вытекающих из рассмотрения этого свидетельства во всех его частях.

1. Этим предполагаемым пророчествам нужны характеристики, присущие людям. Они не соперничают и не связаны с обычными человеческими интересами. Это не просто предсказания, призванные позабавить, поразить или удовлетворить любопытных, заглядывающих в будущее. Они не дельфийские и не нарочито двусмысленные; ибо, что бы в них ни было неясного, они

несут на себе печать искренности, и многие из них ободряюще, в то время как другие настораживающе прямолинейны. Они не связаны с какой-либо кастой, преследующей классовые интересы; ибо, хотя пророки представляют собой группу и преемственность, их

единство заключается главным образом в страдании; и хотя их оракулы пробуждаются к светлым надеждам, они призывают к суровым обязанностям.

2. Обычные объяснения неадекватны. Таково “Пророчество после события”. Оно дискредитировано лучшими рационалистами. Этот поступок или привычка унижают достоинство людей, на которых все еще смотрят как на нравственных наставников мира. Ничего подобного не потерпели бы ни журналист, ни историк, ни учитель этики нового времени, и только поэт с пониманием своей вольности. И “совпадение”, чистое и простое, не является адекватной причиной. Было замечено, что это происходит так часто, так поразительно, так похоже на замысел, что применим аргумент замысла; и замысел здесь предполагает знание больше, чем у смертных. И, опять же, недостаточно “мудрого прогноза морального порядка”. Это самое респектабельное решение, если не считать вдохновения. Но оно совершенно несостоятельно. Какие размышления о моральном порядке могли привести к таким пророческим результатам? Как мог Авраам таким образом знать, что его призыв благословит все народы, или Давид, что от него произойдет Мессия, или пророки, что отдельные царства и города должны быть разрушены, или Христос, что его религия потерпит неудачу у евреев и преуспеет у язычников? Доказательства должны приниматься во внимание в деталях; и когда становится видно, как часто возвращается чувство недостаточности, это признак радикально слабого и неудачного решения.

3. Христианский взгляд на пророчество учитывает не только отдельные факты, но и все Пророчество в целом, является систематическим, прогрессивным и всеобъемлющим. Теория откровения об искуплении объясняет эти особенности. Таким образом, Христос является центром, и, следовательно, в нем все взаимосвязано; и в то же время мессианская часть откровения является самой большой, самой важной, наиболее подобной сердцевине в экономике целого. Это также объясняет прогресс, который мы наблюдали, прогресс во всех направлениях и по всем вопросам, но все это обусловлено приближением Христа и полнотой раскрытия его личности, работы и ее последствий. И это объясняет всеобъемлющий характер предсказаний. Будущее язычников должно представать в свете еврейского прошлого и быть обязанным ему. Еврейское неверие должно служить препятствием для языческой веры и, в конце концов, быть примирено с ней и едино с ней. Царства мира должны пройти через свои кризисы испытаний и осуждения, чтобы подготовить мир в целом к приходу Небесного Царя. Таким образом, с пророчеством есть Искупитель, а с Ним философия истории, ведущая ввысь; без пророчества нет искупления, но закон и грех скреплены им, и любые полосы во тьме подобны пророческому проблеску, вызванному не восходящим шаром, а метеорическим, рожденным хаосом или ночью. Не должен ли христианин тогда прислушаться к этому “верному слову”, которое засвидетельствовано, поскольку оно создано, силой, стоящей над природой, именно там, где оно должно быть, и не может ли он надеяться, молясь, что и для других этот день может рассветать и эта дневная звезда взойдет?

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ РЕЛИГИИ : ИССЛЕДОВАНИЕ И АРГУМЕНТ

Автор:

Юстас Р. Кондер, доктор медицинских наук

АРГУМЕНТ ТРАКТАТА

Какое рациональное объяснение можно дать религии Древнего Израиля? Характерные черты религии ветхозаветных Писаний: 1. Союз религии с историей. 2. Органическое единство. 3. Разработка. Критические возражения. Доказательства против подлинности книг - отрицательные; в пользу - положительные.

I. Библия начинается не с догмы, а с ИСТОРИИ. Однако вся ее цель религиозная: история не человеческих дел со сверхъестественными эпизодами, а отношений Бога с человечеством. Особенность истории: анналы одной семейной линии от Адама до Христа. Различайте "существенную истину" и непогрешимость или вдохновение. Литературные достоинства Книги Бытия. Взгляд на человеческую жизнь. Вера, молитва, провидение. Уникальный характер еврейской национальной жизни. Контраст между Книгой Бытия и последующими книгами Моисея, 1. ЧУДЕСА. Происхождение религии. Взгляд профессора Макса Мюллера. Современное отвращение к чудесам. Отсюда отрицание Моисеева авторства Пятикнижия. Наука и чудо. Еще одна форма возражения. Адекватная цель чудес, записанных Моисеем. 2. РЕЛИГИОЗНЫЙ ЦЕРЕМОНИАЛ, включающий (а) Святилище; (б) Жертвоприношение; (в) Священство. (а) Скиния; символ "Божественного присутствия", (б) Священство; контраст с египетским, (с) Жертвоприношения. Ошибочное утверждение Эвальда. Контраст с языческими обрядами. Взаимная связь религии и истории. Огромная невероятность, заключенная в гипотезах современной деструктивной критики.

II. ЕДИНСТВО и РАЗВИТИЕ. Природа единства, обнаруживаемая в Библии. Должна иметь адекватную причину. Фундаментальная религиозная идея: Бытие и характер Бога. Творение. Человек в моральном отношении к своему Создателю. Божественная власть и милосердие. Контраст с языческой литературой. Божественные атрибуты "ПРАВЕДНОСТИ" и "СВЯТОСТИ". Перенесение этой последней идеи на Бога. Еврейская идея святости не церемониальная, а моральная. Еврейский взгляд на ГРЕХ. Человеческий интерес к Священным Писаниям Ветхого Завета; все же пронизан основополагающей мыслью о грехе человека и его греховности. Еврейские термины. Концепция греха моральная, а не церемониальная. Центральная идея, которая придает единство религиозному учению Ветхого Завета. Чистота. Нежность. Нет необходимости обсуждать точку зрения, которая ставит иврит в один ряд с языческими религиями, поскольку все наше исследование опровергает это. Наука обязана изучать столь многочисленные и значительные явления и давать им отчет. Абсурдность гипотезы о том, что национальный гений евреев породил их национальную религию. Решающее испытание. УНИВЕРСАЛЬНАЯ РЕЛИГИЯ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ РЕЛИГИИ

ЗАПРОС И АРГУМЕНТ

Какое рациональное объяснение, удовлетворительное для вдумчивого и искреннего ума, может быть дано религии древнего Израиля в том виде, в каком она представлена в Священных Писаниях ветхого Завета? Объясняются ли его существование и характер теми же причинами, которые породили другие древние религии мира? Здесь мы можем оставить вне поля зрения вопрос о том, действительно ли эти религии возникли просто в результате работы человеческого разума или имели общий корень в первобытном откровении. Давайте примем их такими, какими мы находим их в самых древних записях. Было бы рациональной теорией религии древнего Израиля сказать, что первоначально она напоминала религии Ассирии и Египта, Финикии и Греции, но что эти религии каким-то образом были остановлены в своем

развитии, тогда как религия Израиля путем постепенного развития достигла той формы и силы, которые ставят ее в такой суровый, но великолепный контраст с другими религиями человечества? Если да, то в чем заключался секрет этой уникальной разработки? Как случилось, что маленькая и презируемая нация, лишенная философии и искусства, чья литература, за исключением священных книг, не оставила никакого следа человеческой мысли, чья история была серией неудач, кульминацией которых стало самое грандиозное переворот, когда-либо сокрушавшее и разобщавшее народ, преуспела там, где потерпели неудачу Индия, Китай, Египет, Греция, Рим? Как получилось, что Иудея породила христианство, которое претендует на то, чтобы быть просто совершенным цветком и спелым плодом иудаизма, единственную религию, которая имеет как амбиции, так и перспективу завоевания мира и обеспечивает высшие узы единства для человеческой расы?

Эти вопросы требуют внимания как вдумчивого скептика, так и верующего христианина. Он не может позволить себе легкомысленно отмахнуться от них, потому что сомнение перестает быть честным сомнением, если оно пренебрегает доказательствами. Единственный скептик, заслуживающий уважения или сочувствия, - это тот, чьи "открытые глаза жаждут истины".

Какого бы взгляда мы ни придерживались на происхождение или учение ветхозаветных Писаний, мы должны признать, что они занимают уникальное место в литературе. Перевод на английский выдающимися учеными "Священных книг Востока" позволяет английскому читателю сравнивать еврейские Писания со всеми другими священными писаниями по их структуре и содержанию, а также по их влиянию на человеческую мысль и историю.

Можно назвать три характерные черты, заслуживающие особого рассмотрения: способ, которым еврейские Писания связывают религию с историей; их органическое единство, доктринальное и историческое; и их прогрессивное развитие за счет религиозного учения.

"Что вы имеете в виду, " могут спросить, - говоря о единстве и развитии в Священных Писаниях Ветхого Завета?" Вы хотите предположить подлинность нескольких книг и то, что установленные даты соответствуют реальному порядку, в котором они были выпущены? Это те самые пункты, по которым, как утверждает самая передовая современная критика, она вынесла свой приговор и опровергла веру веков". Конечно. Но современной критике не пристало, отрицая непогрешимость Библии, заявлять о непогрешимости своих собственных выводов. Их тоже следует критиковать. Несомненно, в иврите, как и в других древних языках, есть моменты, требующие тщательного изучения, где суждение эксперта заслуживает очень большого уважения. Тем не менее, даже здесь, когда суть такова, что может быть понятна английскому читателю, здравый смысл может потребовать голосования. Но такие важные вопросы, как то, действительно ли Пятикнижие было написано Моисеем или представляет собой совокупность подделок и фрагментов, составленных через тысячу лет после его смерти, не требуют таких изощренных тонкостей. Они должны быть взвешены на более крупных весах, чем те, на которых критики взвешивают гласные и различные показания. Они основаны на широких и основательных соображениях, относительно которых каждый вдумчивый и образованный английский читатель может составить компетентное суждение.

Рассказ, который дают о себе эти древние документы, во всяком случае, предполагает презумпцию в их пользу до тех пор, пока не будут представлены доказательства, доказывающие их недостоверность или подложность. Положительных улик против них нет и по сути дела не может быть, если только не будет обнаружена конкурирующая история равной или большей

древности. Все аргументы против их достоверности и древности носят косвенный характер возражений. С другой стороны, свидетельства в пользу незапамятной традиции еврейского народа относительно их авторства являются положительными и имеют огромную ценность, заключающуюся в структуре и содержании самих книг. Добавьте к этому невозможность дать о них сколько-нибудь удовлетворительный отчет, если они являются подделками.

Искренний скептик может сказать, что, справедливо взвесив как доказательства, так и возражения, последние кажутся ему преобладающими. Но он не должен относиться к доказательствам как к несуществующим. И это твердое правило как здравого смысла, так и критики: когда положительные доказательства убедительны, даже неразрешимые трудности не могут их опровергнуть.

Следует иметь в виду еще два соображения. Во-первых, если предположить, что книги Ветхого Завета подлинные, любое нарушение их реального исторического порядка, такое как предположение, что части Пятикнижия были написаны Иезекиилем или Ездрой, должно полностью запутать и замаскировать их религиозное учение. Во-вторых, если эти книги, взятые в их традиционном порядке, демонстрируют единство и прогресс, которые исчезают при любом другом расположении, будет представлен мощный аргумент в пользу того, что традиционный порядок и есть истинный порядок. Если части модели, подогнанные в одном порядке, образуют симметричное здание, а при любом другом расположении - бесформенную кучу, ни один здравомыслящий человек не усомнится, какая из них отражает замысел, с которым они были созданы. Руководствуясь этими простыми принципами, давайте рассмотрим указанные выше характеристики еврейских Священных Писаний, а именно: **ЖИЗНЕННО ВАЖНУЮ СВЯЗЬ**, которую они представляют между РЕЛИГИЕЙ И ИСТОРИЕЙ; единство мысли, чувства и практической цели, лежащее в основе их большого разнообразия форм, и **ПРОГРЕССИВНОЕ РАЗВИТИЕ** религиозной доктрины, которое они демонстрируют, не окончательное, но указывающее вперед к более полному раскрытию.

Я

Библия начинается не с догмы, а с истории. В нем ничего не говорится о существе и атрибутах Бога, но показан Творец за работой: “В начале Бог сотворил небо и землю”. В нем ничего не говорится о религии, но показаны предки человечества, созданные по образу Божьему и с самого начала поставленные в нравственные отношения послушания и ответственности перед своим Создателем. Таков его метод во всем. Она не дает нам никакого религиозного учения, кроме конкретных людей, мест и событий. Даже закон Десяти заповедей, наиболее совершенное изложение морального и религиозного долга, существовавшее до христианства, записан как исторический факт, произнесенный божественным Голосом собравшемуся народу Израиля, а впоследствии выгравированный на каменных скрижалях “перстом Божьим”. И все же невозможно вдумчиво изучать эти писания, не понимая, что вся их цель и значение религиозны. История, которую они рассказывают, - это неистория человеческих дел с примесью сверхъестественного, а история взаимоотношений Бога с людьми. Даже те болезненные эпизоды, которые историк, заботящийся о чести своей расы, с радостью опустил бы, с этой точки зрения имеют свое место и значение.

Еще одной особенностью ранней части этих записей является то, что они имеют форму семейных анналов. В книге Бытия 4 приводится фрагмент, прослеживающий линию первородства на протяжении шести поколений. Но в гл. 5 новое начало обозначено названием

“книга поколений Адама”; и линия прослеживается от Сифа к Ною. В гл. 10 у нас есть “поколения сыновей Ноя”, генеалогическое древо народов. В главе ii “поколения (или генеалогическая запись) Сима” прослеживают линию до Авраама. Часто ошибочно предполагалось, что это список старших сыновей. Сам Авраам, как и Сим, был младшим сыном. Линия Авраама разделяется на сыновей-близнецов Исаака; но только после смерти Исаака семейные записи начинают новую жизнь, глава ii. 36 приводятся “поколения Исава, который есть Эдом”, и глава. 37 знакомит с историей Иосифа словами: “Это поколения Иакова”. После этого перерыва больше нет. Семья Иакова постепенно развилась в двенадцать колен, которые составили нацию “Бней Исраэль”, детей Израиля. Что делает этот генеалогический характер ветхозаветной истории тем более примечательным, так это то, что в Священных Писаниях Нового Завета он берется за отправную точку христианства. В первом и третьем Евангелиях линия Авраама, Израиля, Иуды, Давида прослеживается до Того, кого святой Павел называет вторым Адамом. “На нем летопись прекращается, чтобы больше никогда не интересоваться человечеством.

Вдоль этой единственной линии человеческой жизни, претендующей на связь жизни первого человека со временами Римской империи, Еврейские Писания, за которыми следуют христианские Писания, представляют собой столь же непрерывную цепь божественных проявлений и божественных дел, которые продолжались, принимая на протяжении примерно пятнадцати столетий национальную форму, но от начала до конца предназначенную для блага всех наций человечества.

Ничего подобного этому нельзя обнаружить во всей области человеческой литературы или, кроме того, в религии хатарских людей. У этого должен быть смысл и объяснение. И чем глубже это изучается, тем, я полагаю, труднее будет изобрести какое-либо объяснение, отличное от реальности божественного проявления и существенной правды истории. Если Моисей был автором Книги Бытия, мы можем хорошо понять, как он мог собрать и упорядочить священные традиции своих предков вместе с теми, которые, возможно, сохранились в семье “мадиамских священников”, среди которых он провел сорок лет своей долгой жизни. Но если отрицать авторство Моисея и предположить, что Пятикнижие было позднейшей компиляцией, сделанной разными руками, то его форма, стиль, содержание и религиозное учение представляют собой неразрешимую проблему.

Я говорил о “существенной истине истории”, потому что мы не должны здесь предполагать какую-либо теорию вдохновения или непогрешимости. Вполне возможно поверить, что Моисей написал Пятикнижие, и написал совершенно добросовестно, и все же предположить, что у него не было средств отличить исторический факт от легендарного вымысла в анналах его предков. Можно утверждать, что он написал то, что считал правдой; но критика должна применяться для проверки истинности его повествования. Возьмем, к примеру, рассказ о сотворении мира. Некоторым читателям употребление слова “день” кажется настолько несовместимым с фактами геологии, что безнадежно исключает представление о божественном вдохновении. Для других, напротив, не менее вдумчивых и компетентных, общее соответствие этих удивительно кратких записей истории жизни, высеченной в скалах, является не чем иным, как чудом знания, совершенно недоступным для человеческого разума без посторонней помощи в ту далекую эпоху или, более того, в любую эпоху, предшествующую нашей.

Опять же, длительный срок жизни, приписываемый допотопным патриархам и их потомкам вплоть до Авраама и даже позже, кажется некоторым критикам самоочевидно невероятным. Другим нынешняя краткость человеческой жизни и быстрое увядание органов тела кажутся непонятными; и им кажется вполне вероятным, что ранние поколения человечества, находившиеся ближе к источнику жизни, обладали гораздо большей долей жизненной силы, включая способность, которой они больше не обладали для обновления тканей и органов в течение многих столетий.

С большим мастерством и несомненной искренностью даже поддерживалось парадоксальное мнение, что ранние повествования Книги Бытия являются мифическими легендами, но, тем не менее, богодухновенны. Тем, кто с безоговорочной верой склоняется перед учением нашего Господа и его апостолов, свидетельство Нового Завета об исторической правдивости этих повествований кажется достаточным и решающим. Но к какому бы суждению ни пришел читатель по этим и подобным пунктам, или даже если он придерживает свое суждение в подвешенном состоянии, религиозное учение Книги Бытия - общий взгляд на божественное явление человеку и отношения к нему - остается неизменным и требует рассмотрения и объяснения.

Удивительная простота и лаконичность книги Бытия, вероятно, скрывают от множества читателей ее исключительные литературные достоинства. История Иосифа, пожалуй, является лучшим примером повествования в литературе, в то время как речь Иуды - непревзойденный образец природного красноречия. История миссии слуги Авраама в Месопотамии столь же совершенна в своем роде; но ее полнота деталей и масштаб повествования не имеют аналогов в Священном Писании. Если бы библейские повествования в целом были даны с такой же степенью детализации, объем Священных Писаний был бы увеличен во много раз.

Особенность ветхозаветной религии, которую мы рассматривали, присуща не только Книге Бытия или Пятикнижию. Она пронизывает все еврейские Писания. Дело не в том, что история стала средством религиозного обучения. Это был бы самый узкий и ошибочный взгляд на этот вопрос. Дело в том, что религия показана как душа истории, высшая реальность и центральная сила в человеческих делах, глубочайшая основа человеческой жизни. Но хотя этот лейтмотив громко и ясно звучит по всей Библии, в Книге Бытия он поражает непревзойденной смелостью и правдивостью. Бог показан как высший источник всего сущего, с самого начала подготавливающий землю к тому, чтобы она стала домом для человека. Само существование человека связано с Божьим замыслом реализовать свое подобие в человеческой природе. Человек показан знающим Бога, как только он начал познавать себя и окружающий мир. Основы брака, собственности, труда, морального долга и ответственности заложены в открытой воле Бога и сознательном отношении человека к своему Создателю. Моральное зло, или грех, представлено как умышленное неповиновение известной воле Бога. Показано, что склонность ко злу является как наследственной, так и личной и изобилует семенами роста. Человеческая жизнь рассматривается как единое целое, а Бог рассматривается как Правитель и Судья человечества, а также как личный Друг и Спаситель каждого, кто боится его и доверяет ему. ВЕРА, как главная пружина и надежный якорь религиозной жизни; МОЛИТВА, как прямое личное общение с невидимым Отцом духов, и как то, что он действительно слышит и отвечает на него, и БОЖЕСТВЕННОЕ ПРОВИДЕНИЕ, как регулирующее все человеческие дела, от величайших до наименьших, настолько хорошо представлены в этих древних еврейских летописях, что истории об Аврааме, Иакове, Иосифе обладают непреходящим очарованием для

христианских умов высочайшей духовной культуры. Они типичны для всех времен. Ни один пример after ages не смог отбросить их в тень.

“Пятикнижие” названо так потому, что с незапамятных времен, возможно, самим автором, оно было разделено на пять разделов, или “книг”. Но разрыва непрерывности нет. Повествование вкратце охватывает столетия, сначала мирного процветания, затем горьких невзгод, в течение которых потомки Израиля “умножались обильно и преумножались, и сделались весьма могущественными”. Он спешит рассказать историю освобождения из рабства и создания организованной нации из двенадцати кланов, которые считали Джозефа и его братьев своими предками. Но эта история связана с историей Иосифа благодаря его замечательной просьбе относительно его забальзамированных останков; мы уверены, что этой просьбе благоговейно подчинились при уходе Израиля из Египта и, наконец, исполнили в Земле Обетованной, Исход 13: 19; Иосиф. 24:32.

С повествованием об Исходе, сорока годах в пустыне и завоевании Ханаана переплетается летопись Национального кодекса и Конституции, политической, религиозной, моральной и социальной. Историческая реальность божественного явления Аврааму, Исааку и Израилю принимается в качестве необходимой отправной точки в отношениях Бога с их потомками. Его обещание Аврааму трактуется как “завет”, божественная верность которому нерушима. Но новая отправная точка дается сразу после освобождения новым “заветом”, дарованным Иеговой и свободно принятым народом. “Моисей вззошел к Богу, и Господь воззвал к нему с горы, говоря: так скажи дому Иакова и скажи детям Израиля: ‘Вы видели, что Я сделал с египтянами, и как я носил вас на орлиных крыльях и привел вас к себе. Итак, ныне, если вы действительно слушаетесь голоса Моего и соблюдете завет Мой, тогда вы будете для меня особенным сокровищем превыше всех народов, ибо вся земля принадлежит мне; и вы будете для меня царством священников и святым народом’. И пришел Моисей, и призвал старейшин народа, и изложил перед их лицами все эти слова, которые повелел ему Господь. И отвечал весь народ хором и сказал: ‘Все, что сказал Господь, мы исполним’. И возвратил Моисей слова народа Господу”. Исход 19:3-8.

Подобные записи не имеют аналогов ни в реальности, ни в вымысле. Многие законодатели заявляли о божественном авторитете. Многие священные книги считались богодухновенными. Многие народы считали себя покровительствуемыми национальным божеством и любимцами небес. Но это описание основания нации и закладки основы национального законодательства торжественным договором о суверенитете и послушании между Всемогущим Создателем и представителями всей нации абсолютно уникально по своему трезвому величию, суровой буквальной реальности и моральному величию.

На основании, заложенном таким образом, покоилась вся ткань законодательства и рамки национальной жизни, согласно книгам Моисея. Вся последующая история исходит из этой отправной точки. Религия личной веры, молитвы и послушания, описанная в Книге Бытия, никогда не упускается из виду; но она затмевается религией национальной веры, общественного богослужения и послушания закону, обязательному для нации. Десять заповедей и последующие законы, данные Моисеем, выражены в такой форме, что слово “ты” может в равной степени применяться как к отдельному израильтянину, так и к нации. Божественное провидение и правление проиллюстрированы в соответствующем масштабе. Странствия Авраама, Исаака и Иакова, а также страдания и слава Иосифа иллюстрируют Божью

заботу и контроль над личной историей вплоть до мельчайших деталей. Египет, Красное море, Синай, пустыня, манна небесная, вода из скалы, столп облачный и огненный преподают подобный урок в отношении национальной истории, в масштабе, равного которому никогда не будет, и который никогда не повторится.

Таким образом, религиозное учение остальных четырех книг Моисея резко контрастирует с учением книги Бытия, особенно в двух их наиболее поразительных чертах: колоссальной серии чудес и сложном религиозном церемониале с участием наследственного священства.

1. В Книге Бытия описаны два беспрецедентных чуда: всемирный потоп и разрушение Содома и соседних с ним городов. За исключением этих, чудеса не занимают видного места, разве что в форме тех божественных сообщений посредством голосов, видений, ангельских видений и тому подобного, которые были необходимы в отсутствие какого-либо письменного откровения, если человек хотел беседовать со своим Создателем и узнать его волю.

Происхождение не просто еврейской религии, но и самой религии как выдающегося факта человеческой природы и истории обсуждалось как загадка, но требующая решения. Библейский рассказ о происхождении религии гласит, что человек начал свое путешествие по этому земному шару не как покинутый сирота, брошенный на произвол судьбы, чтобы искать Бога из всех сил, но в общении с Отцом духов. Бог говорил с ним, и он мог говорить с Богом. Бог указал ему путь долга, и от него зависел выбор - идти по нему или сойти с него. Если люди перестали знать Бога, то это было из-за их собственного пренебрежения и греха; потому что, как говорит святой Павел, "они отказались иметь Бога".. Бога в их познании". Рим. 1:28, Р. V.

С этим взглядом на первобытное откровение решительно борются даже те авторы, которые считают религию естественной и необходимой для человека. Профессор Макс Миллер в своих чрезвычайно умелых и увлекательных "Лекциях о происхождении религии и науке о ней" даже с презрением отзывается о вере в то, что религия возникла из божественного откровения. Это, по его мнению, абсурд. "Когда человек однажды достигает стадии мышления, когда он может назвать Богом все, что угодно, будь то одно или многие, он достиг более половины своего пути. Он нашел предикат "Бог", и отныне ему приходится искать только те предметы, к которым этот предикат действительно применим. Что мы хотим знать, так это то, как человек впервые пришел к концепции божественного и из каких элементов он сформировал ее; только после этого возникает вопрос, как он смог приписать божественное тому или иному, единому или многим.

По принципу паритета рассуждений для ребенка должно быть невозможно узнать свою мать, пока он не "найдет предикат" или не сформулирует понятие "мать". Только после этого должен возникнуть вопрос, к кому применим этот предикат и много ли у него матерей или только одна. Факт, как всем известно, заключается в обратном. Предикат подразумевает язык. Понятие подразумевает способность абстрагироваться и обобщать; это обобщенное суждение, группа или серия суждений, применимых в силу общего названия к нескольким объектам. Никто, кроме матери, в полной мере не знает всего, что означает предикат или понятие "мать". Но задолго до того, как ребенок на руках сможет совершать какие-либо интеллектуальные подвиги, такие как абстрагирование и обобщение, не только до того, как он научится говорить, но и до того, как он заподозрит, что существует такая вещь, как речь, он прекрасно осознает присутствие и любовь своей матери. Чувство пробуждается, в то время как разум еще дремлет, и открывает дверь к знанию. Слепорожденный младенец, для которого невидимым присутствием является его мать, приобретает те же эмоции, ту же уверенность через ощущения

слуха и осязания. Зарождающийся разум инстинктивно проникает за завесу ощущений в мир духа.

Точно таким же, согласно повествованию в Книге Бытия, был метод, с помощью которого вечный Отец духов открывал себя своему новорожденному отпрыску. Мы не имеем ни права, ни запрета каким-либо прямым заявлением предполагать какое-либо видимое проявление божественной славы по отношению к нашим прародителям. Они услышали голос Господа Бога. Они ощущали ужасное, повелевающее, но любящее и защищающее присутствие. Они разговаривали со своим Создателем. Мысль и речь представлены как уже призванные к упражнению в именовании низших созданий, еще до того, как человек нашел "помощника, отвечающего за него", духа-спутника, родственного ему самому. Разумно думать, что поток интеллектуальной, нравственной и духовной жизни, так же как и физической, сильно струился так близко к истоку. Задача овладения языком, на которую в некоторых случаях уходит два-три года или более младенчества, могла быть сведена к нескольким неделям, дням или часам. Наши родители уже могли понимать язык приказов, обещаний и предупреждений, когда они были поставлены под действие закона и их благополучие зависело от их послушания.

По сравнению с недавними гипотезами о медленном и болезненном восхождении человека от иррационального, безмолвного, беззаконного, безбожного обезьяноподобия, библейский рассказ, во всяком случае, обладает преимуществом достоинства, красоты, доходчивости и аналогии с известными фактами человеческого опыта.

Два потрясающих чуда разрушения, которые неоднократно упоминаются в Новом Завете как типичные примеры божественного суда над грехом, - всемирный потоп и разрушение городов на равнине - представляют ужасный и яркий контраст с общим содержанием повествования в книге Бытия. За исключением этих чудес освобождения из Египта и из пустыни, они столь же беспрецедентны по своему колоссальному величию, сколь и уникальны по своему характеру. Современная критика находит в этих чудесах неоспоримое доказательство того, что она называет "неисторическим" характером повествования. Отвращение к чудесам - заметная черта нашего века, хотя ни в коем случае не присущая ему. Так называемый научный аргумент против чудес, по сути, изобретен Дэвидом Юмом в прошлом веке. Лишенный остроумной риторики, он сводится к следующему: чудеса невероятны, потому что они невозможны; они невозможны, потому что никто никогда не знал, что они случаются; и доказательством того, что о них никогда не было известно, является то, что они невероятны и невозможны. Следовательно, любой опыт, подтверждающий, что они действительно были засвидетельствованы, должен быть ложным. Этот едва сформулированный аргумент плохо демонстрирует ни науку, ни логику.

Следовательно, скептик вынужден утверждать, что Пятикнижие не было написано Моисеем. Потому что, отбросив в сторону не только вдохновение, но даже честность, если бы великий законодатель просто обладал обычным здравым смыслом, невероятно, чтобы он основывал все свое законодательство на воображаемых чудесах и призывал всю нацию засвидетельствовать правдивость рассказов, которые каждый мужчина, женщина и ребенок считали баснями. Если тогда Моисей действительно написал Пятикнижие, то чудеса, описанные в Исходе и Второзаконии, должны были действительно иметь место. Это факты, которые наука обязана принимать во внимание в такой же степени, как и любые другие факты человеческого опыта.

То, что интенсивная научная культура порождает во многих умах склонность к скептицизму по отношению к чудесам или даже к скептицизму более широкого спектра, не является ни пятном на науке, ни аргументом в пользу неверия. Это просто пример слабости человеческого интеллекта. Всепоглощающая преданность какой-либо отрасли науки всегда сопряжена с опасностью загнать интеллект в рамки одной позиции, ограничить ментальное видение одним фокусом. Поглощенный великими идеями неслучайного закона и неизменного порядка в природе, изучающий науку склонен забывать, что в каждом эксперименте, посредством которого он исследует природу, в каждом произносимом им слове, в каждом движении своих конечностей и пальцев он является живым примером силы личной воли, позволяющей управлять природой, не нарушая единообразия закона. Чудо - это просто проявление божественной воли, направленное на достижение особого результата. Абсурдно предполагать, что Творец лишен той силы, которую проявляет каждый ребенок, подбрасывающий звук в воздух, попадающий стрелой в цель или любым другим способом подчиняющий материю и силу своей воле. Нелепо утверждать, что Всемогущий Творец настолько связал себе руки законами своей собственной вселенной, что не может делать то, что считает разумным и благим.

“Чудеса, ” может возразить скептик, “ не являются абстрактно невозможными, но ... невероятно, чтобы Создатель когда-либо нарушил великий и прочный порядок своей вселенной с целью удивить или обратить в свою веру несколько тысяч евреев-полуварваров, в то время как остальной мир остается в неведении о предполагаемых чудесах”. Таким образом, аргумент переносится с научной почвы, где он не имеет реального значения, на моральную, которая, несомненно, является его надлежащей областью. Спокойно рассмотренное в этом свете возражение против чудес Пятикнижия превращается в мощный аргумент в их пользу. Ибо, предположив, что особое проявление божественной силы, которое мы называем чудом, заслуживает доверия, при условии, что цель, на которую нужно ответить, имеет достаточную важность, пусть читатель подумает, может ли какая-либо цель быть более достойной, чем запечатлеть в сознании целого народа неизгладимую силу, которую никакое время не сможет ослабить уроком всемогущества, мудрости, благодати и могущества Создателя и тщеславия того, что еще называется Богом; внушить им веру, привлечь их любовь, внушить им благоговейный трепет к безоговорочному повиновению и подготовить их умы к принятию божественного закона как основы личной, социальной и национальной жизни. жизнь; особенно если эта нация восходит своим происхождением к предкам, которым были явлены особые божественные проявления и даны обещания относительно их отдаленного потомства, и была задумана во исполнение этих обещаний поддерживать живой свет священного предания и со временем предоставить учителей для всего человечества.

Каким другим способом можно было бы эффективно преподать евреям эти уроки? Верно, что огромное большинство человечества было невежественным и даже по сей день остается невежественным как в отношении чудес, так и уроков. Но это лишь один пример закона, который управляет всем человеческим прогрессом. Истина, подобно свету, исходит из неизменных центров. Великие открытия, которым в конечном итоге суждено революционизировать человеческую жизнь и историю, поначалу являются достоянием немногих или одного разума. Исторический факт заключается в том, что непрерывная живая цепь религиозной веры, учения, сочувствия, молитвы и практики связывает шатер Авраама и синайское законодательство через жизнь и учение Иисуса с религиозной жизнью современного христианского мира и с единственной пока открытой моральной силой, которая

показала себя способной на Сандвичевых островах, в Полинезии, на Новой Гвинее, на Мадагаскаре, в Южной и Центральной Африке возвысить полуварварские или совершенно дикие и жестокие племена к цивилизации, морали и свободе.

2. Второй сильный контраст между религиозным учением Книги Бытия и более поздними книгами Моисея представлен сложным религиозным церемониалом, предписанным законом Моисея. Ведущими элементами этой системы были три: святилище, или освященный центр поклонения; жертвоприношения, наиболее точно различаемые и классифицируемые; и наследственное священство.

Скиния, или “шатер свидетельства”, сопровождавший инарха Израиля, снятый при движении войска и установленный там, где оно остановилось, преподавал великому принципу урок, аналогично преподанный в неопалимом кусте и на Синае, что святость не присуща какому-либо освященному месту, но зависит от божественного Присутствия, которого следует ожидать и даровать везде, где собирается народ Божий. Чем Скиния была для лагеря, тем впоследствии Храм стал для страны и для святого города.

Основная идея, символизируемая в Скинии, очевидно, заключалась в Божественном Присутствии Иеговы, обитающего посреди Израиля. Идеи поклонения и жертвоприношения были вторичными, зависящими от этого. Столп облачный и огненный был видимым чудесным свидетельством того, что это Божественное Присутствие было реальностью. Люди должны были считать себя нацией священников. Санитарные правила, военный порядок в лагере или на марше, политические собрания, личное поведение, а также религиозное богослужение - всем должна была управлять эта возвышенная идея присутствия божественного Царя со своим избранным народом.

Наследственное священство было знакомо израильтянам как египетский институт. Но в то время как египетские жрецы были территориальной кастой, над землями которой государство не имело никакого контроля, Быт. 47: 22, 26, закон Моисея предписывал, что колено Левия не должно участвовать в разделе земли Ханаан, за исключением ряда выделенных городов, каждый из которых окружала узкая полоска земли. Посвященные служению Иегове, они должны были поддерживаться добровольными пожертвованиями народа.

Жертвоприношения животных, в отличие от скинии и племенного священства, не были чем-то новым. С самого начала они были признаны установленным способом богослужения. Книга Бытия не содержит упоминания об их учреждении, но утверждение Быт. 3: 21 о том, что после проступка наших прародителей Господь Бог одел их в skóry, было разумно истолковано как подразумевающее, что им было приказано приносить в жертву животных, skóry которых им затем было поручено приготовить и носить как символы покрытия или прощения греха через искупление.

Что, по-видимому, было новым в ритуале жертвоприношения, установленном Моисеем, так это тщательно продуманное различие и классификация жертвоприношений животных по трем основным видам: всесожжение, жертва за грех и мирная жертва, или благодарственное приношение. Название первого буквально означает “то, что возносится”, а именно, в огне и дыму на небеса. Второе, название которого на самом деле означает “грех”, включает в себя “жертву повинности”. Мнения специалистов расходятся относительно значения названия третьего класса “мирное приношение” или “благодарственное приношение”, но общая идея та

же. Эвальд утверждает, что до принятия Синайского законодательства “долгое время действовали самые разнообразные формы жертвоприношения, каждая со своим особым направлением и соответствующей верой”. Но он не может представить никаких доказательств этого утверждения, кроме случайных намеков в книге Исход 10:125; 18: 12; возможно, в Быт. 31: 54, что были признаны некоторые различия. Жертвы Ноя и Иова прямо называются “всесождениями”; и из Быт. 22: 2 мы заключаем, что жертвы Авраама носили тот же характер. Общепризнано, что наиболее яркой символической идеей такого рода жертвоприношения является идея полного посвящения Богу. . Но идея искупления греха очень ясно выражена в Книге Иова 1:5; 42:8. Точно так же идея искупления не должна быть исключена из мирной жертвы, как это ясно из Лев.. 3:1, 2; 17:1-14. Во время пребывания в пустыне, когда основным источником пропитания израильтян была ежедневная манна, ни одно животное не должно было быть забито в пищу без того, чтобы с ним не обращались как с мирной жертвой.

Священность крови, представляющей душу или жизнь, была указана в законе, данном Ноем, Быт. 9:4. Но искупительная ценность крови впервые отчетливо проявляется в случае с пасхальным агнцем, Исх. 12, который можно считать прототипом мирных жертвоприношений. Эвальд верно говорит: ” Ни у одного языческого народа не было таких представлений о человеческом грехе и божественной благодати, как у народа Израиля, так что только в этом народе кровь приобрела такое уникальное и возвышенное значение, и только там она стала центром всей процедуры жертвоприношения”.

У языческих народов, как и в поэмах Гомера, мы находим обычай предлагать богам часть мяса и возлияние вина на пирах. На первый взгляд кажется, что это очень похоже на благодарственное или мирное приношение в еврейском богослужении; но, поразмыслив, мы обнаруживаем большое и важное различие между принесением в жертву части угощения и вкушением жертвы. В одном случае боги были приглашены на пир в качестве гостей; в другом случае считается, что сам Бог приглашает своих детей к своему столу. Таким образом, о семидесяти вождях, которые вместе с Моисеем, Аароном и двумя сыновьями Аарона были допущены на праздник мирных жертвоприношений на Синае в день утверждения завета и к видению божественной славы, мы читаем: “Они видели Бога и ели и пили”. Исход 24:5-11.

Связь между религией и историей, отмеченная выше как первая великая отличительная черта религии Ветхозаветных Писаний, отчетливо проявляется в отношении этих трех основных элементов системы, установленной Моисеем: Скинии, Священства, Ритуала жертвоприношения. Все три в дошедших до нас записях неразрывно переплетены с основными фактами еврейской истории - освобождением из Египта, стоянкой лагерем на Синае, заключением завета между Иеговой и его народом, дарованием закона, упрямым непокорством Израиля и последующей задержкой их вступления в Ханаан до смерти Моисея на сороковом году от исхода. Вы не можете объяснить религию отдельно от истории, а историю отдельно от религии. Критика может, по мнению самих критиков, разорвать всю ткань на куски; но она бессильна предложить вместо нее что-либо даже разумно вероятное.

В интересах этой деструктивной критики много говорилось о предполагаемом несоответствии между положением Второзакония, глава 12, о едином святилище в земле Ханаанской и записями в последующей истории об установленных алтарях и жертвоприношениях, приносимых в различных центрах поклонения: например, народом в Бохиме, Гедеоном в Офре;

Маной в Зоре, Самуилом в Раме, Галгале, Вифлееме; Давидом в Мориа; Илией на Кармиле, судьей 2:5; 6:24; 13:16; 1 Цар. 7:17; 10:8; 16:2; 2 Цар. 24:25; 1 Царств 18:30.

Расхождение, если оно и есть, относится к самому Второзаконию, которое предписывает приносить всежжения и мирные жертвы на каменном жертвеннике на горе Гевал. Это правда, что, когда Иисус Навин исполнил это повеление, скиния, вероятно, была установлена в Сихеме, Иоан. 8: 30-35; но жертвы приносились не на медном жертвеннике, а на отдельном жертвеннике на горе Гевал. Дело в том, что все эти случаи охватываются обещанием, связанным с первоначальным законом о жертвенниках, Исход 20:24-26: “Во всех местах, где Я напишу Свое имя, Я приду к тебе и благословлю тебя”. Священные ассоциации, естественно, собирались вокруг любого места, где скиния стояла в течение значительного промежутка времени. Единству национального богослужения не угрожало сооружение алтаря по какому-либо особому случаю признанным представителем божественной власти, таким как Самуил или Илия. Что могло бы поставить под угрозу это практика частных несанкционированных жертвоприношений, подобных тем, которые осуждены в I Царств 3:2; 22:43; 2 Царств 12:3.

Как записанная история древнего Израиля дает единственный ключ к религии Ветхого Завета, иначе необъяснимый, так и религия свидетельствует об истории. Храм Соломона предполагает скинию. На самом деле в нем находился ковчег. Но ковчег и скиния предполагают странствие по пустыне, которое, в свою очередь, предполагает Синай и освобождение. Вся история от рождения Самуила свидетельствует о важности как ковчега, так и скинии. Институты Давида, пережившие Плен и просуществовавшие до христианской эры, свидетельствуют о национальном значении и численном составе колена Левия, их священном характере и наследственном священстве потомков Аарона. Как можно объяснить это в сочетании с тем фактом, что Левий был безземельным племенем, помимо законодательства, существовавшего одновременно с существованием нации? Одним словом, мыслимо ли рационально, чтобы такой многочисленный, сплоченный, цепкий к традициям, но при этом прочно независимый народ, склонный к раздорам и упрямо придерживающийся запрещенных обрядов, был убежден до, во время или после царствования Давида и Соломона принять свод новых институтов, фальшивых законов и фиктивных общественных летописей, и чтобы это удивительное измышление, не имеющее аналогов во всей литературе, приобрело то огромное влияние на национальную веру и почитание, которым писания, приписываемые Моисею, несомненно, обладали после возвращения из Вавилона ?

Требования, предъявляемые к нашей вере современной скептической критикой, на самом деле намного превышают требования, предъявляемые всеми чудесами Библии, потому что в последнем случае очевидные физические невозможности находят адекватное объяснение, а именно в применении божественной силы для достойных целей; тогда как в первом случае моральные невозможности предъявляются к нашей вере вообще без объяснения.

II

Тесное смешение истории и религии, которое мы отметили как первую важную характеристику еврейских Писаний, является условием двух других, также указанных характеристик: ЕДИНСТВА и РАЗВИТИЯ. Их лучше всего рассматривать не по отдельности, а вместе, поскольку развитие подразумевает единство, а единство, обнаруживаемое в Библии, - это единство роста, не формального и механического, а жизненно важного, внутреннего, духовного.

Очевидно, что если книги Ветхого Завета обладают каким-либо реальным единством, то оно должно быть такого рода. Ибо они не составляют книгу ни в каком обычном смысле этого слова. Это библиотека, литература. Им более тысячи лет. Их писатели сильно различаются по характеру, гениальности, образованию, положению. Они отражают самые противоположные фазы национальной жизни. Разнообразие содержания и формы едва ли могло быть более ярким примером, чем в этом сборнике летописей, законов, биографий, стихотворений, афоризмов, пророческих оракулов. Если бы единство этих священных писаний было просто искусственным и условным, закрепленным авторитетом и обычаем, оно растворилось бы при серьезном рассмотрении. Если, напротив, глубоко под этой разнообразной и изломанной поверхностью мы обнаружим единство мысли, непрерывную жилу религиозного учения, становящуюся богаче из века в век, тогда это единство является фактом более важным, чем разнообразие. У этого должна быть адекватная причина. Это требует разумного объяснения. Если естественные причины не могут объяснить это, мы должны сделать вывод о сверхъестественном. Если человеческие авторы не смогли или явно не объединились, чтобы создать это, единственное возможное объяснение - божественное авторство.

Действительно ли такое постепенно раскрывающееся единство характеризует еврейские священные писания? Чтобы ответить на этот вопрос, давайте сначала рассмотрим фундаментальную идею любой религии - существо и характер Бога. Книга Бытия начинается с утверждения глубочайшего отношения, которое мы и все другие существа поддерживаем к Богу как к нашему Творцу. Метафизические вопросы о самосуществовании, вечности, бесконечности, пространстве и времени, природе материи и разума никогда не поднимаются. И все же, на самом деле, все они заключены в простом историческом утверждении, что в начале Бог сотворил небо и землю". Творение предстает в летописи как упорядоченный процесс, увенчавшийся рождением человека. Его последовательные стадии - скрытое шевеление жизни под темными водами, зарождение света, формирование атмосферы, смещение островов и континентов, рост растительной жизни, появление в ясном небе солнца, луны и звезд, появление на сцене жизни рыб и других морских животных, рептилий, птиц, млекопитающих, и, наконец, человека - демонстрируют удивительное соответствие с последними открытиями человеческой науки. Но достигнута высота, о которой наука ничего не знает, в описании благодетельного наслаждения Творца своей работой, Быт. 1: 31, и в утверждении божественного типа и цели в человеке, господе творения, ст. 26-28.

Человек представлен таким, как будто с самого начала был поставлен в прямые моральные отношения со своим Создателем. Специально подготовленный дом, работа, суббота, брак и положительное повеление, испытание на послушание, благословляют и ограждают его жизнь. Непослушание представлено как ставящее его, как и должно быть, в печально изменившееся отношение к Богу. Его призывают к ответу, признают виновным, приговаривают к потере Эдема, приговаривают к смерти. Этому ужасному слову не дается никакого объяснения. Если имеется в виду разложение тела, простая смерть животного, то очевидно, что исполнение наказания "в день, в который ты умрешь, умирая, ты умрешь" было отложено. Если история дает нам понять, что это было неукоснительно выполнено, то, очевидно, имеется в виду нечто иное, чем смерть животных, как бы тесно она с этим ни была связана. Тем не менее, человек сохраняет свою высшую привилегию прямого общения со своим Создателем. Не повторяя здесь того, что уже было сказано о жертве, мы видим, как Бог рассуждает с Каином, когда его разум затуманен недовольством и убийственной ревностью, пытаясь склонить его к покаянию и подбадривая

его, как подбадривали Адама и Еву после их проступка словами благодати и обещания. Gen. 4:6, 7.

Мы тщетно будем искать в священных книгах и во всей литературе языческих народов какую-либо адекватную параллель этим представлениям об абсолютной власти и справедливом судьбе Творца, объединенных отеческой нежностью к грешнику и попытками склонить его к покаянию или удержать от греха. Но параллели изобилуют во всех Еврейских Писаниях. В качестве примеров мы можем сослаться на поразительное описание божественной скорби по поводу греха человека и двадцатилетней отсрочки, предоставленной во времена Ноя обреченному миру, Быт. 6: 3, 5-7; место, отведенное заступничеству, например, Аврааму за Содом, Моисею за Израиль, Иову за своих друзей, Быт. 18: 23-33; Исход 32:30 и далее; 33: 6, 7; Иов 1: 5; 42: 8; трогательные предупреждения Моисея Израилю, например, Втор. 8:30; книга пророков. отголосок этих предупреждений его преемника Иисуса Навина, Джош. 24: 14-25; Верный и торжественный упрек Самуила Национальному Собранию, объединенный с заверением, что Господь “не оставит свой народ ради своего великого имени”, 1 Царств. 12: 7-25; Призыв Исайи прийти и рассуждать вместе с Богом, объединенный с милостивым обещанием прощения кающимся, Ис. 1: 18; молнии ужаса Иеремии, сверкающие и раскатывающиеся сквозь бурю слез, Иеремия 2:2-13; 4:1-9; 5:9-31; 9:1-24; Предостерегающий звук трубы Иезекииля, Иез. 33:7-20; домашний протест и последнее предупреждение последнего из пророков, Май. 1:6-1 1:4:1. Список можно продолжать бесконечно. Проповедь Иоанна Крестителя, последнего пророка Ветхого Завета, заново зазвучала в лейтмотиве, который, таким образом, проходит через еврейскую Библию. Его полновзвучная гармония слышна в проповеди Иисуса: в его приглашении к “труждающимся и обремененным”, в его картине блудного сына, возвращающегося к своему отцу, в его плаче о нераскаянном Иерусалиме.

Из этих примеров становится ясно, что книги Ветхого Завета пронизывают последовательное учение в форме не догмы, а исторического повествования и практической привлекательности. Человеческая жизнь повсюду рассматривается в прямой моральной связи с божественным законом, авторитетом и милосердием. Иногда обращение обращено главным образом к нации, иногда к отдельным людям. Но в обоих случаях следует отметить один факт, необъяснимый, я думаю, исходя из предположения, что перед нами не божественное послание, а просто люди, стремящиеся наставить своих собратьев.

Цель всего этого состоит не в том, чтобы информировать и убеждать интеллект, а в том, чтобы воздействовать на чувства, совесть и поведение и контролировать их. Описание божественного характера, постепенно излагаемое таким образом, должно быть дополнительно изучено, если мы хотим получить какое-либо ясное представление о нем, в двух словах, которые очень часто повторяются и имеют большое значение “праведный” или “справедливый” и “святой”. Слова, тесно связанные с ними, конечно, должны быть включены. Интуитивная вера в справедливость Бога как “Судьи всей земли” лежит в основе просьбы Авраама о Содоме. Чувство справедливости и острое, жгучее негодование против несправедливости так рано зарождаются в груди детей, что мы уверены, что человеческий язык очень рано содержал слова для обозначения этих чувств. Как только люди сформировали какое-либо представление о нравственной доброте, человеческой или божественной, атрибут праведности неизбежно должен был войти в него.

“Святость” - более сложная, более продвинутая идея. Она не возникает естественным образом в сознании ребенка. Слова, выражающие это, не встречаются в Книге Бытия, за исключением утверждения, что Бог благословил и освятил седьмой день. Это исключенное понятие святости впервые встречается нам в повелении Моисею снять сандалии, потому что он стоял на “святой земле”, Исход 3: 5. Это место было освящено божественным Присутствием. Первоначальным значением этой группы слов, по-видимому, было отделение от служения Богу: посвящение. Очевидно, возникает трудность при переносе этих слов на самого Бога. Что на самом деле подразумевается под заповедью “Будьте святы, ибо Я свят”? Ответ следует искать не в логике, а в чувстве. Моральные идеи проникают в интеллект через эмоции. Благоговение, трепет, строго чистое поклонение предполагают соответствующие качества в Том, кому они принадлежат. Чем сильнее эмоции, тем ярче идея. Безупречная чистота, жесткое разделение, абсолютная самоотдача, таинственное благоговение, с которым закон Моисея облакал каждую вещь или человека, посвященную Богу, воспитывали чувства верующего по отношению к Богу, и эти чувства рождали идеи по их собственному подобию. Врожденная святость самого Бога была признана источником, из которого изливалась святость, присущая вещам, людям, действиям, временам, местам. Следовательно, центральная идея святости в Ветхом Завете, по сути, моральна или духовна. Считать ее церемониальной, потому что в основном она преподается с помощью церемоний, - это мелкая, но фатальная ошибка. Малейшее разумное размышление, должно быть, научило верующего на иврите тому, что церемониальная, ритуальная святость не может принадлежать Богу. Святость Бога не может означать ничего меньшего, чем ту природу и характер, которые делают его в высшей степени достойным поклонения и любви, что, выражаясь современным языком, мы выражаем “высшим моральным превосходством” или “духовным совершенством”.

Важность этого факта для нашего исследования происхождения еврейской религии невозможно преувеличить. Он лежит в самом сердце этой религии. Не стоит обращать внимания ни на одно объяснение, которое не объясняло бы это. Доказательства его реальности следует искать в тщательном изучении не только книг Моисея, но и комментариев, предоставленных более поздними произведениями, особенно Псалмами, Притчами и пророческими книгами, посвященными взглядам на божественную святость, которых действительно придерживались и которым учили религиозные власти страны. Однако в самом начале такого изучения необходимо иметь в виду, что Десять заповедей, являющихся отправной точкой всего закона, носят не ритуальный, а моральный характер. Десятая относится исключительно к внутреннему желанию и воле. Сост. Рим. 7:7. Закон субботы не является исключением, поскольку воздержание от труда - это не церемония, а такая же практическая вещь, как воздержание от воровства или лжесвидетельства; и моральные результаты религиозного соблюдения субботы столь же реальны и широкомасштабны, как и результаты послушания любой другой заповеди.

Многие читатели, вероятно, знают, что совершенно иной точки зрения придерживаются критики и богословы с несомненными способностями и ученостью, которые утверждают, что стоят в первых рядах лидеров библейской науки и богословской мысли. В продолжительном и энергичном движении за дезинтеграцию Библии важное место занимает точка зрения о том, что левитское, или юридическое, учение и пророческое учение Ветхозаветных Писаний независимы, непоследовательны и противоречивы. Если Давид, которому была обязана организация священников и левитов, правила храмового ритуала и само строительство храма, говорит, что “закон Господень совершенен, обращающий душу”, и молится о том, чтобы быть

сохраненным от "тайных грехов" и иметь "чистое сердце и праведный дух"; если Соломон объявляет, что "страх Господень" состоит в удалении от зла, а "познание Бога" неотделимо от "праведности, суда и беспристрастия, да, всякого доброго пути"; если Исайя и Амос с презрением отзываются о "страхе Господнем", заключающемся в "отступлении от зла". жертвы и молитвы, приносимые теми, "чьи руки полны крови"; если Михей спрашивает: "Чего требует от тебя Господь, кроме как поступать справедливо, любить милосердие и смиренно ходить пред Богом твоим?", то утверждается, что сильный, чистый, глубокий поток учения, образцами которого являются эти строки, должен вытекать из другого источника, а не из того, который учит, что "кровь тельцов и козлов и пепел телицы, окропляющий нечистого, освящает для очищения плоти".

Конечно, эта школа критиков отрицает, что Моисей был автором Второзакония; в противном случае их точка зрения была бы сразу же признана ошибочной, поскольку ни один из пророков не может выйти за рамки простых, всеобъемлющих утверждений Второзакония, которые описывают религию как по существу состоящую из любви, веры и послушания; например, Втор. 6:4, 5; 8:1-3; 10:12-21; 13:4; 15: 7-10; 30:1-6, 11-15, 20. Возможно, достаточное опровержение рассматриваемой точки зрения дает сто девятнадцатый Псалом. Это совершенно уникальное сочинение передает нам взгляды и чувства благочестивого израильтянина, о том, какого колена, ранга или призвания мы не имеем возможности догадаться относительно божественного закона. Написанное слово Божье, под великим множеством названий, которых раввины насчитывают десять, здесь описывается как идеально совершенный стандарт характера и поведения, "праведный и очень верный", "очень чистый" и "чрезвычайно широкий", вниманием к которому молодой человек может "очистить свой путь", "оживить и утешить страждущего слугу Божьего, приход которого "дает свет, он дает понимание простым". "Праведность Твоя, " восклицает Псалмопевец, " есть праведность вечная, и закон Твой есть истина". Кажется невозможным подняться до более высокого представления о божественной истине или более высокого уровня духовного склада и мышления, чем демонстрирует этот замечательный Псалом. Является ли это критической проницательностью или просто слепотой, которая может разглядеть в том законе, в котором псалмопевец созерцал такие божественные чудеса, не что иное, как работу священников и фальсификаторов; смесь суеверных изобретений, языческих традиций, вымышленных историй и благочестивых обманов?

Еще один момент, важность которого трудно переоценить, требует тщательного рассмотрения. В противовес представлениям о божественной праведности, святости и непорочности еврейские Писания противопоставляют их мрачной противоположности человеческому греху. Одно нельзя понять отдельно от другого. Ни одна теория происхождения еврейской религии не заслуживает серьезного внимания, если она не может дать честного и удовлетворительного ответа на этот вопрос. Откуда взялась идея греха, которая пронизывает Священные Писания Ветхого Завета?

Даже поэтическая и историческая литература, а тем более священные книги всех других древних народов, не выдерживают сравнения с еврейскими Писаниями в интересах человека. Ни одна фаза человеческой жизни не остается незамеченной в этом чудесном зеркале, ни одна нота не остается нетронутой во всем диапазоне человеческих эмоций. Каждая превратность человеческой судьбы находит свое место на этих страницах, от трона до темницы, от колыбели до могилы. Представлены все типы человеческого характера, от самого героического величия или самой святой чистоты до самой необузданной и отвратительной порочности. Процессия

империй проходит по этой узкой сцене. Мы слышим ликующие песни об урожае и сборе урожая, музыку праздников, суровый гимн воинов, гимн победы, хоровое пение храмового богослужения, панихидный вой. И все же, благодаря этой непревзойденной полноте и почти бесконечному разнообразию человеческих интересов, национальных традиций и индивидуальных портретов, не будет преувеличением сказать, что один доминирующий персонаж пронизывает все изображение; одна мысль лежит в основе целого, даже там, где она не проявляется на поверхности; одна глубокая, печальная нота звенит, как похоронный звон, во всей музыке. Это то, что произносит Святой Павел, когда, цитируя Ветхий Завет, говорит, что “все согрешили и лишены славы Божией”. Рим. 3:23.

Для доказательства того, что это так, читатель должен обратиться ко всему корпусу еврейских Писаний. Он должен не просто просмотреть его буквы, но постараться оценить его направленность и постичь его дух. В этой попытке необходимо уделить внимание терминам, в которых представлена эта концепция греха. Еврейский язык богат моральными синонимами. Можно выделить девять основных слов, не обращая внимания отдельно на различные формы, в которых некоторые из них появляются. Наши переводчики не соблюдали определенных правил при их переводе.

Из этого списка слов вытекает один факт, представляющий огромный интерес, а именно, что еврейское представление о грехе было моральным, а не церемониальным. Это так же верно для закона, как и для исторических и пророческих писаний. Можно было бы ожидать обратного. Учитывая важное значение, придаваемое в церемониальном законе идеям осквернения и очищения, мы могли бы ожидать, что эти символические понятия будут отражены в терминах, используемых для обозначения греха. Ни один из этих терминов не имеет такого значения. Не только так. Хотя несомненно, что в иврите, как и в других языках, слова, используемые для обозначения моральных атрибутов и чувств, изначально должны были быть метафорами, взятыми из чувственных объектов, все же ни в одном из этих еврейских слов метафора не очевидна. Их этимология скорее является предметом научных догадок, чем уверенности. Вывод прост. Эти слова так древне и так постоянно использовались в моральном смысле, что метафорическое значение исчезло из них еще до того, как древнееврейский язык принял ту раннюю форму, в которой мы его находим. Они пришли, чтобы отстаивать чисто моральные идеи неповиновения закону, нарушения права и отказа от вины и наказания.

Поэтому читатель может легко оценить ценность утверждения, которое иногда делается с такой уверенностью, как если бы это было научное открытие, что идея греха, которой придерживались древние евреи, заключалась в представлении о церемониальном осквернении, от которого следовало избавиться посредством церемониального очищения, или о определенных внешних действиях, которые уравнивались другими определенными актами искупления или наказания. Сам еврейский язык неопровержимо свидетельствует о том, что осквернения и очищения, предписанные церемониальным законом, были всего лишь символами пятна, которого они не могли достичь, и чистоты, которой они не могли даровать, - осквернения сердца и совести внутренним грехом, а также очищения божественным прощением и восстановления образа Божьего. Если кающийся восклицал: “Ты не желаешь жертвы, иначе я бы принес ее”, - он говорил в полном соответствии с законом, который предписывал за такие преступления, как убийство и прелюбодеяние, не жертву, а “смерть без пощады”. И если он молился: “Сокрый лицо твое от грехов моих и изгладь все беззакония мои; сотвори во мне чистое сердце и обнови праведный дух во мне”, - он всего лишь

интерпретировал глубочайшие уроки закона, которые просвечивали сквозь его ритуал, как сквозь прозрачную завесу: уроки, которые, как заявил сам великий законодатель, были провозглашены в его ушах собственным голосом Бога. Исход 33:19; 34:6.

Таким образом, мы возвращаемся к центральной концепции, которая придает единство религиозному учению всего корпуса еврейских Писаний, - моральному характеру Бога в личных отношениях с человечеством и с каждым человеческим существом. Это великое центральное учение, которое включает в себя истины о личности человека, моральном облике и ответственности, разработано посредством человеческой истории и опыта, особенно опыта греха. Четыре основные линии иллюстраций объединяются, чтобы раскрыть этот величайший из уроков: 1. Общественная история, особенно в том, что касается тех бедствий, которые Священные Писания представляют как божественный суд над грехом, таких как всемирный потоп, разрушение Содома, свержение фараона, наказание мятежных израильтян, истребление развращенных идолопоклонников Ханаана, Вавилонское пленение, ниспровержение Вавилона. 2. Символическое богослужение и посредничество священников. 3. Пророческое служение, толкование Божьего закона, воли, истины и обещаний. 4. Личный опыт, ярко иллюстрирующий, с одной стороны, заботу и руководство Божьего провидения, а также руководство и наставление его Духа, даруемое тем, кто боится его; с другой стороны, жизнь в вере, покаянии, молитве и любовном послушании Богу. В этом последнем методе обучение трем другим методам сосредоточено на практике. Это можно выразить словами, в которых самый скорбный из пророков в самой скорбной книге Священного Писания выражает свою мирную веру: "Благ Господь к ожидающим Его, к душе, ищущей Его". Лам. 3:25.

Одним из самых сильных контрастов между религией Ветхозаветных Писаний и языческими религиями является чистота моральных чувств. Язычество обожествляет похоть. Оргии бога вина в Греции, мерзости, о которых стыдно даже говорить, практиковавшиеся в храмах Вавилона и Финикии, мошенничество священнослужителей, из-за которого римским авгурам было трудно сохранять лицо в обществе друг друга, не находят аналога, кроме сурового осуждения, в религии Иеговы. Пороки, бесстыдно практикуемые культурными греками и воспетые самыми элегантными римскими поэтами, были заклеены позором у евреев. Когда эти очаги чумы поражали Израиль, как это часто случалось, это всегда было связано с идолопоклонством, и пророки осуждали их как верных предвестников национальной гибели. Порок и преступление, без сомнения, описываются, когда того требует цель повествования Священного Писания, с античной простотой речи, шокирующей наш современный вкус. Недостатки и грехи благочестивых людей описаны с беспощадной откровенностью. Но никогда нельзя обнаружить и следа сочувствия к низости, жестокости, неводержанности или лжи. Даже те ужасные обвинения в адрес беззаконников, которые современные читатели часто затрудняются согласовать с духом Евангелия, черпают свою суровость из того сильного морального негодования против зла, в котором несовершенное современное чувство и которое в те суровые времена было необходимой гарантией нравственной чистоты.

Однако религия Библии не менее примечательна своей нежностью, чем своей суровой чистотой. Раз в пятьсот или тысячу лет, когда нравственность среди людей находится на грани гибели, меч правосудия разит и не щадит. Враждебная критика, слепая, потому что враждебная, сосредоточивается на этих редких и надолго отложенных примерах божественной суровости, которой всегда предшествуют снисходительность и предупреждение, и упускает из виду тот факт, что преобладающее представление о божественном характере ставит

милосердие, сострадание, доброту, нежность среди своих главных атрибутов. Языческие поэты возвещали о глубине человеческой скорби, страсти и сострадания; но нигде в языческой литературе, и меньше всего в религиозных книгах языческого мира, мы не можем уловить даже отзвука той полнотной нежности и благодатного утешения, которые звучат в еврейских Священных Писаниях, уверяя нас, что “Господь весьма сострадательен”. Даже низшие животные представлены в значительной степени разделяющими божественную заботу и сострадание. Немаловажно, что радуга, эта улыбка бури, в которой языческие мифы видели всего лишь мост для перехода духов, является в книге Бытия символом Божьего напоминания о бренности человека и верным обещанием как человечеству, так и низшим созданиям. “Его нежная милость царит над всеми его делами”.

Не представляется необходимым формально обсуждать точку зрения, согласно которой Бог Ветхого Завета или Пятикнижия является национальным Божеством, а еврейская религия - всего лишь одной из многих национальных религий древнего языческого мира. Если набросанный здесь план справедлив, то эта теория опровергается на каждом шагу и не имеет под собой никаких оснований. Это противоречит в основе заложен религия в аккаунт творения, в гармонии с которой является постоянное повышенное внимание к претензии Иеговы, как Творца всего сущего; экспресс претензии на суверенитет и собственность над всеми народами, сделанные в те самые коридоры, в которых Израиль считается для определенных целей избранных людей, Эл. г., Быт. 15:14, 16; Исх 9:29; 19:5; Втор 7:6-8; 8:19, 20; универсальные видом божественного провидения, которые пронизывают всю историю, и торжественно подведены в Псалме 107; и всемирную обещания, которые звенят, словно неземная музыка по ходу пророчества, от обетования Аврааму, что в нем благословятся все народы, в таких заявлений всеобщего божественного суверенитета и такие приглашения всем народам, чтобы поклоняться Иегове, которые содержатся в Псалмах, Эл. г., Псалмы 22:28; 24:1,2; 67:2-4; 95: 3-6; 96:10; 100:1, 2. Интенсивный национальной гордыни и узости евреев, тем более что приближался срок их исконной верой принять ее, предназначенных форма как универсальная религия, позволить себе моральные демонстрация того, что эти ожидания в Писаниях Ветхого Завета Всемирной филантропии нового обязаны своим вдохновением высшего источника, чем семитской религиозности или еврейский гений.

Приведенный выше обзор, по необходимости краткий и сжатый, по-видимому, не просто подтверждает, но и вынуждает сделать вывод о том, что при максимальном использовании всех параллелей и сходств, которые можно почерпнуть из священных писаний других древних религий, религия древнего Израиля, от Авраама до Малахии и Иоанна Крестителя, остается величественно и сверхчеловечески одинокой.

Саму науку вполне можно подвергнуть допросу с позиций здравого смысла и попросить дать отчет о явлениях, охватывающих столь обширный диапазон человеческого опыта и представляющих такое непревзойденное величие и уникальный интерес. Единственное объяснение, кроме того, которое содержится в самих древнееврейских записях, по-видимому, состоит в том, что маленький народ Израиля, уступающий во всех других отношениях всем великим нациям древности, обладал уникальным религиозным гением, силой которого они превзошли в этой единственной области всю человеческую расу и, наконец, породили универсальную религию Христа. Эта гипотеза не выдержит серьезной проверки. Во-первых, она отрицает факты, которые необходимо объяснить, и заменяет философию романтикой. Ибо, если доверять даже основным очертаниям еврейской истории, то не нация породила религию, а

религия породила нацию. Во-вторых, это противоречит всем свидетельствам, свидетельствующим о характере еврейского народа. Суровый упрек их великого законодателя: “Вы были непокорны против Господа с того дня, как Я познал вас”, Втор. 9: 24, повторяется целым рядом пророков. Два урока Десятисловия евреи действительно извлекли из вавилонского плена и никогда впоследствии не забывали: ненависть к идолам и почитание субботы. Но их религиозное развитие как нации в течение следующих пяти столетий состояло не в совершенствовании учения Ветхого Завета и поднятии общественной и частной жизни до требуемого уровня, а в замене пророка раввином и замуровании религиозной жизни в самую сложную оболочку механических формул, которую люди когда-либо изобретали или под которой они стонали. Когда было применено главное испытание - явление Того, о ком свидетельствовали все пророки, - религиозные лидеры нации оказались еще более слепыми, чем толпа, которую они проклинали как невежду в законе. Они не могли видеть в Иисусе ни “благодати и истины”, ни “славы как Единородного от Отца”. Они осудили святейшего, мудрейшего, величайшего и лучшего из Учителей как богохульника и предателя и распяли своего Царя. Но в руках распятого религия Еврейских Писаний, религия Авраама, Моисея, Давида, Исайи, Иоанна Крестителя, освобожденная от всего национального, местного, временного, стала единственной возможной универсальной религией для человечества.

ПРОВЕРЕННАЯ БИБЛИЯ Или ЭТО КНИГА ДЛЯ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ И ДЛЯ ВСЕГО МИРА

Автор:

Джейкоб Чемберлен, доктор медицины, D.D.

БИБЛИЯ ПРОВЕРЕНА, ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ОНА КНИГОЙ НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ И ДЛЯ ВСЕГО МИРА?

Слово “закон” или выражение “закон Господень” используется в Библии в двух значениях, первое ограничивает его законом Моисея.

Во время моего недавнего путешествия домой из Индии, пройдя вдоль Красного моря, я свернул в сторону, прошел через пустыню и поднялся на вершину горы Синай. Я стоял на том самом месте, где тридцать три столетия назад, среди грома и молний, Иегова передал этот закон Моисею. Я смотрел на эту прекрасную треугольную равнину, примерно пять миль в длину и три в ширину, со всех сторон окруженную высокими горами и поднимающуюся к подножию почти отвесной горы Синай, “горы, до которой можно дотронуться”, из каждой части которой была видна вершина горы и облако, покоящееся на горе. Я вспомнил, что, когда был провозглашен этот закон, все поклоняющиеся истинному Богу, Иегове, в тогдашнем мире собрались на той равнине, ожидая своих божественных повелений относительно этого закона, соблюдение которого должно было сделать их “особым народом” до того времени, когда Назарянин явится и, разрушив окружающие стены исключительности, соберет все народы, даже нас, язычников, для себя; и я подумал, насколько важно, чтобы закон, переданный тогда и там, был “совершенным”. И это совершенно. Ученость, проницательность, изобретательность всех последующих эпох были совершенно неспособны создать столь совершенный моральный кодекс, как там провозглашалось. Это всегда признавали злейшие

враги христианства. Да, “моральный закон” успешно бросает вызов восхищению всего мира совершенным законом.

Но выражение “закон Господень” используется в более широком смысле. Это означает всю раскрытую волю Божью, содержащуюся в книге под названием “Библия”. И в этом самом широком смысле мы готовы бросить вызов противоречиям мира, заявляя и поддерживая, что “закон Господень совершенен”.

I. Во-первых, воспринимайте это как литературное произведение. Где мы находим такие возвышенные поэтические образы, как в Библии, где такая точность исторических деталей, о чем свидетельствует известная мирская история, и все больше и больше - каждое последующее ассирийское и египетское открытие, где такие величественные взлеты пророческого видения, где такое верное изображение характера в биографии, где такая интенсивность и возвышенность праведного обличения неправды, где такие неподражаемые мольбы к тем, кто напрасно “утомлен и обременен”, где такие выигрышные изображения божественной жизни в человеке, как в притчах, которые говорил Иисус?

Но есть еще одно испытание литературных произведений, которое действительно выдерживают лишь немногие книги. “Путешествие пилигрима Буяна” выдержало это испытание достаточно хорошо, но сколько существует других книг, которые могут это сделать? Я имею в виду проверку перевода на различные языки непохожих людей, различных способов мышления и различных форм выражения их мыслей и концепций. Нам говорят, что Шекспир, переведенный на французский, выхолощен; что, если перевести на китайский? Как бы звучала миссис Партингтон на немецком, Лонгфелло или Теннисон на готтентотском, Ирвинг на арабском или Уиттиер на Чокто? Библия выдержала это решающее испытание на языках всех уголков земного шара. И в этом вопросе я говорю на основании некоторого опыта и продолжительных наблюдений за тем, что в течение многих лет занимался переводом Священных Писаний с иврита на один из самых совершенных языков Востока; в своих путешествиях посетил миссионерские станции сорока различных миссионерских обществ, работающих на двадцати девяти различных языках, и беседовал со многими из тех, кто занимается переводом Библии на эти языки, а также с другими в Европе и Америке, занятыми аналогичной работой, я знаю, о чем подтверждаю, когда повторяю заявление, что Библия выдержала это решающее испытание переводом на языки всех стран мира. земной шар. От Гренландии до Патагонии в западном полушарии; от Исландии через Европу и Азию к японцам и австралийцам в восточном; от коптов Египта до кафиров Южной Африки; от островов Южного моря Тихого океана через океаны до Мадагаскара - Библия была переведена на их языки с триумфальным успехом.

История сотворения мира Моисеем; войны и походы Иисуса Навина; поражения и победы при судьях и царях; покаянные молитвы и хвалебные псалмы Давида; несравненные притчи Соломона; великолепные образы Исаяи; скорбные сетования Иеремии; замечательные жизнеописания Христа на земле и основания раннехристианской церкви Луки врача; виртуозные речи Павла в Афинах и перед Синедрионом и Феликсом, а также его доктринальные послания, столь полные сильных эмоций. мясо; чудесное откровение Иоанна - все это приходит содинаковой силой, приспособленностью, сладостью и убежденностью на каждом из двухсот одиннадцати языков, на которые уже переведена божественная книга, и свидетельствует нам, что в этом отношении она совершенна.

II. Опять же, возьмем Библию в ее приспособленности ко всем расам и народам, а также языкам человечества. И в этом отношении Американское библейское общество внесло свой полный вклад в проверку Библии, поскольку оно распространило ее среди всех народов. Вы знаете, насколько космополитично это Общество? Вы знаете о его работе дома, но многие ли из вас знают о масштабах его работы за рубежом, во всех уголках земли? На мою долю в течение последних двадцати лет выпало быть свидетелем некоторых действий Общества по распространению Священных Писаний в отдаленных друг от друга местностях, среди людей, говорящих на полутора десятках языков, и я рад принести свое свидетельство об этом этапе работы Общества. Я сам потратил тысячи долларов из его фондов на печатание и распространение Священных Писаний на пяти основных языках Индии.

Я видел, как его Библии читали и любили в городах, деревнях и на равнинах Мадраса; да, в регионах, так недавно опустошенных голодом, многие новообращенные к нашему Иисусу с удовольствием забывали о муках голода, пока своим затуманенным взором читали из этих Мест Писания о Том, Кто дает своим детям хлеб и воду жизни. Я видел, как его с восторгом читали всю ночь напролет в родных королевствах те, кто в тот день впервые услышал и увидел Слово Божье благодаря усилиям этого Общества.

Я видел, как ее читали и любили телугу из Раджамандри, Онголе, Куддапы и Курнола, канареццы из Майсура; тамилы Северного и Южного Аркот, Салема и Коимбатура, горные бадаги; кои из Годавери и маратхи из Бомбея.

Египетские копты, которых я видел, собирались в тени пирамид, чтобы прочитать из арабских Священных Писаний историю Иосифа, Моисея и Иисуса в их давнем пребывании там.

В Вирсавии, Хевроне и на горе Мориа мы снова с трепетом читаем из Священных Писаний историю Авраама и принесения в жертву Исаака.

В Иерусалиме на горе Сион мы присоединились к собранию, состоящему из потомков Измаила и Исаака, Сима, Хама и Иафета, в то время как по переводу Библии, сделанному за счет этого Общества, они читали Божьи изречения.

В Сихеме и Назарете мы нашли его Библии.

В Сидоне благородная христианская община читала из Священных Писаний пророчество о разрушении их города и города-побратима Тира и его чудесном исполнении. В Бейруте мы обнаружили, что его прессы деловито отсылают свои ежедневные плоды - листья для исцеления народов 150 000 000 человек, говорящих на арабском языке.

На холмах над Антиохией 1200 христиан собрались в одно собрание, чтобы послушать, что эта Библия делает в Индии, и прочитать из Библии на армянском языке историю образования первого иностранного миссионерского общества в их древнем городе более 1800 лет назад.

В Смирне и других городах Семи Апокалиптических Церквей мы обнаружили, что они пытались узнать из Священных Писаний, как снова зажечь в своих древних подсвечниках свечи, которые давно погасли.

Я видел действие Священных Писаний в Италии. Рим и Флоренция, Милан, Болонья и Неаполь не могут заслонить его свет, и там уже снова восходит утренняя звезда.

В "Женева Кальвина" М. Дардье рассказал мне о замечательной работе Священных Писаний Общества в кантонах скалистой Швейцарии и прилегающих частях Франции. В веселой столице Франции я обнаружил, как они указывали мужчинам на золотой город с жемчужными воротами.

Среди эскимосов и наскопий Лабрадора я снова нашел Библии Общества и увидел, что Евангелие для тропиков - это евангелие для поляков.

В цветных церквях Северной и Южной Каролины, Джорджии, Алабамы и Луизианы я видел набожных африканцев, внимательно изучающих страницы Библии, и понял, что ни раса, ни цвет кожи не должны ничего ни умалять, ни дополнять к совершенному учению закона Божьего.

Сегодня вечером русский солдат разжигает штыком походный костер, чтобы при его свете прочесть Отрывки из Священных Писаний, которые Американское библейское общество дало ему то, что придаст ему сил для завтрашней борьбы за, как он верит, своих угнетенных собратьев-христиан.

Южноамериканские республики и королевства просматривают его страницы, разбросанные агентами Общества, чтобы найти то, что так высоко подняло Америку и Англию над ними.

Разбросанные по Морям Острова извлекают из этого урок, что, хотя они и разбросаны и разделены, они принадлежат к тому же стаду, у которого тот же Пастырь, что и мы. "Острова ждут Его закона".

В Японии Священные Писания учат их, что Бог почил и освятил один день из семи; и христианская суббота уже вытеснила и заменила их многочисленные и непостоянные праздники и святые дни, и тысячи христиан сейчас на коленях благодарят того Бога, который на страницах книги издал в этой стране тьмы указ "Да будет свет".

Земля Синим, дремавшая веками, теперь слышит, при содействии Общества, и повинуетя божественному повелению: "Пробудись, спящий, и восстань из мертвых, и Христос даст тебе свет".

Покажите мне, если сможете, расу или народ, в котором Библии, выпущенные этим Обществом, не пробудили совесть, не оживили любовь, не укрепили печать, не рассеяли сомнения, не утешили скорбящих, не ободрили умирающих, среди рассеянных сынов первого и второго Адама.

С тех пор, как я впервые побывал в Индии, Общество потратило более одного с четвертью миллиона долларов золотом на распространение Библии среди народов земли за пределами нашей страны. Именно из-за этой космополитической работы я, иностранный миссионер, каждая клеточка существования которого связана с миссионерской работой, встаю при каждом возможном случае, чтобы отстаивать претензии этого Общества к толпе сыновей и дочерей Христа, искупленных кровью. Я бы не стал, если бы мог, направлять все потоки благотворительности в сокровищницы наших зарубежных миссионерских обществ, даже входящих в мой собственный Совет директоров. Библия должна быть переведена, напечатана и распространена повсюду, иначе никакая миссионерская работа не могла бы быть выполнена. Миссионер без Библии с таким же успехом может пытаться готовить без огня; с таким же успехом может пытаться управлять кораблем без воды; с таким же успехом может приводить в

движение пароход без пара; с таким же успехом может пытаться дышать без воздуха. Если печатание и доброжелательное распространение Библии прекратится, в то время как народы все еще настроены враждебно по отношению ко Христу, тогда пусть миру будет объявлено, что воины царства Христа сложили оружие. Пусть это прекратится, и все силы тьмы восстанут и заявят о победе как о почти одержанной. Да, сами черти ада устроят юбилей, ибо они любят тьму, а Библия дает свет.

III. Но опять же, возьмите Библию как механизм, созданный для выполнения определенной работы, и хорошенько протестируйте ее, чтобы увидеть, работает она или нет. Библия содержит план, разработанный для искупления и возвышения человечества. Итак, возьмите Библию как механизм, созданный таким образом для выполнения этой конкретной работы, и хорошенько протестируйте ее, чтобы увидеть, выполняет она эту работу или нет. И именно на этот взгляд на предмет я особенно прошу обратить внимание.

Эта старая Библия, данная еврейскому народу столетия назад, теперь предназначена для выполнения работы, для которой она была предназначена, или в наши дни прогресса и смешения наций мы считаем ее устаревшей, а время ее адаптации и полезности ушло в прошлое? Это, безусловно, эпоха не только изменений, но и улучшений. Скорые почтовые поезда и телеграф заняли место старого конного почтальона с его почтовыми мешками, перекинутыми через лошадь, на которой он ехал. Почтовая карета, запряженная четверкой и шестеркой лошадей, уступила место дворцовым вагонам. Тихое шитье швеи сменяется жужжанием швейной машинки. Вряд ли в настоящее время используется какое-либо оборудование, которым пользовались даже наши деды. Новые книги, новые системы наук, новые методы в искусстве - все, все является новым. Не совершили ли мы ошибку, слишком долго держась за нашу старую Библию? Если это так, давайте признаем это по-мужски и попытаемся заменить чем-то лучшим, но сначала давайте проверим это и посмотрим.

Теперь, испытывая машину или двигатель, необходимо испытать их во всех различных обстоятельствах, в которых им предстоит работать, особенно в самых неблагоприятных. Например: когда я был в Индии, во время войны в Америке, правительство Индии стремилось внедрить лучшее оборудование для переработки, прядения и ткачества растущего там хлопка. Было выпущено воззвание, опубликованное во всех странах, где производилось оборудование, предлагавшее королевскую премию за то оборудование, которое должно наилучшим образом выполнять свою работу. И когда, спустя почти год подготовки, оборудование было собрано с четырех сторон на берегах священного Ганга, когда вице-король, его совет и судьи собрались, чтобы испытать его, оно было испытано не только на хлопке, выращенном там, на берегах Ганга, но хлопок был привезен с подножия Гималаев и с равнин Тинневелли, близ мыса Коморин, из горной местности Берар, и с равнин Беллари, и из окрестностей Бомбея; и оборудование, которое лучше всего выполняло эту работу во всех отношениях, длинномерное, основное и короткое, грубое и тонкое - именно оно получило приз и сейчас выполняет эту работу в Индии. Поэтому, если будет спущен на воду океанский пароход, его нужно опробовать не в одиночку на спокойных водах залива или реки, на берегах которой он был построен; ибо пока он не пересечет океан, преодолевая горные валы во время шторма, никто не может сказать, в конце концов, безопасно ли это транспортное средство для жизни человека. Таким образом, любой вид оборудования должен быть испытан в наихудших обстоятельствах, в которых он будет призван действовать.

Последние двадцать лет я подвергал Библию именно такому испытанию, и то при самых неблагоприятных обстоятельствах.

Индия - цитадель сатаны. Индуизм с его кастой служанок заковывает своих приверженцев в железные оковы. Имея много истины в своих священных писаниях, Ведах, оно выродилось в худшее проявление политеизма и идолопоклонства; с его ущербным взглядом на Бога и человека оно не оказало оберегающего, возвышающего влияния на своих приверженцев. Индусы - одновременно очень религиозный и крайне аморальный народ. Умные, проницательные, сообразительные, неизменные по своей природе, преданные своей древней системе, которая великолепна, хотя и ложна, брахманисты являются наиболее способными и решительными противниками того, что они называют "новой религией". Если Библия будет работать в Индии, то мы можем с уверенностью заключить, что она будет работать где угодно. Как же тогда она работает в Индии? Давайте протестируем это различными способами и посмотрим.

И первое: описывает ли эта "старая Библия", данная евреям так много веков назад, сегодняшнее человеческое сердце и состояние человека в разных странах, или она устарела и несовершенна в этом отношении?

Однажды, около четырнадцати лет назад, я впервые отправился в родной город в Индии, где никогда не слышали имени Иисуса, чтобы показать им эти Священные Писания и проповедовать им о Христе и его спасении. В качестве вступления, когда мы собрали аудиторию на улице, я попросил своего помощника-туземца прочитать первую главу Послания к Римлянам, ту главу, часть которой, по словам некоторых, называющих себя особенно либерально настроенными, слишком мрачна, чтобы быть правдой; ту главу, в которой описывается сердце человека, удаляющегося от Бога в грех и создающего мерзкие представления о Боге, а затем блуждающего все дальше, пока, наконец, "хотя они знают суды Божьи, что делающие такие вещи достойны смерти, они не только делают то же самое, но и получают удовольствие от тех, кто их совершает"; главу, в которой многие говорят, что люди удаляются от Бога и впадают в грех. мы - это клевета на человеческую природу. Эта глава была прочитана. Самый умный человек в аудитории, брамин, вышел вперед и сказал мне: "Сэр, эта глава, должно быть, была написана для нас, индусов. Она точно описывает нас". Фотографию узнали. Снимок был сделан столетия назад среди еврейского народа, но художник был божественен, и сердце, которое было сфотографировано, принадлежало не еврею, а мужчине.

В другой раз я поехал в другой город, там же впервые провозгласил Христа как образ жизни. Когда мы въехали в родной город и проходили по главной улице, я заметил небольшой индуистский храм, построенный на обочине самой оживленной улицы, с открытыми дверями и идолами в дальнем конце, чтобы прохожие могли поклоняться на ходу. Сбоку от двери на пьедестале сидел брамин-жрец храма, обнаженный до пояса, чтобы он мог принять почтение, полубожественное поклонение, которое люди обычно оказывали ему, ставя рядом с ним блюдо для приема подношений, когда они входили и выходили по своим делам. Я заметил это и прошел дальше. Пройдя по главной улице, оглядываясь по сторонам и не найдя лучшего места, мы вернулись к этому храму; и когда я вежливо попросил разрешения у Брамина обратиться к аудитории со ступеней храма, он так же вежливо дал свое разрешение; и спел песню, чтобы собрать людей вместе, вскоре улица была заполнена теми, кто недоумевал, зачем мы пришли, и

я проповедовал им. Я взял за свою тему характер любого существа, которого разумный человек в любой стране был бы готов назвать Богом, и, исходя из потребностей нашей природы, я попытался показать им, что для того, чтобы назвать какое-либо существо Богом, мы должны верить, что оно сильнее нас и сильнее любых сил, которые могут быть направлены против нас; что он должен быть всемогущим, иначе мы не могли бы доверять ему; что он должен быть мудрее нас и мудрее любого разума, который может быть объединен против нас; что он должен быть всеведущим; что он должен быть способен во всех частях о его владычестве в то же время быть и замечать все происходящие события; что он должен быть вездесущим, что он должен быть Богом любви, Богом справедливости" и так далее. Я нарисовал им характер и атрибуты Бога в том виде, в каком мы находим их в нашей Библии, не рассказывая им, где я нашел эту картину, но черпая эту характеристику Бога из потребностей души человека. Интеллигентные люди в зале сразу признали картину правильной, по мере того как я переходил от пункта к пункту, и признали то, что я сказал, правдой. Наконец, завершив картину, я сказал им: "Итак, кто такой Бог и где Бог?" Священник-брамин, сидевший там на своем пьедестале, видя, с каким вниманием аудитория его поклонников слушает мое описание Бога, столь отличное от того, что хранится в храме рядом со мной, и с первого взгляда своим острым умом поняв, что если это описание Бога будет принято как истинное, то его занятие пропадет, стремясь отвлечь внимание, выпрямился и, проведя пальцем линию вокруг живота, сказал: "Господин, это мой Бог; когда это полно, мой Бог благосклонен; когда это пусто, мой Бог разгневан. Дай мне только достаточно еды и питья, и это все, чего я хочу от Бога". Обратившись к той же старой Книге, я привел ему язвительное очернение Павлом тех, "чей Бог - их чрево, чья слава - в их посрамлении, и чей конец - гибель". А затем, снова повернувшись к аудитории и напомним им о чистом и святом характере, который я описал, я сказал им, что "этот бедный, жалкий негодяй готов назвать свой живот своим Богом". Под насмешки и презрение своих собственных почитателей он спрыгнул со своего пьедестала, прокрался за угол храма и исчез в переулке. И о, как слушатели слушали, пока я описывал им Того, в ком вся полнота этого Божества проявилась телесно, даже Иисуса из Назарета, Спасителя всех них во всем мире, которые будут верить в него".

В другой раз я читал из седьмой главы Послания к Римлянам заявление Павла о власти греха над нами, где он говорит: "Когда я хочу творить добро, зло присутствует во мне, и добро, которого я хотел бы, я не творю, но зло, которого я не хотел бы, я творю". Когда я читал это, самый умный человек в моей аудитории заговорил, сказав: "Вот оно! вот оно! Это именно то, что происходит с нами, индусами. Итак, говорит ли нам ваша Книга, как мы можем избавиться от этого дурного расположения духа и творить добро, которого мы хотели бы, и не совершать зла, которого мы не хотели бы?" С какой радостью я указывал им из той же старой Книги на Того, Кто может создать новое сердце и обновить праведный дух внутри нас; кто может дать нам не только желание, но и силу творить добро: "Ибо Я все могу творить через Христа, Который укрепляет меня".

В другой раз и в другом городе я прочитал описание в сорок четвертой главе Книги Пророка Исаии создания изображений и поклонения им. Когда я закончил чтение, проникательный человек из аудитории, брамин, вышел и сказал: "Теперь, сэр, мы поймали вас. Вы сказали нам, что это старая книга, давным-давно переданная в другой части света, чтобы рассказать нам, как мы могли бы найти Бога и как, поклоняясь ему, мы могли бы достичь мира с ним; но, сэр, то, что вы только что прочитали, вы написали с тех пор, как приехали сюда и увидели, как нам, индусам, это удастся". Фотография снова была узнаваема.

Но опять же, могут ли понять эту Книгу высшие и низшие, богатые и бедные, образованные и невежественные? Может ли эта Библия, которая была дана людям, подготовленным из поколения в поколение специальным обучением, и стоящим на совершенно ином моральном плане, чем индусы наших дней, эта Книга с ее чистыми и святыми доктринами, ее странным, хотя и прекрасным и простым планом спасения, может ли она быть понята теми индусами, которые утонули в веках морального осквернения? Можно ли это понять так, чтобы повлиять на их жизнь и характер?

Поехали со мной в маленький городок в 150 милях к северо-западу от моей станции в Маднапилли, в Индии. Около пятнадцати лет назад там жил индус, неграмотный человек, он мог просто читать и писать, и это были все, кто чувствовал бремя греха и желал облегчения. Он испробовал все, чему научила его его система, и все еще не обрел покоя совести. Пришло время ежегодного розыгрыша автомобиля-идола, обычно называемого автомобилем Джаггернаута, в городе примерно в тридцати милях отсюда, и этот человек, оплакивая свой грех, отправился туда, потому что ему сказали, что если он примет участие в тамошних церемониях и присоединится к розыгрышу автомобиля, бремя греха спадет и он сможет обрести облегчение. Он пошел туда. Прошел первый день, и второй день празднеств подходил к концу. В ту ночь они заканчивались, а он все еще чувствовал бремя греха. Он знал, что не получил облегчения. Он увидел стоящего в толпе человека с книгой, завернутой в его одежду; он увидел торчащий конец и спросил: “Незнакомец, что это у тебя за книга?” Он сказал: “Они называют это Котта Нибандана (Новый Завет)? “Что это?” “Ну, они говорят, что это Саттья Веда”, Истинная Веда, как мы называем Библию в Индии, в отличие от их Вед, которые мы не признаем истинными. “Ты читал это?” “Нет, я не читал”. “О чем, в конце концов, там говорится?” “Ну, они говорят, что это говорит нам, как избавиться от греха”. “Правда? Ты продашь это?” “Да”. “Сколько ты за это возьмешь?” “Хорошо, дай мне полрупии (двадцать пять центов)”. “Хорошо”. Он достал деньги, отдал их мужчине, взял книгу, завернул ее, сунул под мышку и ушел. Придя домой, он открыл ее на первой главе Евангелия от Матфея и споткнулся, споткнувшись на этих потрясающих именах из генеалогии Христа, которые для индуса хуже, чем для нас произносить. Он думал, что, в конце концов, в книге не будет ничего такого, что он мог бы понять, и что он потерял свои деньги; но в конце концов он справился и дошел до истории о чудесном рождении младенца Иисуса; которую он мог понять. Он читал дальше, и читал историю о Своем чудесном детстве и Своей чудесной жизни, о Своих чудесных деяниях и посланиях милосердия, которые Он раздавал всем окружающим; и затем, когда он начал думать, что Он должен быть тем, кто должен искупить все земли, он дошел до истории, где Он был убит и распят на кресте. “О, тогда все кончено”, - подумал он, но продолжал читать сквозь слезы. Он прочел о Своем лежании в могиле, а затем о том чудесном возвращении из могилы, и о сцене, когда Он явился Своим ученикам, и с изумлением прочел, как на горе Елеонской, разогнав облака, Он вознесся на небеса; а затем он перевернул и снова прочитал у следующего евангелиста, уже в меньшем количестве слов, историю той же жизни. Затем он прочитал у третьего евангелиста ту же самую историю, которая никогда не повторяется слишком часто, - наглядное жизнеописание Христа на земле от Луки. Затем он перешел к четвертому евангелисту и там прочитал о божественном сыновстве того Иисуса из Назарета, Слова, которое стало плотью и обитало среди нас; и там он узнал о нашей связи со Христом, ветви с виноградной лозой, о том, как Он останется с нами, затем он прочитал историю основания раннехристианской церкви. Это придало ему легкости. Он читал доктринальные послания и, чувствуя бремя греха так, как это было у него, не спотыкался об эти жесткие доктрины, как это делают некоторые по эту сторону океана. Он

прочитал эту историю, это чудесное откровение о Новом Иерусалиме, сходящем с небес от Бога, доме всех тех, кто верит в Иисуса, когда они восстанут и встретятся с ним.

Ах, это была книга для него! Он прочитал в книге, что они не должны забывать собираться вместе в первый день недели, как, возможно, принято у некоторых и в этой стране, и в первый день их недели, который, что удивительно, совпадает с нашей христианской субботой, он собрал своих соседей в своем собственном доме, чтобы послушать, как он читает из “чудесной книги”. Он научил свою жену читать, что странно для индуса, поскольку раньше они никогда не учили своих женщин читать, но он научил ее читать, чтобы она могла читать из “Книги.” Он научился этому“, - когда вы молитесь так, вы должны говорить: ” Отче наш, сущий на небесах“, и, собираясь таким образом в каждую субботу, они после прочтения Слова присоединялись к повторению этой молитвы. Прошло несколько лет, и этот человек умер. Когда он умирал, он сказал своей жене, что они не должны сжигать его тело, как это обычно делают индусы, но похоронить его, поскольку Христос был похоронен, что они не должны совершать никаких языческих церемоний над его могилой, но прочитать из вашей Книги ”и повторить вам молитву” и оставить его там с Богом; ибо, как Христос воскрес из мертвых, так и он однажды воскреснет и встретится с этим Христом на небесах. В первый день недели его жена продолжала читать людям эту книгу. Прошли еще годы. Наконец, в деревню, примерно в пятнадцати милях от этого места, пришли два миссионера. Они проповедовали там людям, поскольку впервые предположили, что слышали о Христе и его спасении, когда двое мужчин, случайно оказавшихся там, на рыночной площади, вышли вперед и сказали: “Ну, господа, то, что вы говорите, в точности соответствует тому, чему учил человек из Книги в нашей деревне”. Они спросили об этом и узнали историю. Они отправились туда и обнаружили, что во всех смыслах и целях была основана маленькая церковь Иисуса Христа. Это сделала Книга. Конечно, они не принимали ни крещения, ни Вечери Господней, но в их сердцах была та жизнь, которая была крещением Святым Духом. Книга показала, что это можно понять и произвести нужный эффект.

Это было среди низших; как среди высших классов, у которых есть Веды с их более чистыми учениями, у брахманов Индии? Как эта Библия работает среди них? Приспособлена ли она для удовлетворения их ощущаемых потребностей?

Около пятнадцати лет назад я предпринял долгое пятимесячное путешествие по родному королевству, которое, насколько я мог узнать, никогда прежде не посещал ни один миссионер и где Священные Писания никогда не распространялись. Я предпринял это путешествие, направленное на изучение и распространение Библии, за счет Американского библейского общества. Нас предупредили, что мы встретимся с опасностями и трудностями. Мы действительно встречались с ними в изобилии; но по пути Учитель подавал нам такие ободряющие знаки своего присутствия, что мы были готовы идти дальше. Нас предупредили, чтобы мы не уезжали из-за опасности, и сказали, что все мы никогда не доберемся домой живыми; но я прочитал в своем поручении: “Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари”. Там не было сказано “кроме Хайдарабада”, и, полагая, что мое поручение будет выполнено, я отправился туда, взяв с собой четырех помощников-туземцев. Я хорошо помню одну субботу, когда мы попытались пересечь широкую реку на лодках-корзинах, и нас унесло вниз по течению на три мили. Наконец мы добрались до берега, но задержались так надолго, что добрались до города, где хотели переночевать, только в полночь субботней ночи. Разбив лагерь за городом, мы провели остаток ночи. Субботним утром в нашем лагере мы провели молитвенное собрание, я и четыре местных проповедника и сопровождающих, читая из Слова

Божьего и рассуждая о силе и благодати Христа; а во второй половине дня мы подумали, что, хотя мы намеревались отдохнуть в эту субботу, мы должны пойти на базар и рассказать людям об этом божественном слове. Мы пошли. Вокруг нас собралась большая аудитория. Мы проповедовали им о Христе и его спасении. Мы раздали им Священные Писания и трактаты и вернулись перед заходом солнца в наш лагерь, намереваясь лечь отдохнуть очень рано, поскольку, по нашему обыкновению, мы должны были отправиться в путь в половине пятого следующего утра, как обычно; когда еще до захода солнца из города вышла группа мужчин с книгами в руках, говоря нам: “Господа, это такие замечательные новости, которые вы нам сообщили, не могли бы вы, пожалуйста, вернуться и еще немного поговорить с нами об этом? Идея о способе избавиться от греха самостоятельно, с помощью божественного Искупителя! Это замечательно! Пожалуйста, вернись и расскажи нам об этом еще немного”. Мы вернулись. Рыночная площадь была устлана индийскими и персидскими коврами, а также подушками, на которых мы могли сидеть, потому что они сказали, что хотят, чтобы мы говорили дольше, чем сможем выдержать. В первый этаж были вбиты колья, на которых висели маленькие местные лампы, которые зажигались, когда темнело, потому что они сказали, что хотят, чтобы мы разговаривали еще долго после того, как стемнеет. Они заставляли нас читать и разговаривать до десяти часов вечера и не отпускали нас. Когда, наконец, мы сказали им, что они должны позволить нам отдохнуть, так как мы очень устали и должны были отправиться в путь рано утром, они разрешили нам уйти, и мы пошли и прилегли отдохнуть.

В половине пятого утра мы встали, наши повозки были упакованы, и мы уже собирались тронуться в путь, когда из города прибыла депутация с книгами в руках, кое-где перевернутыми листами; они сказали, что читали книги всю ночь напролет, потому что были уверены, что у них больше никогда не будет возможности задать о них вопросы; и это были такие странные новости, и такие хорошие, если они правдивы, они хотели убедиться, что все поняли, и они пришли задать несколько вопросов, прежде чем я начну. Я сказал своим помощникам-туземцам: “Продолжайте. Насколько я понимаю, в трех милях к северу отсюда находится город Пебери. Поскольку вы идете пешком, а у меня есть лошадь, вы идете дальше, а я остановлюсь и отвечу на эти вопросы, а затем поскачу галопом так быстро, как только смогу, и догоню вас. Если ты доберешься туда раньше меня, иди в город и предложи Священные Писания и трактаты на продажу”. Они пошли дальше; я остановился и ответил на вопросы. Они задали очень много серьезных вопросов. Когда я попытался сесть на лошадь, они положили руки мне на плечо и сказали: “Нет, сэр; вы не можете уехать, пока не ответите еще на несколько вопросов”. Я ответил еще на несколько вопросов и попытался снова вскочить на лошадь и ехать дальше, так как мне не хотелось оставлять своих помощников-туземцев одних встречать опасность, если таковая существовала, и я хотел поспешить дальше. Б.Т. Они сказали: “Нет, сэр; ответьте еще на несколько вопросов; пока не уходите”. Я пробыл там три четверти часа, а затем вышел вперед, чтобы присоединиться к своим помощникам. Я поскакал галопом так быстро, как только мог, и когда я приблизился к городу Пебери, который был обнесен стеной с воротами, я увидел, что мои помощники-туземцы выезжают из города в сопровождении нескольких туземцев. Говоря на тамильском языке, который не был понятен тамошним людям, я сказал им: “Неужели они не позволят вам поехать в город? Неужели они не позволят вам проповедовать? Не могли бы вы выбросить какие-нибудь книги?” “Да, сэр, - сказали они, “ мы проповедовали перед чрезвычайно заинтересованной аудиторией, и когда мы предложили нашу книгу и трактаты для .на распродаже они купили все до единого; у нас не осталось ни одного. Они заплатили за все и

хотели еще. Мы сказали им, что у вас в седельных сумках полно книг, и они приехали сюда, чтобы встретиться с вами и купить еще книг.

Повернувшись к ним, я сказал на их родном языке телугу: “Братья, у меня много книг, вы получите все, что захотите. Но сначала давайте вернемся в город, и я расскажу вам еще кое-что об этой замечательной новости”. Мы вернулись в город. Я увидел, что они были главными людьми этого места. Там, на площади перед воротами, был помост, на котором восседали старейшины города и управляли делами города, как в древние еврейские времена. Они сопроводили меня к этой платформе и пожелали, чтобы я сел рядом с ними. Поскольку я предпочитал стоять и говорить, чтобы меня могла слышать большая аудитория, они сказали, что тоже встанут, потому что не хотели сидеть, пока их учитель стоит, это было бы невежливо. Стоя там, я снова провозгласил им Евангелие вечной жизни через Иисуса Христа. Закончив говорить, я снял с лошади свои седельные сумки и предложил им книги, и все сразу бросились за ними. Я раздавал книгу за книгой, и они продолжали давить на меня, пока все книги не закончились, и тогда сорок рук с деньгами в них легли на плечи тех, кто стоял перед ними, и они сказали: “Вот, сэр, берите сколько вам угодно денег, только дайте мне книгу, в которой рассказывается о божественном Отце, о котором вы нам рассказывали”. “Дайте мне книгу, в которой рассказывается об Иисусе Христе и его спасении”. “Дайте мне книгу, в которой рассказывается о небесах и о том, как я могу туда попасть”. “Берите сколько угодно денег, только дайте мне книгу”. Я сказал им: “Братья, мне очень жаль, я не знал, что здесь так много образованных людей и что потребуется так много книг. У меня целая тележка книг, которые были отправлены заранее, и я мог бы остановить их, чтобы вы могли купить все, что захотите”. Они спросили: “Как далеко отъехала тележка?” Судя по времени, я сказал, что она, должно быть, проехала около трех миль. Они сказали: “Если мы поедem дальше и догоним телегу, вы остановите ее и дадите нам купить книги?” “Конечно”, - сказал я. Они сразу же назначили делегацию для покупки книг. Было назначено пятеро. Пока я говорил, я особенно обратил внимание на двоих, которые стояли на помосте почти передо мной: брахмана с почтенными седыми волосами и благородным лбом, очень вежливого и интеллигентного джентльмена, и его сына, как я судить по его лицу, стоявшего рядом с ним. Они время от времени прерывали меня, когда я проповедовал, говоря мне: “Подождите минутку, сэр, не могли бы вы объяснить этот момент немного подробнее? Это такие странные новости, что мы хотим быть уверены, что поняли их совершенно правильно”. Я объяснял суть, а затем продолжал, и вскоре они снова останавливали меня, задавая умные вопросы, стремясь понять все, что я говорю. Они были в числе депутации, которая была назначена для продвижения вперед. Люди суют им в руки деньги, и каждый говорит им: “Не забудьте купить мне книгу”. “Купите мне книгу, в которой рассказывается об Иисусе и его любви”. “Купи мне одну из тех книг, в которых рассказывается о Создателе, божественном Отце, который любит нас”. “Купи мне книгу, в которой рассказывается, как я могу избавиться от груза своих грехов”. Поэтому они заказали их и отправили. Мы выехали за городские ворота и свернули на тропинку, по которой до моих повозок ехали туземные повозки с деревянными колесами, запряженные молодыми буйволами.

Некоторое время мы шли, они задавали серьезные вопросы, а я отвечал им, когда они сказали: “Сэр, мы едем не быстрее повозок; не могли бы вы проехать галопом, обогнать повозки и остановить их, а потом вы должны поговорить с нами еще немного”. Я пришпорил свою лошадь и поскакал дальше. Я проехал, наверное, миль с четвертью и попал в густые джунгли, которые отделяли этот город от следующей деревни, и поднимался по небольшой извилистой проселочной дороге через джунгли, когда услышал шаги могучей лошади, приближающейся ко

мне сзади. Меня предупредили, что именно в таком месте я буду убит. Решив, что всегда безопаснее смотреть в лицо опасности, если она есть, я остановил лошадь, обернулся и стал ждать приближения. Вскоре из-за поворота дороги я увидел приближающегося могучего арабского всадника с седлом и уздечкой, украшенными серебряными и золотыми украшениями. На всаднике был тюрбан с отделкой из золотого кружева, на шее - жемчужное ожерелье, а куртка из индийского атласа была перевита нитями металлического золота. Он быстро поскакал дальше и, по-видимому, собирался проехать мимо меня, когда увидел меня и, остановив свою лошадь почти на дыбы, спросил: "Вы тот человек, который был в моем городе сегодня утром с этим странным учением?" Я сказал: "Я был в городе Пебери, сэр". Нам сказали, что этот город был летней резиденцией мелкого раджи, феодала низама Хайдарабада, но что в это время года раджа находился в своей другой столице. Он сказал мне, поскольку это был сам раджа: "Я приехал вчера поздно вечером из моей другой столицы. Я полагаю, люди не знали, что я был там. Я пришел вчера поздно вечером или рано утром, и мы не шевелились, когда ваши люди пришли так рано. Я полагаю, что это были ваши люди, которые пришли на рассвете с книгами; но некоторые из моих придворных зашевелились и купили несколько книг и принесли их во дворец, а мы были так заняты чтением книг, что не знали, что на улицах было второе собрание. Жаль, что я не знал этого; я бы послал и попросил тебя прийти во дворец, чтобы рассказать нам новости там; но когда ты ушел, они принесли несколько книг побольше, сказав, что сам белый человек был там и дал им эти книги, и мне так не терпелось увидеть тебя, что я приказал своему самому быстрому коню и, как видишь, выехал на всех своих придворных, чтобы догнать тебя. Теперь расскажи мне все об этом. Это правда? Есть ли Спаситель, который может спасти нас от нашего греха?" Мы поехали дальше вместе, я на маленьком тощем деревенском пони, который обошелся мне в тридцать долларов, глядя на него снизу вверх на его великолепном арабском скакуне стоимостью в тысячу долларов, и, пока я бежал, разговаривая с ним, я не мог не думать о Филиппе и евнухе и, полагаю, пытался так же искренне, как Филипп, рассказать моему спутнику о Том, о ком говорил Моисей в законе и пророки, даже об Иисусе из Назарета, Спасителе всех в мире, кто поверит в него.

Мы обогнали повозку. "А теперь," сказал он, - дайте мне по экземпляру каждой вашей книги. Мне все равно, что вы попросите; я заплачу за них". Открывалась одна коробка за другой. Он достал книгу размером с небольшую Библию, стоящую на кафедре, и спросил: "Что это за книга?" "Это Святая Библия, Сатья Веда, или Истинная Веда, на языке телугу" - языке, на котором мы разговаривали. "Дай мне это". Оно упало на землю. Он взял другое, в треть меньше. "Что это?" "Это Новый Завет на канареечном языке". "Дай мне это", - и он опустил. "Что это?" - взялся за другой. "Это Новый Завет на языке хиндустани". "Дай мне это. Что это?" "Это Новый Завет на тамильском языке". "Дай мне это. Что это?" "Это Новый Завет на языке маратхи. Но," сказал я, "вам не нужны все они, потому что этот большой содержит все это. Эти другие содержат часть, безусловно, лучшую часть большого, на разных языках. Но это одно и то же, стих в стихе и слово в слово, только все на разных языках. Вы лучше всех знаете язык телугу. Если вы возьмете большую книгу на этом языке, у вас получится целое", потому что я хотел сохранить некоторые из них для дальнейшего использования в моем путешествии. "Нет," - сказал он, - если бы вы были здесь, чтобы я мог задавать вопросы, мне было бы достаточно этого большого письма; но вас здесь не будет, поэтому мне не к кому будет задавать вопросы, и я возьму его и прочту на языке телугу, и, возможно, я не совсем его пойму; тогда я запишу его на канарецком языке, потому что я могу прочитать его так же хорошо, и оно будет немного по-другому выражено, и, сравнив их, я пойму его. Если нет, то я прочитаю это на языке хиндустани,

или на маратхи, или на тамильском языке, и, сравнив четыре или пять, я смогу понять все это. Мне все равно, что вы за них попросите, только дайте мне книги. Я заплачу за них”. И он взял их.

Тем временем подошла депутация. Я обнаружил, что Брамин, на которого я обратил особое внимание, был премьер-министром раджи, его генеральным менеджером, или Мантри, как они называют это в Индии, и сын получал образование, чтобы стать его преемником на этом посту. Все они задавали серьезные вопросы и заставляли меня отвечать вопрос за вопросом и объяснять содержание книг в течение часа и трех четвертей, пока они не позволили мне запрячь моих волов и продолжить путешествие. Когда они купили и оплатили свои книги и, наконец, согласились, чтобы я продолжил свое путешествие, я попрощался с ними. Но, продолжая свой путь, мы не могли не думать о них и их серьезных вопросах и гадали, принесли ли какую-нибудь пользу, сказанные таким образом. Однако мы продолжали путь и, наконец, через пять месяцев вернулись в свои дома, конечно, пораженные болезнью, которой подхватили в тех джунглях, но все мы были живы. Мы вернулись в свои дома, но все равно не могли забыть этих людей. Мы задавались вопросом, будут ли в этом городе, где они так радостно встретили нас и слышали, как мы проповедуем Христа, какие-нибудь плоды от посеянного нами семени. Три года прошли для меня годами болезни в результате этого путешествия. Мы все еще думали о них и молились за них, когда Господь позволил нам услышать от них новости. Путешественник, пришедший этим путем, не случайный путешественник; ничто никогда не происходит случайно. Бог повелел, для укрепления моей веры, а возможно, и вашей, чтобы путешественник спустился по этой нечастой дороге и чтобы его настигли ночью в том самом городе Пебери. Он был полукровкой, наполовину португальцем, наполовину индусом. Он остановился в доме отдыха, построенном для путешественников, у городских ворот. Вечером того же дня Мантри, премьер-министр раджи, услышав, что в городе появился незнакомец, вышел ему навстречу и сказал: “Незнакомец, ты, кажется, пришел издалека; ты знаешь что-нибудь о людях, которых они называют христианами?” “Да, я сам такой”. “А ты? Я рад этому. Незнакомец, знаешь ли ты что-нибудь о белом человеке, который проходил здесь три года назад, в августе месяце, с книгой, которую он назвал “Истинная веда”, рассказывающей о божественном Искупителе, которого он называл Есу Крису?” “Да, доктор Чемберлен - единственный миссионер, который когда-либо бывал здесь. Он прошел этим путем около трех лет назад”. “Вы его знаете? Вы когда-нибудь видели его? Жив ли он сейчас и увидите ли вы его когда-нибудь снова?” “Да, я встретил его много лет назад далеко на севере, и примерно через месяц я буду проезжать в тридцати-сорока милях от того места, где он сейчас живет”. Он сказал: “Если ты подойдешь к нему так близко, то сверни со своего пути и найди его, потому что я хочу, чтобы ты передал ему послание. Скажите ему, что с того дня, как он появился здесь, ни мой сын, ни я никогда не поклонялись идолу. Скажите ему, что каждый день мы читаем в том Новом Завете, который он оставил нам, и каждый день мы преклоняем колени и молимся тому Есу Крису, о котором он нас учил, и скажите ему, что благодаря Его заслугам мы надеемся встретиться с ним на небесах. Скажите ему, что раджа каждый день читает Библию в своем дворце, и мы думаем, что он тоже в глубине души верит в Иисуса. Скажи ему, что мы надеемся встретиться с ним со временем, когда сможем рассказать ему все о том, что мы спасены, потому что он пришел сюда и принес нам эти Библии. Передай ему это послание, потому что это пойдет ему на пользу”. И это пошло мне на пользу. Когда я услышал это послание, я забыл о трудностях и опасностях этого путешествия. Я забыл, как ночью нас окружали тигры, как мы поддерживали яркий огонь в лагерных кострах, пока мы слышали, как они выискивали добычу в джунглях вокруг нас. Я забыл, как меня унесло в реку. Я забыл, как нас охватила лихорадка джунглей и как

нас бросили все наши кули. Я подумал об искупленных душах и населенных небесных обителях и сказал: “Если в той единственной деревне Библия сделала это, то почему не в сотнях других деревень, где мы это оставили?” Да, мне кажется, я вижу толпу, собравшуюся вокруг великого белого трона, и, возможно, среди этой толпы кто-нибудь из этих смуглых сынов или дочерей Индии подойдет к одному из вас и, схватив вас за руку, скажет вам: “Брат, сестра, вы отдали этот доллар Американскому библейскому обществу, которое напечатало Библию, которая приехала в Хайдарабад и рассказала мне, как достичь небес”. “Дитя мое, ты отдала десять центов тому, кто напечатал Новый Завет, в котором говорилось, как попасть на небеса”. И в этот радостный час пожалеет ли мы когда-нибудь, кто-нибудь из нас, о том, что так много сделали для нашего Учителя? Не лучше ли нам было бы взяться за руки, чтобы послать это Слово Божье в каждый дворец и каждую хижину на всем земном шаре?

Меняет ли эта Библия характер и жизнь тех, кто ее принимает? Я хотел бы отвести вас в маленькую деревушку недалеко от моего места жительства, где всего восемь месяцев назад все приняли христианство, и где первосвященник близлежащего храма тайно пришел ко мне в мою палатку и спросил: “Сэр, не могли бы вы, пожалуйста, поделиться со мной секретом; что именно придает вашей Библии такую власть над жизнями тех, кто ее принимает? Прошло всего восемь месяцев с тех пор, как эти люди присоединились к вам. До этого они были сварливыми, они были буйными, они были ленивыми, они были бездельничающими, а теперь они активны, они энергичны, они трудолюбивы, они никогда не пьют, они никогда не ссорятся. Да ведь, сэр, я присоединился к преследованиям, когда они стали христианами, и пытался искоренить христианство до того, как оно закрепилось здесь, но они выстояли, и теперь во всем регионе все люди уважают и почитают их. Что именно придает Библии такую власть над жизнями тех, кто ее принимает? Наши Веды не обладают такой властью. Пожалуйста, сэр, раскройте мне секрет”.

Поддерживает ли это своих получателей? Нашим первым обращенным в новом регионе, в стране Телугу, куда я отправился в 1863 году, был молодой брамин. Мы знали, что ему грозила опасность быть убитым, и пытались охранять его. Но через некоторое время его заманили в ловушку и увезли за сто миль в город, где жили его родственники. Он был замурован в тесной комнате. Ему не оставили ничего, кроме ткани вокруг чресел. В комнате не было ничего, кроме травяной циновки, на которой он мог лечь, и нечем было его прикрыть. День за днем ему клали туда совсем немного риса и соли, ровно столько, чтобы сохранить тело и душу вместе, и ему говорили, что он никогда не выйдет оттуда живым, если не отречется от своих новомодных доктрин и не вернется к ортодоксальному индуизму. Его дед, богатый человек, предложил половину своего состояния браминам, если они обратят его в свою веру. Они пригласили логиков, риториков и священников со всего региона, чтобы поспорить с ним. Они забрали у него Библию. Они спорили с ним и держали его несколько месяцев. Наконец он сбежал и вернулся к нам, весь кожа да кости; он потерял всю свою плоть, но не утратил своей веры в Иисуса и своей любви к этой Библии. Он никогда не отрекался от Него. Год спустя мы встретились с его дядями, которые заключили его в тюрьму. Они сказали нам: “Господа, что такого есть в вашей Библии, что придает такую силу и мужество тем, кто принимает ее? Теперь этот наш племянник был прямо в нашей власти. Мы сказали ему, что он никогда не должен уйти живым, если только не отречется от христианства, а не было никакой вероятности, что он это сделает. Он ожидал умереть там от голода, но, господа, каждый день, кто бы там ни был, он преклонял колени в своей камере и молился этому Есу Христу, божественному Искупителю, которого он называл Богом, и когда он воскрес, с ним ничего нельзя было поделать. Вы никогда не видели такого упрямого парня. Что заставляет эту Библию вселять такое мужество в тех, кто ее принимает?”

Подавляет ли эта Библия сопротивление? Она действует быстро и мощно. Я хотел бы, я мог бы перенести вас в сцену в том же королевстве Хайдарабад, свидетелем которой я был четырнадцать лет назад. Там, в городе, обнесенном стеной, с населением 18 000 человек, люди собрались в толпу, чтобы выгнать нас, потому что мы пытались говорить о другом Боге, отличном от их. Мы пошли на рыночную площадь, и я попытался проповедовать им о Христе и его спасении, но они не хотели слушать. Они приказали нам немедленно покинуть город, но я отказался уезжать, пока не передам им свое сообщение. Толпа заполняла улицы. Они сказали мне, что если я попытаюсь произнести еще хоть слово, я буду убит. Было 110 спасателей; они закроют городские ворота, и никогда не должно распространиться никаких новостей о том, что было сделано. Я видел, как они разрывали брусчатку и набивали ею руки, чтобы быть готовыми, и один говорил другому: “Ты брось первый камень, а я брошу следующий”. С помощью хитрости, на которой мне не нужно останавливаться, чтобы подробно описать, мне удалось получить разрешение рассказать им историю, прежде чем они побьют меня камнями, а потом они могли бы побить меня камнями, если захотят. Я рассказал им историю всех историй, о любви божественного Отца, который сделал насодной крови, который так возлюбил мир, что отдал Своего единородного Сына, дабы всякий верующий в него не погиб, но имел жизнь вечную”. Я рассказал им историю о рождении в яслях в Вифлееме, о том чудесном детстве, о той чудесной жизни, о тех чудесных деяниях, о милостивых словах, которые он произнес. Я рассказал им историю креста и изобразил в наглядных словах, которые Учитель дал мне в тот день, историю нашего Спасителя, распятого на кресте за них, за меня, за весь мир, когда он взывал в агонии: “Боже мой, Боже мой, почему ты оставил меня?” Когда я сказал им это, я увидел, как люди пошли и бросили свои камни на улице и вернулись, и по щекам тех самых людей, которые громче всех требовали моей крови, я увидел слезы, текущие и капающие на камни, которые они разорвали; и когда я закончил историю и рассказал им, как он был положен в могилу и через три дня вышел победителем и снова вознесся на небеса, и что там он всегда живет, чтобы ходатайствовать за них, за нас, за весь мир, и что благодаря его заслугам каждый из них был похоронен. там собравшиеся могли получить отпущение грехов и вечную жизнь, тогда я сказал им, что закончил свою историю, и теперь они могут побить меня камнями; но нет, они не хотели побивать меня камнями сейчас. Они вышли вперед и купили восемьдесят экземпляров Священных Писаний, Евангелий и трактатов и заплатили за них деньги, потому что хотели больше узнать об этом чудесном Спасителе, о котором я им рассказал.

Что говорят о Библии наши враги, эти остроумные брахманы, которые знают свои собственные Веды со всеми их красотами и способны судить о том, что они читают? Что говорят об этой книге наши враги? Я приведу вам свидетельство одного из их брахманов, не христианина.

Я читал образованным людям серию лекций на тему “Моя религия” об их Ведах и христианских Писаниях, сравнивал и противопоставлял их. Я показал им цитатами из их Вед и Шастр, что их священные писания указывают на единого Бога, чистого, святого и благого, создателя, хранителя и повелителя всего сущего; что их священные Писания указывают на человека в состоянии греха и восстания против этого святого Бога. Я показал им, что их Веды указывают на тот факт, что грешный человек не может быть в мире со святым Богом до тех пор, пока этот грех не будет каким-то образом изгнан. Я показал им, что их Священные Писания подвели человека к краю пропасти, которая зияла между грешным человеком и безгрешным Богом, и оставили его там тоскующим. на краю, стремящимся преодолеть, но не имеющим средств перехода; что

христианские Священные Писания, указывающие на Бога как на Бога чистоты и святости, а на человека в состоянии греха, привели человека к краю той же пропасти, но что они, в Иисусе Христе, Богочеловеке, и через него преодолели эту пропасть; что Иисус Христос, в своей человеческой природе покоящийся на стороне человека, в своей божественной природе на стороне Бога был перекинут мост через пропасть, и что мы все могли бы перейти ее, сбрасывая свои грехи в пропасть по пути, и быть в мире с Богом. На той заключительной лекции царила глубочайшая тишина. Аудитория была переполнена, и в открытых окнах, низко опущенных книзу, виднелись головы тех, кто стоял снаружи и жаждал услышать. Там не было ни одного христианина, кроме моей певческой группы; все они были язычниками. Когда я закончил, вознеся короткую молитву Богу истины, чтобы он привел всех нас к пониманию истины, какой бы она ни была, и поднялся, взяв свою книгу, чтобы уйти, брамин из аудитории попросил разрешения сказать несколько слов. Я сказал себе: “Сейчас будет трудная дискуссия, потому что этот человек - самый образованный человек в зале и лучший рассуждатель во всем этом регионе. “Но я был полон решимости стоять на своем, потому что у меня были резервные боеприпасы, которые я еще не использовал. Я ожидал, что он нападет на позицию, которую я занял, но вместо этого он произнес одну из самых прекрасных речей, которые я когда-либо слушал на любом языке. Я привожу несколько предложений, чтобы показать вам, что он думал о христианских Писаниях. Он сказал:

“Взгляните на то манговое дерево вон там, на обочине дороги! Его плоды приближаются к зрелости. Приносит он эти плоды для себя или ради собственной выгоды? С того момента, как первые спелые плоды поворачиваются своими желтыми боками к утреннему солнцу, и до тех пор, пока не будет сорвано последнее манго, на него обрушивается град палок и камней от мальчишек, мужчин и каждого прохожего, пока он не останется без листьев, с обломанными ветками, кровоточащими от множества сломанных сучьев и грудями камней под ними, а дубинки, застрявшие в его ветвях, - единственные трофеи от его радостного урожая фруктов. Разочарован ли он? Перестает ли он приносить плоды? Говорит ли он: ‘Если я буду бесплоден, никто не будет бросать в меня камни, и я буду жить в мире? Вовсе нет. В следующем сезоне снова появляются распускающиеся листья, красивые цветы, нежные плоды. Снова его забрасывают, ломают и ранят, но он продолжает плодоносить, и дети детей забрасывают его ветви и наслаждаются его плодами.

“Таков тип этих миссионеров. Я хорошо наблюдал за ними и увидел, что они собой представляют. Зачем они приезжают в эту страну? Что побуждает их покинуть своих родителей, друзей и страну и приехать в этот, для них нездоровый, климат? Они приезжают ради выгоды? Некоторые из нас, сельских клерков в Государственные учреждения получают зарплату больше, чем они. Это ради легкой жизни? Посмотрите, как они работают, а потом скажите мне. Нет; они стремятся, подобно манговому дереву, приносить плоды на благо других, и это тоже, несмотря на грубое обращение со стороны тех, кому они приносят пользу.

“Итак, что заставляет их делать все это для нас? Это их Библия. Я много раз изучал это на разных языках, которые мне довелось знать. На всех языках это одно и то же. Во всех наших священных книгах нет ничего, что могло бы сравниться с Библией по добру, чистоте, святости, любви и высоким мотивам поступков.

“Откуда англоговорящие люди взяли весь свой интеллект, энергию, сообразительность и могущество? Это их Библия, которая дает им это. И теперь они приносят это нам и говорят: “Это то, что подняло нас; возьмите это и поднимитесь сами!” Они не навязывают это нам, как мусульмане сделали со своим Кораном, но они приносят это с любовью, переводят на наши языки и кладут перед нами, говоря: “Взгляните на это; прочтите это; изучите это и убедитесь, что это нехорошо”. В одном я убежден: что бы мы ни делали, как бы ни противодействовали этому, именно Библия христиан рано или поздно приведет к возрождению этой земли”.

“Воистину, их скала не такая, как наша, даже наши враги сами являются судьями”.

У Библии всегда были свои враги; так же как и у всего хорошего, как в моральном, так и в физическом мире. Во времена Фултона мудрецы его времени убедительно доказали, как они думали, что его изобретение парохода ничего не стоит и что оно не может работать. Но когда в утро, назначенное для испытания, берега Гудзона были заполнены взволнованной толпой, пришедшей посмотреть на испытание; когда включили пар, завертели колеса и лодка заскользила прочь, прорезая себе путь по спокойным водам реки, с берега донеслись крики, крики, и окна и крыша разорвали небо. Какое им было дело до демонстраций мудрецов? Пароход работал, и этого было достаточно.

Итак, мы позволим так называемым мудрецам наших дней доказать к их собственному удовлетворению, что Библия ничего не стоит; но до тех пор, пока она действует, спасая, возвышая человечество, заставляя нравственную пустыню цвести подобно розе, мы будем стоять рядом с ней, да поможет нам Бог! На него и раньше нападали, и он пережил их. В конце прошлого века были те, кто, продемонстрировав, по их словам, что это устаревшее, ущербное и изнеженное средство, пророчествовали, что до середины нынешнего столетия его можно будет найти только на полках антикварных магазинов, но, тем не менее, оно работает. И в то время как ваше существование и ваши имена, о враги Библии, стираются из памяти человечества, Библия, которую вы презирали, переведенная с вашего времени еще на 150 языков, распространяется по миру, завоевывая и будет завоевывать, пока вся земля не будет подчинена ее власти.

Друзья, у нас есть эта Библия. Это наше бесценное наследие. Давайте читать ее больше. Давайте больше изучать ее. Давайте больше любить ее. Давайте жить этим больше и давайте объединим усилия с этим Обществом, чтобы подарить это всему миру, каждому существу.

ПОДТВЕРЖДЕННЫЙ ВЕТХИЙ ЗАВЕТ

Автор:

Преподобный Т. В. Чемберс, доктор медицинских наук

АРГУМЕНТ ТРАКТАТА

Ценность Ветхого Завета, некогда чрезмерно превозносимая, в последние годы прискорбно принижена. Это неразумно, потому что две части Библии принадлежат друг другу, и каждая из них необходима для надлежащего понимания другой. Свидетельство критика Гердера и

Джорджа Борроу. Ветхий Завет ценен своей правдивой историей, беспристрастными биографиями, ритуальными видами искупления и сокровищницей лирической преданности. Следовательно, она была принята вселенской церковью во все века как неотъемлемая часть Священного Писания.

Его этические нормы абсолютно совершенны, и возражения против этого лишь кажущиеся. Истребление хананеев было необходимым и справедливым. Закон талионис не оправдывает личную месть. Полигамия и внесудебный развод были временно разрешены только для того, чтобы избежать худшего зла. Рабство было ограничено и модифицировано, хотя и допускалось с учетом обстоятельств. Было сделано все возможное для бедных, беспомощных и даже для грубых созданий. Грехи народа Божьего никогда не смягчаются и не оправдываются. Рассматриваются дела патриархов Раав и Иаиля, Иеффая, Самсона и Давида. Они демонстрируют не неправильные этические принципы, а несовершенное применение истинных принципов, изложенных в Десятизаконии и в других местах. Иллюстрация взята из опыта современных миссий. Эти записи все еще используются для обучения людей.

ПОДТВЕРЖДЕННЫЙ ВЕТХИЙ ЗАВЕТ

Во времена Реформации принцип, согласно которому Священное Писание является высшим авторитетом для веры и практики, часто применялся настолько, что Ветхому Завету отдавалось больше, чем ему по праву полагается. Люди настаивали на том, что вся совокупность истин, открытых в Новом Завете, существовала в Ветхом, и что патриархи обладали точно таким же знанием о спасении, как и апостолы, так что тексты доказательств по всем пунктам учения можно было почерпнуть как из одного, так и из другого. Такая крайность, естественно, вызвала реакцию, и появились люди, утверждавшие, что еврейская религия - это система сама по себе, не имеющая никакой связи с христианской, кроме местного происхождения и хронологической преемственности. По существу, такова была точка зрения Шлейермахера. И с тех пор она часто проявлялась там, где ее меньше всего ожидали. Даже в православных общинах встречаются те, кто обычно пренебрежительно относится к еврейским Писаниям. Иногда они утверждают, что Ветхий Завет содержит так много грубого и отталкивающего, что это непосильное бремя. В других они заявляют, что это устарело и что от него сейчас не больше пользы, чем от света ламп после восхода солнца. Серьезные возражения были высказаны даже против уроков воскресной школы "Международной серии", потому что многие из них взяты из этой части Священного Писания, точно так же, как если бы наш Господь никогда не говорил: "Спасение от Евреев" или "Если они не слушают Моисея и пророков, то и воскресший из мертвых не убедит их".

Выпуск .Revised Version, естественно, привлекает внимание к этой пагубной ошибке, и, по-видимому, стоит изложить истинное положение дел. Любое понятие подобного рода, о котором идет речь, является прямым отражением божественного Автора Библии. Ему нравилось раскрывать свою волю "разными частями и разными манерами", так что это должно было быть постепенным развитием, проходящим через долгую череду эпох. Однако это было сделано не так, как это было сделано Мухаммедом, мормонами и другими людьми, претендующими на вдохновение, для которых второе раскрытие было отменой первого. Напротив, вся схема последовательна и представляет собой последовательное утверждение истины и долга, причем первая часть предсказывает, предвосхищает или намекает на последнюю, а вторая подразумевает и основывается на первой, так что ни на мгновение нельзя притвориться, что последующая часть является запоздалой мыслью, предназначенной для исправления того, что

было сделано раньше, или для заполнения непреднамеренно оставленных пробелов. Очевидно, что один руководящий разум правил конструкцией и взаимоотношениями обеих частей. И эти две части не могут быть разделены без насилия и ущерба. По этому поводу уместно процитировать слова ученого Г. Ф. Элера: “Мы не должны позволять вводить себя в заблуждение. Отношение Нового Завета к Ветхому таково, что оба стоят или падают вместе. Новый Завет предполагает существование ветхозаветного закона и пророчества в качестве положительной предпосылки. У нас не может быть искупающего Бога Нового Завета без Творца и Бога завета, проповедуемого в Ветхом; мы не можем отделить Искупителя от предсказаний, которые он пришел исполнить. На самом деле ни одна идея Нового Завета полностью не изложена в Ветхом Завете, но происхождение всех идей Нового Завета, касающихся спасения, лежит в Ветхом.” (“Теология Ветхого Завета”, Дневное издание, стр. 2.) Все признают, что Новый Завет необходим для понимания Ветхого; но в равной степени верно, хотя и не столь общепризнанно, что Ветхий Завет необходим для понимания Нового. Спаситель, апостолы и евангелисты так часто ссылаются на предшествующее откровение, что любой читатель споткнулся бы, если бы у него в руках не было Моисея и пророков. Два Завета - это не одно и то же, ибо если бы они были, то почему их должно быть два? Но они не являются несвязанными, а тем более противопоставленными друг другу. Вместе они составляют одно непрерывное откровение, которое продолжается шаг за шагом от начала до конца и представляет собой упорядоченное и последовательное раскрытие зародыша, впервые данного у врат Рая. Отбрасывать или упускать из виду Ветхий Завет - значит лишать Библию ее полноты и упускать уверенность и утешение, которые возникают из ощущения еечудесного единства, одушевленного единой жизнью, хотя и изложенной при таких разных обстоятельствах и в такое разное время. Это значит забыть, что это один и тот же Дух, который использует истории, псалмы и пророчества более ранней экономики, а также Евангелия и послания более поздней, чтобы донести Слово Божье до людей. Это значит презирать то слово пророчества (то есть вдохновения), к которому одна из последних книг Нового Завета призывает нас “относиться, как к светильнику, сияющему в темном месте”, ясно подразумевая, что это откровение божественной воли, без которого мы не можем безопасно или законно обойтись. 2 Пет. 1:19.

То, что это мнение обусловлено не только доктринальными предрассудками, очевидно из высказываний прекрасного критика Гердера столетней давности в предисловии. Основой теологии является Библия, а основой Нового Завета - Ветхий. Невозможно правильно понять первое, не ознакомившись предварительно со вторым; ибо христианство произошло от иудаизма, и гениальность языка в обеих книгах одна и та же. И этот гений языка мы нигде не можем изучить лучше, то есть с большей правдивостью, глубиной, всеохватностью и удовлетворением, чем в его поэзии, и даже, насколько это возможно, в его самой древней поэзии. Это производит ложное впечатление и вводит в заблуждение молодого богослова, предлагая ему Новый Завет, исключая Ветхий, ибо без этого другой никогда не может быть понят ученым образом и удовлетворительно. В Ветхом Завете мы находим богатое сочетание истории, образных представлений, персонажей и декораций. В нем мы видим многоцветный рассвет, прекрасный восход солнца в его более мягком сиянии; в Новом Завете он стоит на самых высоких небесах в меридиональном великолепии, и каждый знает, какой период дня наиболее освежает и укрепляет естественный глаз чувств. Пусть тогда ученый изучит Ветхий Завет, даже если это будет всего лишь человеческая книга, полная древней поэзии, с родственным чувством и привязанностью, и так Новое откроется нам само по себе в своей чистоте, своим возвышенном величии, своей более чем земной красоте. Пусть человек соберет

в своем собственном уме обильные богатства первого, и он никогда не станет во втором одним из тех скупердеев, которые, бесплодные, без вкуса и чувств, оскверняют эти священные вещи ”. И это подтверждается независимыми свидетельствами, собранными в школе опыта. Мистер Джордж Борроу, много лет занимавшийся распространением Священных Писаний в зарубежных странах, делает это интересное и убедительное заявление в своей работе под названием “Библия в Испании”, впервые опубликованной в 1843 году, цитируя конец сорок восьмой главы: “К этому времени я сделал открытие факта, о котором было бы хорошо, если бы я знал тремя годами раньше. Я имею в виду нецелесообразность печатания Заветов, и только Заветов, для [римско]-католических стран. Причина проста: [римский] католик, непривычный к чтению Священных Писаний, находит тысячи вещей, которые он никак не может понять в Новом Завете, основой которого является Ветхий. Исследование Священных Писаний, ибо они свидетельствуют обо Мне, вполне может быть применено к этому вопросу. Можно ответить, что отдельные книги Нового Завета пользуются большим спросом и бесконечно полезны в Англии. Но Англия, благодарение Господу, не папская страна; и хотя английский рабочий может прочесть Завет и извлечь из него самые благословенные плоды, из этого не следует, что испанский или итальянский крестьянин добьется такого же успеха, поскольку он обнаружит много темных вещей, с которыми другой хорошо знаком и компетентен понимать, поскольку с детства знаком с библейской историей.

Немаловажно и то, что почти половина еврейских Писаний состоит из исторических материалов. Это не история в современном смысле этого термина, исследующая причины событий и объясняющая их на философских принципах, а скорее простая серия летописей, фиксирующих ход событий без каких-либо попыток проанализировать характеры, классифицировать результаты или вывести общие законы человеческого развития. Повествовательные части Ветхого Завета обычно рассматриваются скорее как материалы для изучения истории, чем как сама история. Но именно это отсутствие спекулятивных выводов и каких-либо попыток сформулировать общие законы, управляющие конкретными событиями, придает книге ее главную ценность. Это ни в коем случае не общая история человечества, и на самом деле она затрагивает мир в целом только в начале, когда говорится о происхождении расы, или ближе к концу, когда символические видения Даниила излагают революции империй, которые должны привести к царству, которому не будет конца. Это также не просто светская или гражданская история определенных народов. Большая часть повествования посвящена судьбе евреев как избранного народа, приверженцев единственной истинной религии, среди которых была основана церковь живого Бога, которая на протяжении долгих веков развивалась в условиях местных и церемониальных ограничений. Хроника ограничена описанием событий и, как таковая, является строго достоверной. Это действительно часто отрицалось, но без оснований. Беспристрастный отчет, рассказывающий о недостатках, а также о достоинствах авторов и расы, к которой они принадлежат, исключает идею преднамеренного извращения. Люди не выдумывают то, что их дискредитирует. Но летописи уникальны тем, что в них излагаются отношения Бога с народом, которого он избрал хранителем своей истины, и средствами ее сохранения до тех пор, пока не наступит время для ее распространения по всему миру. Далее следует обширная и непрерывная иллюстрация принципов божественного правления в применении к нациям. Авторы, похоже, действительно едва ли осознают это; по крайней мере, они никогда не останавливаются на размышлениях такого рода. Но все равно они излагают факты, которые показывают Божью руку в истории. Очень многие темы, занимающие большое место в произведениях современных писателей -

искусство, нравы, институты, социальные условия, литература и наука - полностью опущены, но религиозная идея никогда не отсутствует. Ибо люди находились под властью теократии; их настоящим монархом был Тот, Кто восседал на троне над херувимами. И все зависело от их отношения к нему и от их верности этому отношению. Следовательно, простая, безыскусственная хроника имеет особую ценность, поскольку представляет в деталях и в очень малом масштабе вечные принципы, которые правят миром и, несомненно, проявят себя в ходе развития крупнейших империй в любой части земли.

То же самое можно сказать и о биографии, очаровательной и поучительной литературе, повествующей о жизни конкретных людей. Ни одна нация, обладающая какой-либо степенью интеллектуальной культуры, не лишена своих сокровищ такого рода, но все они вместе взятые, независимо от эпохи и страны, не смогли бы восполнить недостаток воспоминаний, содержащихся в Ветхом Завете. Одна из причин этого кроется в беспристрастности отчета. Никакие личные, социальные, национальные предрассудки никогда не влияют на сознание автора. Он никогда не останавливается, чтобы похвалить предмет, который он рассматривает, или извиниться за то, что, безусловно, требует извинений. Обработка подобна бесцветному стеклу, которое пропускает получаемые лучи, не придавая им никакого оттенка. Не имеет никакого значения, какое положение занимает человек, или насколько он мог быть почитаем Богом или людьми, или в какой степени его доброе имя отождествляется с именем народа Божьего, зло в его жизни регистрируется так же верно, как и добро, и без каких-либо попыток смягчить вину. Такая абсолютная точность является или, по крайней мере, кажется невозможной в наши дни. Действительно, тенденция в другом направлении была настолько сильной, что породила вошедшее в поговорку выражение *theclues biographica*. Но в еврейских мемуарах человек оказывается лицом к лицу с реальными фактами, и мы видим человека таким, какой он есть, а не таким, каким его хотели бы видеть его родственники, друзья или соотечественники. Обе стороны его карьеры даны с одинаковой простотой и полнотой. Тот же почерк, повествующий о патриархе, который настолько силен в вере, что готов по Божьему повелению принести в жертву своего единственного сына, наследника обетований, повествует также о том, как в двух отдельных случаях из-за подлого страха он ложно притворялся, что его жена - его сестра. В той же книге, где описывается великодушие Давида у колодца у вифлеемских ворот, когда трое героев прорвались через гарнизон и достали для него вождельный напиток, приводится также отвратительная история его расправы с Вирсавией и Урией, печальный рассказ о нечистоте и пролитии крови. Чем внимательнее изучаются страницы этих записей, тем очевиднее становится, что перед читателем стоит сам настоящий человек, каким он предстает Тому, кто заглядывает в сердце и пробует поводья. Все приведенные факты не только правдивы, но и поданы так, чтобы произвести правильное впечатление, в чем наиболее беспристрастные и добросовестные из просто человеческих биографов очень склонны ошибаться.

Его многочисленные и разнообразные иллюстрации учения об искуплении придают особую ценность Ветхому Завету. Есть те, кто объявляет всю левитскую экономику непостижимой, как Сфинкс, простым испытанием веры и терпения. Тем не менее, его основные элементы просты и поразительны, о чем свидетельствует степень, в которой язык, используемый при их описании, вошел в словарный запас христиан и сформировал избранное средство выражения их переживаний. По дворам скинии и храма непрерывно текли потоки крови, а воздух был густ от дыма благовоний. Огонь на жертвеннике никогда не гас. Стадо, отара и птицы небесные вносили свой вклад в жертвоприношения, которые приносились не только каждое утро и вечер,

но и по бесчисленным другим поводам. Исповедание грехов совершалось над головой жертвы, и кровь окропляла алтарь. Весь ритуал представлял собой одну непрерывную притчу о подмене.

Посредством сложной системы жертвоприношений он демонстрировал путь принятия грешника Богом. Он показывал в образе и тени то, что впоследствии было достигнуто в реальной и неизменной эффективности. Она демонстрировала на внешнем, земном плане то, что было сделано в гораздо более высокой сфере. Кровь быков и козлов должна была резко контрастировать с кровью Того, кто был непорочным Агнцем, Агнцем Божиим, который берет на себя грехи мира. Чудесная трагедия на Голгофе, стоящая в центре мировой истории, находит свою лучшую иллюстрацию в Пасхальной жертве старшего эконома или в ее двойном приношении в великий День Искупления. Целая книга Нового Завета в основном посвящена сравнению первосвященника по чину Мелхиседека и его работы со священством Аароновым и его непрерывным повторением жертвоприношений, которые никогда не могли очистить совесть или устранить грех. Чтобы понять смысл этого сравнения, ощутить его силу и ухватить важную основополагающую истину, нам нужен Ветхий Завет. Его четкие утверждения имеют большую ценность, чем все спекуляции, когда-либо выдвигавшиеся даже самыми проникательными и блестящими философами-теоретиками. Его “предметное учение” о грехе и искуплении является важным фактором в опыте каждого смиренного верующего. Есть много вопросов об этой системе, на которые он не может ответить; но ее внутренняя сущность, ее характерная черта стали жизненной силой его веры.

Далее, Ветхий Завет содержит литургию вселенской церкви. Гимнов Нового Завета очень мало, и потребность верующего в этом отношении уже была удовлетворена Псалтирью. И хотя верно, что богослужебные книги древней церкви содержат много замечательных произведений, они не соответствуют величию и широте еврейского богослужения, как показано в Псалмах поклонения. Ни Амвросий, ни Григорий не достигли и не приближались к этому уровню. Они умерили смелость оригиналов, но их примесь чего-то более христианского и духовного приглушила пыл и уменьшила размах певцов Израиля. “И было бы невозможно, никогда еще не казалось, что так можно христианизировать еврейские гимны, сохранив их силу, их земное богатство и их многообразное великолепие, которые являются самим великолепием, истинными богатствами и грандиозностью Божьего мира, и при этом постараться использовать выражения, которые задевают за живое самые теплые человеческие симпатии. Что же касается силы священной поэзии, то эти силы были расширены в полной мере и были весьма израсходованы еврейскими бардами. Что такое современные гимны, как не множество кропотливых попыток облечь в новую форму то, что, как это было сделано самым лучшим образом много веков назад, никогда не может быть хорошо исполнено снова иначе, как путем словесного повторения”. Так сказал Айзек Тейлор в своем “Духе еврейской поэзии”, и его слова верны. Нет ничего во всей литературе более замечательного, чем адаптация Псалмов для выражения религиозных чаяний человеческой души в любую эпоху и в любом месте. Все тексты песен являются продуктом ивритских времен и ивритского народа, и все же они встречаются даже в переводе, чтобы сделать то, чего ничто другое не делает ни для одного народа в любом месте. Радость и печаль, хвала и молитва, исповедь и благодарение, раскаяние и вера, надежда и страх, все виды, все степени человеческого опыта изложены здесь так, что не оставляют желать ничего лучшего. Самые проникательные и образованные черпают вдохновение из этого источника, а самые юные и немощные находят те же слова утешительными и освежающими. Как литература Псалмы заслуживают самого терпеливого и продолжительного изучения; но как записи сердца, находящегося под впечатлением глубочайших духовных истин, они находят

отклик у множества людей, у которых нет слуха к мелодии и глаза на изящество формы. Как сказал м-р Карлайл, “Дэвид, душа, вдохновленная божественной музыкой, извлекал звуки, которые были отголоском сферических гармоний и до сих пор ощущаются таковыми”. Ввиду этого факта Ветхий Завет, содержащий Псалмы, имеет неизмеримое значение, а пересмотр общепринятой версии представляет соразмерный интерес. Если убрать неясности, если более точно передать смысл, если более отчетливо выявить поэтические особенности, при сохранении ритма и музыки старых переводчиков, то получится очень большой выигрыш как в литературном, так и в религиозном плане. Опыт веков показывает, что Псалтирь по-прежнему будет образцом молитвы и хвалы для сонмов искупленных, и все, что помогает этим сонмам использовать ее более разумно и с большим наслаждением, вряд ли может не стать долговременным благословением.

В подтверждение сказанного можно сослаться на использование слова "вселенская церковь". Все церкви, основанные на Новом Завете, признали вечный авторитет Ветхого как неотъемлемой части Откровения. Сумасбродные взгляды еретических сект, таких как маркиониты второго века и социнианцы шестнадцатого, или отдельных террористов, никогда, даже в самые мрачные периоды, не получали широкого распространения, а скорее служили прикрытием, позволяющим наглядно продемонстрировать поразительное единодушие, с которым паписты и протестанты, Восточная церковь и Западная цеплялись за Ветхий Завет как за неотъемлемую часть Священного Писания. То же самое можно сказать и об опыте христиан всех эпох, свидетельствующем об этом интересном и важном вопросе. Моральное и духовное влияние, оказываемое Библией на характеры и жизни людей, было оказано ею в целом, а не только Новым Заветом. Возможно, справедливо будет сказать, что пропорционально глубине и силе экспериментального благочестия в любую эпоху или у каждого человека была склонность избегать бросания жребия по частям откровения и сохранять его подобно тунике Учителя, “без швов, сотканной сверху донизу”. И даже блестящий, но сумасбродный Эвальд сказал об этом в своей последней опубликованной работе. “Истина в том, что Ветхий Завет содержит множество фундаментальных истин с такой определенностью и полнотой, что они не могут быть более глубокообоснованы или лучше защищены в Новом Завете, но повсюду предполагается, что они незыблемы с древних времен’.

Но вопреки всем этим заявлениям в защиту Ветхого Завета иногда утверждается, что его мораль несовершенна, что он представляет собой более ранние стадии развития этических идей и что поэтому он был полностью вытеснен более чистыми и возвышенными утверждениями Евангелия. В поддержку этого возражения апеллируют к способу, которым евреи овладели Ханааном, к определенным их социальным и домашним институтам, а также к зафиксированным грубым случаям неправомерных действий лиц, признанных истинно верующими. В ответ уместно начать с утверждения, что этические нормы Ветхого Завета совершенны, абсолютно безупречны. Это содержится в Декалоге, который, заложив прочный фундамент религиозных обязательств, продолжает строить на этом фундаменте кодекс социальной этики, который никогда не был и не может быть превзойден, обеспечивая выполнение всех относительных обязанностей, касающихся жизни, личной чистоты, собственности и репутации, замыкая и приковывая все это к себе заповедью, которая проникает в сердце. Новый Завет, пока что далекий от того, чтобы отрицать или принижать это жизненное правило, подтверждает и санкционирует его самым решительным образом. Наш

Господь ясно сказал: “Не думайте, что Я пришел нарушить закон и пророков: Я пришел не нарушить, но исполнить”, Мф. 5:17, то есть, как показали его дальнейшие высказывания, развить его более глубокий смысл, уберечься от неправильных представлений, убрать ложные приукрашивания и дать возможность его подданным соблюдать его. Итак, великий апостол сказал: “Закон свят, и заповедь святая, праведная и благая”, Рим. 7:12. Повсюду

в более поздних Священных Писаниях постоянно упоминаются Десять заповедей как постоянный и авторитетный стандарт моральных обязательств, Матф. 15: 4; 19:17-19; Иоанна 7:19; Деяния 7: 38; Рим. 13: 8-10; Гал. 3: 10; Еф. 6: 2; Евр. 2:2; Иак. 2:8-11; 4:11; 1 Иоанна 5: 2, 3. Ничто за всю историю, ничто в полете человеческого воображения никогда не превосходило обстоятельств величия и благоговения, при которых этот божественный кодекс был объявлен людям. Это было и должно было стать полным выражением человеческого долга.

Но именно на поведение людей в соответствии с этим законом ссылаются те, кто оспаривает Ветхий Завет. Одно из наиболее распространенных возражений основано на том, каким образом Израиль овладел землей Ханаан, а именно путем буквального истребления ее бывших жителей - процедура, которая осуждается как чудовищная и бесчеловечная. Но следует сказать, (1) что массовые разрушения были такими же, какие обрушились на города равнины и на весь мир во время всемирного потопа, разрушения, которые в каждом случае объявлялись наказанием за великие и многообразные грехи; (2) что они были нанесены по прямому повелению Бога, действующего как моральный правитель мира; и (3) что это было необходимо для того, чтобы избранный народ мог занять избранную землю. Единственной альтернативой было превратить в рабов все население. Но это было бы губительно для Израиля, во-первых, из-за привычек лени и потакания своим желаниям, которые неизбежно породило такое положение вещей, а затем, еще в большей степени, из-за тесного и постоянного контакта, который это повлекло бы за собой, с населением, деградировавшим из-за крайне развращенной религии и звериной безнравственности. Если бы евреи были отделены от других рас в каком-то одном конкретном регионе, было необходимо, чтобы предыдущие жители этого региона были удалены. И каким бы ужасным ни было уничтожение хананеев, это была не слишком высокая цена за сохранение истинной религии на земле.

Опять же, утверждается, что Ветхий Завет в Lex talionis отчетливо признавал право частной мести и делал каждого человека мстителем за свои собственные обиды. “Ты отдашь жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб” и т.д. Исход 21: 20 интерпретируется так, как будто это санкционировало индивидуальное возмездие. Но ничего подобного не произошло. Это встречается в судебных уставах и должно толковаться таким же образом. Фактически, он просто провозгласил наказание за умышленно причиненный вред и объявил всем, что тот, кто причинил вред другому, должен соответствующим образом возместить причиненный вред, если только он не может осложнить отношения с потерпевшей стороной, что допускалось в любом случае, за исключением случая преднамеренного убийства, Числ. 35: 31. Исполнение этого закона закон, который содержится в XII Римских таблицах и который, по мнению Монтескье, основан на разуме и вытекает из природы вещей, был передан властям. Утверждение нашего Господа в Евангелии от Матфея. 5: 3: 39 не отменяет это судебное правило, но порицает ошибки тех в его время, кто применял в частном общении и из личной мстительности то, что изначально было дано только для публичного отправления правосудия.

Далее выдвигается возражение, что Ветхий Завет допускал многоженство и внесудебный развод. В отношении последнего из них у нас есть полное и удовлетворительное объяснение от нашего Господа. Он указывает на моногамию, установленную в Раю, как на истинную основу семейной конституции, которая никогда не отменялась. Но в случае с евреями закон был смягчен не потому, что он был неправильным, а из-за "жестокосердия людей". Женщина, будучи более слабым сосудом, несомненно, пострадала бы, если бы не были приняты какие-то меры для умерения свирепости мужчин с грубой натурой и нецивилизованными привычками. Развод был злом, но когда он был оформлен в соответствии с законом, это было лучше, чем постоянное изматывающее угнетение, которому строгое уединение женщин на Востоке позволяло неограниченный простор.

То же самое можно сказать и о полигамии. Она никогда не была установлена, а тем более восхвалялась, поскольку среди мормонов наших дней она считается полезным и благословенным институтом. Напротив, к этому просто относились терпимо, и промысел Божий очень отчетливо показал в жизни патриархов и родителей Самуила, а также в опыте Давида и Соломона, к какому злу это неизбежно привело. Тем не менее, в целом, в такой стране, как Палестина, и в эпоху, когда женщины были отрезаны от всей общественной жизни обоих полов, было, несомненно, целесообразно разрешить отступление от закона, установленного при сотворении мира, и разрешить мужчине иметь больше жен, чем одну, на том основании, что это несовершенное устройство было лучше, чем всеобщее и беспорядочное сожительство, и что привычка настолько глубоко укоренилась, что разумнее регулировать и контролировать ее, чем отвечать на нее абсолютным запретом на этой зачаточной стадии человеческого прогресса.

Рабство - еще одна черта ветхозаветной жизни, которая подвергается суровому осуждению. Принудительное рабство принадлежит низшей цивилизации и, как это ни странно, знаменует собой шаг в ее восходящем прогрессе. Было время, когда все пленники на войне были хладнокровно убиты, но впоследствии их пощадили и заключили в рабство. Отсюда название *servatus* (сохраненный), сокращенное до *servus* (раб). Как живая собака лучше мертвого льва, так и стать живым рабом было лучше, чем быть убитым пленником. Этот институт существовал, когда евреи стали нацией. Они сохранили его, но значительно изменили его суровые черты. Местный раб не мог оставаться таковым дольше шести лет, кроме как с формально данного им согласия, и в любом случае его рабство прекращалось в юбилейный год. Раб-язычник иностранного происхождения мог содержаться в вечном рабстве, но рабстве, не похожем ни на одно из когда-либо существовавших в какой-либо части древнего мира. На него никогда не смотрели как на инструмент, движимое имущество, вещь без каких-либо прав. Нигде в Священном Писании нельзя найти ничего похожего на язык даже таких людей, как Платон или Аристотель, по этому вопросу. Раб пользовался еженедельным днем отдыха и всеми радостными общественными и частными празднествами моисеевой экономики. Прямое упоминание о "слуге и служанке" содержится в Четвертой заповеди, а также в указаниях о домашних праздниках, проводимых на десятину и приношения, Втор. 12:18. Раб был личностью, и как таковой его права были защищены законом. Прежде всего, он был среди людей, которые наслаждались откровением о существе и воле единого живого и истинного Бога, бесконечного в святости и милосердии, а также в мудрости и могуществе. "Иегова, Иегова, Бог милосердный, долготерпеливый, изобилующий добротой и истиной". В Израиле было лучше быть крепостным или невольником, чем богатым человеком с высоким положением в языческой тьме, точно так же, как набожный псалмопевец предпочел быть привратником в доме Божьем, чем мирно жить в шатрах нечестия. Рабство не было запрещено, потому что времена еще не созрели для такого

запрета. Мудрый законодатель всегда приспособливает свое законодательство к характеру и обстоятельствам людей. Даже христианство не руководило немедленным свержением системы, но удовлетворилось провозглашением принципов и привитием обязанностей, которые, несомненно, в конце концов разрушат все оковы и при этом не вызовут социальных потрясений. Феодальная система, которая когда-то господствовала в Европе, была в некоторых отношениях такой же деспотичной, как рабство, однако ее узлы постепенно ослабевали таким же образом, пока теперь это не стало простым названием. Кажется, нет особых оснований сомневаться в том, что разрешение и регулирование рабства при Старой экономике было не только мудрее, но и гуманнее, чем его абсолютный запрет. Это, конечно, не проистекало из жестокости или безразличия к человеческому благополучию. Ибо кодекс Моисея запрещал ненависть и месть, Лев. 19: 17, 18, предписывал доброту даже к врагам, Исход 23: 4, 5, предписывал уважение к глухим, слепым и престарелым, Лев. 19: 14, 32, и требовал нежной заботы о бедных, вдове, сироте и пришельце, Исход 22: 21-27; Втор. 24: 17, 19. Для этого углы поля должны оставаться необработанными, а забытый сноп должен быть оставлен там, где он упал. Даже животные разделяли сострадание еврейского законодателя, Втор. 22:6, 7; 25:4. Такое нежное отношение к слабым и беспомощным, включенное в правовую систему Ветхого Завета, свидетельствует о высокой морали и очень глубоком чувстве. Где прогресс в этих вопросах, который, как нам говорят, можно найти в Новом Завете? Это Завещание не содержит ничего нового ни по форме, ни по духу.

Далее утверждается, что Ветхий Завет содержит многочисленные примеры грубых проступков, виновные в которых все же считались угодными Богу и пользовались его благосклонностью. Это ложь Авраама, Исаака и Иакова, ложь Раав и Иаиль, ужасное жертвоприношение дочери Иеффая, прискорбные злодеяния Самсона и преступления Давида, человека по сердцу, посеянного Богом. В отношении всего этого необходимо твердо придерживаться истины, что грехи есть грехи, кто бы их ни совершал. Ветхий Завет никогда не стирает моральных различий, и мы не должны этого делать. Высокое положение или преимущества человека скорее усиливают, чем уменьшают преступность его злодеяний. Возьмем, к примеру, наиболее распространенное из преступлений, о которых уже говорилось, - ложь. Большая часть лжи, которую говорят, порождается страхом. Ложь - обычное прибежище труса. Но кто должен быть меньшим трусом, чем человек, который верит в живого Бога и считает его своим другом? Ложь патриархов - это печальное пятно на их добром имени. Но Священное Писание не оправдывает их, а просто записывает как неотъемлемые части истории и как торжественные наставления каждому читателю. В случае с Джейкобом его последующий опыт указывает на очень благотворное отношение к нему Провидения. Долгое и мучительное изгнание из дома и страдания от многочисленных обманов со стороны своего тестя были праведным возмездием за грубый обман, с помощью которого он получил благословение от престарелого Исаака.

Раав цитируется и восхваляется как Иаковом, так и автором Послания к Евреям, но восхваляется именно ее вера, а не ее ложь. Она верила в Иегову и в Израиль как в народ его завета и ради них была готова отказаться от дома, друзей и страны. Поэтому она приветствовала и сохранила шпионов и отправила их домой "другим путем", Иас. 2:25, и до сих пор отличалась хорошими делами. Но ее намеренная ложь была пережитком ее языческого воспитания, которому нет и быть не может никакого оправдания. Рожденная и воспитанная в атмосфере обмана, она, несомненно, считала вполне естественным лгать во имя благого дела. То же самое можно сказать и о Джаэль. С ее стороны было хорошо вонзить штырь от палатки в висок спящего Сисары. Поступая таким образом, она совершила должное возмездие врагу Господа, она

встала на сторону народа завета и сделала все, что было в ее силах, чтобы сделать их победу полной и необратимой. За это она получила высокопарную похвалу от Деборы и была провозглашена “благословенной превыше женщин”, или, как некоторые переводят эту фразу, “благословленной женщинами”. Но ее предательство, когда она пригласила Сисару в свой шатер, и ее заверения в безопасности были отвратительны. Эти грубые нарушения истины во многом умаляют ее характер, и все же неоценимая услуга, которую она оказала Израилю, остается актом героической верности стороне права. Она выбрала неправильный путь, чтобы поступить правильно, и певцы "триумфа" не обращают внимания на ее обман и нарушение гостеприимства в своей ненависти к распущенному и жестокому тирану и в своем горячем сочувствии к своей стране, спасенной от идолопоклонства и деградации.

Случай с Иеффаем иной. Его восхваляют как героя веры, и таким он был, приняв командование народом в опасный период, мудро ведя войну и одержав триумфальную победу. Единственное пятно на нем - принесение в жертву его единственного ребенка. Он поклялся Богу, что в случае победы лит “принесет во всесожжение” всех, кто выйдет из его дома встречать его по возвращении. Родилась его дочь, и “он поступил с ней согласно своему обету”. Некоторые хвалили его за самоотречение при выполнении своего обета. Все подобные восхваления почти так же отвратительны, как поступок Иеффая. Его поступок был аморальным и осуждался как таковой в законе. Сам по себе обет был неправильным, поскольку ни один человек не имеет права брать на себя такое неопределенное обязательство, но исполнение его было еще хуже, поскольку оно принижало приносящего жертву до уровня тех хананеев, которых его предки изгнали с лица земли огнем и мечом. Иеффай жил вольнонаемным на границах страны среди деморализующих сообществ, и этот факт, хотя и объясняет его грубое представление о том, что любые обстоятельства могут сделать правильным поступать неправильно, также выставляет в более ярком свете его мудрое, решительное и успешное руководство своими соотечественниками в борьбе с национальным врагом.

Случай Самсона похож. Он представлял собой сочетание сверхчеловеческой физической силы с необычной моральной слабостью. Бог счел нужным использовать его в качестве избавителя своего народа, точно так же, как столетия спустя он поручил это слабому, фанатичному и раздражительному Ионе. Как правило, каналы божественной энергии соответствуют их должности, и чистые люди носят сосуды Господа, но есть исключения для мудрых целей, одной из которых может быть “подтверждение или иллюстрация божественного суверенитета”. Но каковы бы ни были причины, несомненно, что Бог наделил чудесной силой мужчину, который никогда не мог устоять перед домогательствами женщины, но на самом деле совершал постыдные поступки, о которых повествуют легенды о Геракле с Омфалой. Его боевые подвиги, когда он в одиночку сражался с сотнями и тысячами людей, были ярким выражением его веры в Бога; то же самое можно сказать и о его смерти в Газе. Эта смерть была не большим самоубийством, чем смерть любого солдата, который ведет за собой или принимает участие в безнадежной надежде. Он совершил акт возмездия врагам нации, и жертва его собственной жизнью, которой это потребовало, была принесена добровольно, и она навсегда останется свидетельством его самоотреченной верности. Большая часть его жизни была потрачена впустую, но то, что от нее осталось, он посвятил Богу. Вновь обретя свою гигантскую силу, он одним невероятным усилием разрушил храм и унес множество своих угнетателей в общую

могилу. Он попросил и получил божественную помощь, и его подвиг справедливо прославляется как акт веры и силы.

Недостатки Давида, его обманы, его суровость к язычникам, то, как он ввел в заблуждение Вирсавию, и то, как он убил Урию, часто выдвигались в качестве странного комментария к фразе, примененной к нему одному из всех слуг Господа, что он был “мужем по сердцу Божьему”. Но эта насмешка незаслуженна. Фраза в том виде, в каком она встречается в Священном Писании, 1 Цар. 13:14; Деяния 13: 22, использовалась для обозначения его быстрого и непоколебимого послушания, “которое исполнит всю волю Мою”, и в основном была полностью оправдана его жизнью, как личной, так и официальной. В этом он резко отличался от своего предшественника, смелого и бесстрашного, но своенравного и своевольного Савла, который в двух знаменательных случаях нарушил прямое божественное повеление, адресованное ему самому. Сын Иессея на протяжении долгой и разнообразной карьеры служил Господу с особым усердием и успехом, и часто это стоило ему суровой борьбы. Но в его общем курсе на безоговорочное, реальное и радостное послушание были печальные и болезненные исключения, о которых уже говорилось. Недостаточно ответить на них, сказав вслед за м-ром Карлайлом: “Что такое недостатки, каковы внешние детали жизни, если забыть о ее внутренней тайне, угрызениях совести, искушениях, часто приводящей в замешательство, нескончаемой борьбе с ней?” Без сомнения, Давид действительно горько раскаялся, и выражение этого раскаяния в пятьдесят первом псалме имело несказанную ценность для всех последующих поколений, как и будет иметь в грядущие века. Но важный момент, который следует иметь в виду в отношении этих грехов, заключается в том, что они ни в коем случае не были нормальными результатами его характера и воспитания, а скорее исключениями. И за них Ветхий Завет ответственности не несет. Обо всем этом ужасном поступке с Урией и его женой прямо сказано: “Но то, что сделал Давид, было неугодно Господу”, 2 Цар. 1:27. Летопись ценна тем, что показывает, как люди, выдающиеся дарами естественными и приобретенными, занимающие высокие посты и оказывающие большие общественные услуги, могут пасть и покрыть себя позором; но если это так, то это происходит не из-за их веры, а вопреки ей. Таким образом, честь Господа не запятнана беззакониями его народа, и тот факт, что вместо того, чтобы тихо подавлять их, они распространяются на страницах Священного Писания, демонстрирует достоверность этой книги. Сами грехи иллюстрируют слабость человеческой природы, предоставленной самой себе, и убеждают каждого читателя в необходимости постоянной бдительности и осторожности. Если человек по сердцу самого Бога пал так печально и постыдно, то кто из всех сынов человеческих осмеливается хвастаться и быть уверенным?

Следует отметить, что все эти случаи относятся к ранней стадии применения моральных принципов в практической жизни. Это не означает, что произошел прогресс в этических идеях, точно так же, как был прогресс в доктрине на протяжении всей старой экономики. Такого этического прогресса не было, и для него не было места. Об этом свидетельствует не только Декалог, который, несомненно, был дан на Синае, и многие замечательные положения сопровождающих его законодательных актов, но и тот факт, что основные принципы морали всегда и везде были одними и теми же. Ложь, мошенничество, клевета, зависть, воровство, злоупотребление Доверием и убийство запрещены Священным Писанием не более категорично, чем общепринятым мнением цивилизованных народов, древних и современных. Не требовалось никакого откровения, чтобы сказать людям, что все это неправильно. В прошлом столетии один из моравцев, работавший среди аборигенов нашей страны, сказал вождю племени могоган: “Ты не должен лгать, воровать, напиваться” и т.д., и получил

возмущенный ответ: “Ты глупец, неужели ты думаешь, что мы этого не знаем?” Превосходство христианской этики заключается главным образом в примере, который она подает, и в мотивах, которые она предлагает, и лишь в небольшой степени в предписываемых ею предписаниях, как, например, в отношении обязанностей полов. Цель нашего Спасителя в значительной части Нагорной проповеди состоит не в том, чтобы исправить мораль закона, а в том, чтобы отбросить искаженные толкования, которые наложили на него дегенеративные евреи. Уберите эти наслоения, и моральный кодекс Синая засияет столь же ярко, чисто и возвышенно, как высказывания нашего Господа. Учитель действительно совершил замечательную вещь, когда свел Десять Заповедей к двум: любви к Богу как высшему и любви к ближнему как к самим себе, но нигде и ни разу он не отменил и не поставил под сомнение ни одно из десяти слов, произнесенных с пылающей вершины Джебель-Муса. Напротив, когда молодой правитель задал важный вопрос: “Что мне делать, чтобы иметь жизнь вечную?” - ответ пришел незамедлительно: “Если хочешь войти в жизнь, соблюди заповеди” (Мф. 19:17). Невозможно дать никакого рационального объяснения этому высказыванию, которое не подразумевало бы, что эти заповеди охватывают всю сферу человеческих обязанностей. ,

Но хотя все это верно, верно и то, что этические принципы, лежащие в основе экономики Моисея, не сразу проникли в сердца людей и вошли в их жизнь. Для достижения этого результата требовалось время, как и в некоторых других вещах. Например, идолопоклонство у евреев всегда осуждалось. И все же, когда Иаков покинул Паданарам, Рахиль украла и унесла терафимов (домашних божеств) своего отца, Быт. 31: 34; когда сам патриарх отправился из Сихема в Вефиль, ему нужно было сказать своей семье: “Уберите чужих богов, которые среди вас”, Быт. 35: 2; и что касается дней Саула, мы находим, что когда Мелхола хотела обмануть посланников своего отца, притворившись, что Давид болен, она использовала серафимов, чтобы изобразить его фигуру в постели, показывая таким образом, что эти идолопоклоннические изображения никогда не появлялись. место даже в жилище этого хорошего человека. Итак, во времена несовершенной цивилизации Израиля, когда царил более или менее моральный хаос, который всегда сопровождает внезапные перемены, социальные революции, чередование войны и мира, завоеваний и поражений, развитие характера не было равномерным; достоинства в одном направлении уравнивались недостатками в другом; и даже те, кто в основном был честен в соответствии с божественным стандартом, все же иногда терпели неудачу в час испытаний. Наглядную иллюстрацию можно почерпнуть из опыта современных христианских миссий. Одна из евангельских деноминаций нашей страны насчитывает на крайнем Востоке две тысячи членов в полном общении и восемь тысяч человек, известных как приверженцы и. Недавно двух самых мудрых и опытных миссионеров, работающих там, спросили, скольких из этих приверженцев они считают действительно обращенными людьми. Ответ был: “Почти все”. После чего возник вопрос, почему в таком случае они не были приняты в братство церкви и признаны братьями в Господе. Приведенная причина заключалась в том, что они сохранили так много своих старых языческих привычек и склонностей, а их устойчивость под давлением искушения была настолько несовершенной, что были основания опасаться рецидива какой-нибудь вопиющей безнравственности, которая сильно дискредитировала бы имя христианина. Поэтому их так долго удерживали в этом зачаточном дисциплинарном статусе. Именно в таком состоянии находились многие достойные ветхозаветные личности. Стандарт долга был так же высок, как и прежде; засвидетельствуйте заповедь, данную еще во времена Авраама: “Ходи предо Мною и будь совершенен”, Быт. 17: 1, и часто происходила чудесная демонстрация морального совершенства; засвидетельствуйте

того, кто ходил с Богом так близко и постоянно, что ложь была воплощена, невидя смерти, или Самуила, ранне призванного, который в конце долгой общественной жизни был способен призвать целый народ оправдать любое обвинение в несправедливых поступках; но все же, как правило, истинно верующие не доросли до того, чтобы быть праведными. их привилегии и часто попадали в ловушку, что было явно, а иногда и грубо неправильно.

Неспроста записи о подобных вещах были сохранены в книге, предназначенной для всеобщего и бессрочного использования. Ибо хорошо было сказано, что в истории отдельных людей и наций, а также расы в целом, было время, когда донесение истины в таких элементарных и сравнительно грубых формах, как те, что содержатся в Ветхом Завете, казалось необходимым для духовного воспитания характера. По сей день известно, что некоторые повествования и практики старой экономики дают языческим народам более четкое представление о божественной святости и человеческом долге, чем даже более полные раскрытия новой.

> >